КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ОДИННАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ XXXIX.

1892 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчанъ-Новицкаго, Михайловская улица, д. № 4.

Дозволено цензур. Кіевъ, 30-го октября 1892 г.

Назарій Александровичъ Каразинъ и его колоколъ.

О жизни Назара Александровича Каразина, отца знаменитаго виновника основанія университета въ Харьковѣ Василія Назаровича, мы знаемъ очень мало. Намъ извѣстно только то, что сообщилъ о немъ Василій Назаровичъ въ примѣчаніи къ одной изъ своихъ статей. Между тѣмъ данныя о его жизни представляютъ интересъ и для уясненія сложнаго характера его сына; интересно поставить вопросъ, не вліяла ли на образованіе характера Василія Назаровича наслѣдственность и домашняя семейная обстановка. Слишкомъ необычайными для украинца (каковымъ всегда себя считалъ и называлъ Василій Назаровичъ) являются тѣ черты, которыми запечатлѣна дѣятельность этого выходца изъ южной Славянщины; это была безпокойная, бурная натура, человѣкъ, обладавшій огромнымъ запасомъ жизненной энергіи, не могшій сосредоточиться на чемъ-нибудь одномъ и переходившій постоянно отъ одного увлеченія къ другому. Такая же безпокойная натура была и у отца его, который на вѣку своемъ испыталъ не мало приключеній и злоключеній. „Говоря по гречески и по турецки, онъ получилъ отъ имп. Екатерины II-й порученіе отправиться секретно въ Турцію для осмотра и снятія плановъ крѣпостей. Это было предъ началомъ нашей войны съ Турціей. Назаръ Каразинъ былъ представленъ Императрицѣ, какъ хорошій инженерный офицеръ. Переодѣтый монахомъ, съ отрощенной бородой, съ просительною книгой въ рукахъ и съ боченкомъ воды за плечами (въ боченкѣ было четыре дна; между средними были спрятаны бумаги и чертежные инструменты), онъ отправился

Назарій Александровичъ Каразинъ и его колоколъ.

О жизни Назара Александровича Каразина, отца знаменитаго виновника основанія университета въ Харьковѣ Василія Назаровича, мы знаемъ очень мало. Намъ извѣстно только то, что сообщилъ о немъ Василій Назаровичъ въ примѣчаніи къ одной изъ своихъ статей. Между тѣмъ данныя о его жизни представляютъ интересъ и для уясненія сложнаго характера его сына; интересно поставить вопросъ, не вліяла ли на образованіе характера Василія Назаровича наслѣдственность и домашняя семейная обстановка. Слишкомъ необычайными для украинца (каковымъ всегда себя считалъ и называлъ Василій Назаровичъ) являются тѣ черты, которыми запечатлѣна дѣятельность этого выходца изъ южной Славянщины; это была безпокойная, бурная натура, человѣкъ, обладавшій огромнымъ запасомъ жизненной энергіи, не могшій сосредоточиться на чемъ-нибудь одномъ и переходившій постоянно отъ одного увлеченія къ другому. Такая же безпокойная натура была и у отца его, который на вѣку своемъ испыталъ не мало приключеній и злоключеній. „Говоря по гречески и по турецки, онъ получилъ отъ имп. Екатерины II-й порученіе отправиться секретно въ Турцію для осмотра и снятія плановъ крѣпостей. Это было предъ началомъ нашей войны съ Турціей. Назаръ Каразинъ былъ представленъ Императрицѣ, какъ хорошій инженерный офицеръ. Переодѣтый монахомъ, съ отрощенной бородой, съ просительною книгой въ рукахъ и съ боченкомъ воды за плечами (въ боченкѣ было четыре дна; между средними были спрятаны бумаги и чертежные инструменты), онъ отправился въ

путь пѣшкомъ, проникъ въ глубь Турціи, все осмотрѣлъ, вывѣдалъ и снялъ на бумагѣ. Въ Адріанополѣ его схватили на разсвѣтѣ утра за работою, надъ съемкою какого-то бастіона. Онъ успѣлъ бросить боченокъ въ кусты. Но его чуть, по приказанію паши, не посадили на колъ. Онъ убѣжалъ изъ заключенія, доставилъ въ Россію свои замѣтки и планы и привелъ еще съ собою 3000 арнаутовъ, вслѣдъ за нимъ, бросившихъ Турцію. Его сдѣлали ихъ начальникомъ, и съ этимъ отрядомъ онъ пошелъ предъ нашей арміей, открывшей войну съ невѣрными“ [1]). По выходѣ въ отставку онъ былъ награжденъ помѣстьемъ въ Слободской Украйнѣ (ему пожаловано селеніе Кручикъ, въ нын. Богодуховскомъ уѣздѣ Харьковской губ.). Проживая тамъ, онъ столкнулся съ своимъ сосѣдомъ, помѣщикомъ Ольховскимъ, который также служилъ въ военной службѣ и получилъ имѣніе въ Украйнѣ. Это былъ типъ буйнаго воина, не желавшаго разстаться со своими военными привычками и замашками даже въ мирномъ деревенскомъ уголкѣ. Наѣзды польской и западнорусской шляхты представляютъ всѣмъ хорошо извѣстную особенность польской исторіи XVI—XVII вв. Такія лица, какъ Самуилъ Лащъ, создали себѣ, можно сказать, вѣчную неувядаемую славу на этомъ поприщѣ. Даже выходцы изъ Московіи, вродѣ знаменитаго кн. А М. Курбскаго, скоро входили во вкусъ наѣздовъ и обнаруживали въ нихъ энергію, которой могли позавидовать и туземцы. Въ лѣвобережной Малоросіи новое панство, подражая шляхетству Рѣчи Посполитой, также практиковало нерѣдко наѣзды на имѣнія своихъ сосѣдей, хотя повидимому не въ столь широкихъ размѣрахъ, какъ въ Правобережьѣ. Въ Слободской Украйнѣ своими наѣздами прославился выходецъ изъ Правобережной Малороссіи бѣлоцерковскій полковникъ изъ волоховъ Танскій. Ему вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими выходцами волохами—полковникомъ Кигичемъ, офицерами Жіяномъ, Бедрягой, а также рядовыми козаками и поляками—указано было жить въ м. Мурафѣ и устроить конскій заводъ. Но эти новые поселенцы стали причинять

[1]) Г. П. Даниловскій. Украинская Старина.

мѣстнымъ обывателямъ постоянныя обиды. Въ 1720 г. ротмистръ Жіянъ избилъ мурафовскаго священника и его сына; смотрителю казенной табачной фабрики въ Ахтыркѣ поручено было произвести слѣдствіе, но Танскій и Жіянъ уклонялись отъ него. Бригадиръ слободскихъ полковъ Осиповъ писалъ, что волохи причиняютъ наглые грабежи, обиды и разоренія всѣмъ мурафовскимъ обывателямъ, отъ чего ихъ разошлось уже 70 дворовъ. Въ 1724 г. Ахтырскій полковникъ Лесевицкій выступилъ съ новою жалобою на волоховъ, заявляя, что полковникъ Танскій завладѣлъ многими землями обывателей, лѣсами и людьми, безнаказанно наноситъ побои и обиды, разорилъ и сжегъ новопостроенную слободу Шаровку. Въ 1748 и 1749 годахъ полчане снова жаловались на Танскаго и его шайку гайдамаковъ, которая грозила истребленіемъ мурафовской козацкой сотни и между прочимъ снова разорила сл. Шаровку и избила Краснокутскаго атамана [1]).

Новыя выходцы въ Слободскую Украйну при Екатеринѣ, вродѣ Ольховскаго, являются какъ бы прямыми продолжателями Танскаго и его компаніи. Не будучи въ состояніи отстать отъ привычекъ, унаслѣдованныхъ въ безпрерывныхъ войнахъ, относясь высокомѣрно къ мѣстному населенію, которое отдавалось имъ въ подданные, ссорясь и враждуя съ сосѣдями помѣщиками, неприготовленные къ мирнымъ сельскохозяйственнымъ занятіямъ да и не могшіе быстро измѣнить своихъ вкусовъ, они являлись безпокойнымъ и необузданнымъ элементомъ среди мѣстнаго украинскаго общества. Въ этомъ послѣднемъ въ свою очередь не успѣли еще утвердиться новыя гражданскія учрежденія, явившіеся результатомъ реформаторской дѣятельности Евд. Щербинина. Слободская Украйна переживала переходной моментъ своего историческаго существованія: старый козацко-военный бытъ мало-по-малу замѣнялся гражданскимъ. Новыя правительственныя учрежденія ослабили значеніе мѣстныхъ, но сами въ свою очередь не успѣли приспособиться къ чуждой ихъ формамъ средѣ. Канцелярская процедура, запутан-

[1]) Филаретъ. Ист. стат. опис. Харьк. епархіи, III, 208—209.

мота богодуховскому протопопу Димитрію Захаржевскому съ разрѣшеніемъ заложить въ сел. Кручикѣ вмѣсто прежней ветхой новую церковь на иномъ мѣстѣ. Почему нынѣ существующая деревянная церковь заложена въ 1774 году 14 сентября, а освящена 30 августа 1776 г. преосв. Аггеемъ во Имя Воздвиженія Честнаго и Животворящаго Креста Господня. Когда же построена была въ с. Кручикѣ прежняя церковь и съ какого времени существуетъ самое село Кручикъ—ничего не извѣстно. А такъ какъ въ 1770 году въ с. Кручикѣ была церковь уже ветхая, то можно полагать, что она построена въ концѣ 1600-хъ годовъ или же въ началѣ 1700-хъ. Нынѣшняя же церковь существуетъ уже 117 лѣтъ и, хотя была подважена въ 1840-хъ годахъ, но еще и теперь прочна; устроена въ формѣ креста и соединена посредствомъ придѣла съ колокольнею. Подъ церковью и колокольнею устроенъ склепъ, въ которомъ погребенъ умершій въ 1783 году 14 марта создатель церкви полковникъ Назарій Александровичъ Каразинъ [1]). На колокольнѣ отъ начала ея построенія были боевые часы, которыхъ уже давно нѣтъ, а колоколъ, къ которому они были приведены, до нынѣ цѣлъ. Вѣсомъ онъ въ 15 пудовъ; вокругъ него внизу литая надпись съ нѣкоторыми стертыми словами. Вотъ эта надпись въ ея нынѣшнемъ видѣ (стертыя мѣста обозначаются черточками): сей колоколъ . . . . . ющіе къ Богу людей . . . села Кручика и деревни Основинецъ . . . Васильевымъ сыномъ . . . . 1776 года августа 16 числа. Одинъ изъ потомковъ Н. Каразина поясняетъ эту надпись, какъ слышалъ отъ своей бабушки, внучки того Каразина, такъ: сей колоколъ *гласы вопіющіе* къ Богу людей *убіенныхъ* села Кручика и деревни Основинецъ *Саввою* Васильевымъ сыномъ *Ольховскимъ* (послѣднее слово хотя и стерто, но нѣкоторыя буквы замѣтны и по нимъ можно догадаться, что оно вѣрно) 1776 года августа 16 числа.

---

[1]) Въ 1820-хъ годахъ Вас. Наз. Каразинъ просилъ преосв. Павла дозволить ему приготовить для своего гроба мѣсто подъ церковью. Но такъ какъ для этого понадобилось бы вынимать на время изъ склепа находившіеся тамъ гробы, то преосв. Павелъ на основаніи одного Синодальнаго указа отказалъ Каразину въ его просьбѣ. Подлинное прошеніе В. Н. Каразина хранится въ консисторскомъ архивѣ.

По какой же причинѣ сдѣлана надпись на колоколѣ и потомъ нѣкоторыя слова стерты — объясняютъ такъ. Помѣщики села Кручика Назарій Каразинъ и села Шаравки, отстоящаго отъ Кручика на 10 в., Савва Ольховскій спорили между собою за какую-то землю, которою хотѣлось владѣть и тому, и другому, и какъ ни одинъ изъ нихъ не хотѣлъ сдѣлать уступки, то рѣшили овладѣть ею силою, для чего и выставили на границу своихъ имѣній (смежныхъ между собою), своихъ крестьянъ, вооруженныхъ кольями; началась битва, въ которой съ обѣихъ сторонъ погибло много людей, но ольховцы все таки одолѣли. Тогда Каразинъ, въ отмщеніе Ольховскому за побѣду и въ память о своихъ побитыхъ людяхъ, вылилъ сей колоколъ съ означенною надписью и привелъ къ нему часы, чтобы всегда, во время ихъ боя, вспоминать о невинно погибшихъ своихъ людяхъ. По смерти же Назара Александровича Каразина, послѣдовавшей въ 1783 году 14 марта, сынъ его Василій Назаровичъ изгладилъ изъ той надписи нѣкоторыя слова, чтобы и самому забыть и чтобы потомки не знали о враждѣ, бывшей между его отцомъ и сосѣднимъ помѣщикомъ.

Въ церкви находится эпитафія Назарію Каразину, написанная по преданію философомъ Сковородою. Она помѣщается въ церкви, а не надъ гробомъ, потому что хода въ склепъ не имѣется. Эпитафія написана на простой деревянной доскѣ, окрашенной черною краской, славянскими буквами, нѣкогда красными, а теперь уже побѣлѣвшими. Эта доска прежде стояла въ алтарѣ на задней сторонѣ иконостаса, а теперь въ церкви, на лѣвомъ клиросѣ, съ задней стороны заклироснаго кіота. На этомъ видномъ мѣстѣ поставлена она для того, чтобы всякому желающему можно было прочитать эту эпитафію“.

Въ общихъ чертахъ эти преданія сходны, но въ подробностяхъ (и даже весьма существенныхъ) заключаютъ въ себѣ непримиримыя противорѣчія; кромѣ того, они все таки оставляютъ въ этомъ дѣлѣ много неяснаго. Къ счастію мы имѣемъ еще и документальныя данныя, отчасти подтверждающія, отчасти дополняющія и исправляющія устныя сообщенія. Харьковское намѣстническое правленіе отправило преосв. Ѳеоктисту, епископу бѣл-

городскому оффиціальное извѣщеніе (въ 1795 году), въ которомъ просило объ освидѣтельствованіи колокола съ надписью въ с. Кручикѣ. Дѣло началось по жалобѣ, поданной въ правленіе Ольховскимъ на уѣзднаго предводителя дворянства Николая Куликовскаго. Послѣдній въ двухъ своихъ оффиціальныхъ прошеніяхъ, представленныхъ въ намѣстн. правленіе и уголовную палату, между прочимъ написалъ, что Ольховскій не только не заслуживаетъ никакого довѣрія, но даже не можетъ быть терпимъ въ обществѣ честныхъ людей, такъ какъ правительствующій сенатъ въ 1781 г. присудилъ его къ лишенію чина, содержанію на хлѣбѣ и водѣ и церковному покаянію за избіеніе подданныхъ черкасъ села Кручика, а Каразинъ въ память объ этомъ поступкѣ его вылилъ колоколъ со слѣдующею надписью: „сей колоколъ кровь вопіющая къ Богу людей побитыхъ села Кручика и дер. Основинецъ Саввою Васильевымъ сыномъ Ольховскимъ“ (1776 г.); сверхъ того, въ краснокутскомъ уѣздномъ судѣ производилось дѣло объ убійствѣ Ольховскимъ казеннаго обывателя слоб. Мурафы, при чемъ, во время повальнаго обыска, произведеннаго дворянами, о немъ былъ данъ неодобрительный отзывъ. Ольховскій заявлялъ, что все это вымыслы, пасквили, за которые Куликовскаго нужно отдать подъ судъ; они порочатъ его честь, какъ депутата, и вмѣстѣ съ тѣмъ недостойны предводителя дворянства, какъ это видно изъ устава благочинія (11-го отдѣленія 271-й статьи). За эти ругательства и за распространеніе пасквиля на металлѣ нужно отослать Куликовскаго подъ судъ, а съ самимъ пасквильнымъ колоколомъ поступить по всей строгости законовъ (сжечь); до тѣхъ же поръ, пока начнется слѣдствіе, нужно немедленно предписать краснокутскому нижнему земскому суду и капитану-исправнику объ изслѣдованіи пасквильной надписи, о снятіи колокола съ колокольни и о храненіи его при судѣ; но такъ какъ этотъ пасквильный колоколъ хранился при церкви, то слѣдуетъ подвергнуть законной отвѣтственности и церковнослужителей „за храненіе при божественномъ храмѣ толико непотребной, но паче противной божественнымъ и монаршимъ законамъ вещи“, ибо этотъ „колоколъ не о молитвѣ ко исправленію, но на тяжкое

имени его, Ольховскаго, поруганіе, ко услажденію противящихся божественнымъ и монаршимъ нравоученіямъ сердецъ гласомъ злобы вопіетъ, чему при храмѣхъ Божіихъ быть не должно". Въ этой жалобѣ Ольховскій, какъ мы видимъ, категорически не отрицаетъ возведенныхъ на него обвиненій, а только находитъ, что ругательная надпись на церковномъ колоколѣ оскорбляетъ религію и государство. Намѣстническое правленіе, конечно, не могло оставить этого извѣта безъ послѣдствій и дало дѣлу законный ходъ. Оно прежде всего обратилось въ уголовную палату съ запросомъ, возможно-ли послѣ всего этого Куликовскому и Ольховскому оставаться при ихъ должностяхъ; затѣмъ направило дѣло объ оскорбленіи на письмѣ Куликовскимъ Ольховскаго въ волковскій уѣздный судъ, а краснокутскому нижнему земскому суду предписало изслѣдовать вмѣстѣ съ депутатомъ отъ духовнаго правл. надпись на колоколѣ въ с. Кручикѣ; кромѣ того, обо всемъ этомъ было сообщено для зависящихъ распоряженій преосвящ. Ѳеоктисту, епископу Бѣлгородскому и Курскому. Бѣлгородская духовная консисторія предписала Краснокутскому духовному правленію осмотрѣть колоколъ, что было и исполнено. Оказалось дѣйствительно, что на большомъ колоколѣ снаружи при краяхъ имѣются вылитыми такія слова: „сей колоколъ кровь вопіющая къ Богу людей побитыхъ села Кручика и деревни Основинецъ Саввою Васильевымъ сыномъ Ольховскимъ 1776 г. августа 15 дня". Къ этому колоколу былъ прикрѣпленъ часовой молотъ, который билъ часы въ слово имени Саввы; священники и церковнослужители обязаны были подпиской о сохраненіи колокола. Все это происходило въ 1795 году.

Назаръ Александровичъ Каразинъ прибѣгнулъ къ своему оригинальному мщенію повидимому только послѣ того, какъ не могъ добиться управы надъ Ольховскимъ обычными средствами суда. О его попыткахъ въ этомъ отношеніи даютъ нѣкоторыя свѣдѣнія два дѣла, хранящіяся въ Харьковскомъ историческомъ архивѣ. (Харьковское отдѣленіе, VI, № 286 и 188). Столкновенія между Ольховскимъ и Каразинымъ начались въ 1775 г. Савва Ольховскій, бывшій тогда капитаномъ козловскаго

пѣхотнаго полка, проживалъ въ своемъ селѣ Шаровкѣ; онъ не исполнялъ никакихъ служебныхъ обязанностей, а все свое время посвящалъ хожденію по дѣламъ въ Ахтырской провинціальной и въ слободскоукраинской губернской канцеляріяхъ, вотчинномъ департаментѣ и межевой конторѣ; но при немъ всетаки проживала и военная команда, что давало ему огромное преимущество передъ другими мирными помѣщиками-сосѣдями. Между прочимъ Ольховскій въ январѣ 1775 г. ночью прислалъ къ мельницѣ Каразина, находившейся въ чертѣ его земельныхъ владѣній на р. Мерлѣ, своего прикащика Данила Мещерякова съ командою болѣе 20 чел., вооруженныхъ ружьями, копьями и дубинами; они разломали въ избѣ двери и окна и избили четырехъ человѣкъ подданныхъ Каразина и захватили ихъ съ собою въ Шаровку. Затѣмъ въ августѣ мѣсяцѣ того же года, по приказанію Ольховскаго, прикащики его Григорій Васильевъ да крѣпостной Митька съ шаровскими и мураховскими подданными захватили семь скирдъ сѣна, накошеннаго людьми Каразина на его собственныхъ поземельныхъ дачахъ, а на другую ночь снова воровски увезли 6 скирдъ сѣна изъ хутора Каразина Мандричина. Каразинъ сдѣлалъ заявленіе объ этомъ краснокутскому коммиссарскому правленію, вахмистръ котораго Андрей Чаговецъ вмѣстѣ съ понятыми прослѣдилъ движеніе подводъ съ сѣномъ въ Шаровку. Ахтырская провинціальная канцелярія потребовала къ отвѣту Ольховскаго, но тотъ объявилъ, что не явится, такъ какъ находится здѣсь по казенному дѣлу для покупки на полкъ воловъ и лошадей, при этомъ прибавилъ, что провинціальная канцелярія имѣетъ въ своей инструкціи „вздоръ и бредню“. Каразинъ указывалъ, что это одни отговорки, и что Ольховскій, проживая здѣсь съ командою, только даромъ получаетъ жалованье.

Въ 1776 г. послѣдовалъ новый ночной наѣздъ Ольховскаго на хуторъ Каразина, наѣздъ, имѣвшій характеръ настоящаго нападенія. На этотъ разъ Ольховскому помогала и мать его Татьяна Абазина. Дѣло окончилось тѣмъ, что двое подданныхъ Каразина было убито, а двадцать девять ранено и изувѣчено; захвачено было также много разныхъ пожитковъ. Началось

оффиціальное слѣдствіе, которое тянулось до 1779 года; но и въ этомъ году не было еще вполнѣ закончено: состоялась только сентенція (т. е. мнѣніе) слободско укр. губ. канцеляріи, которая должна была еще пойти на апробацію малорос. ген. губ. П. А. Румянцева-Задунайскаго, а, можетъ быть, и Правительствующаго Сената.

Каразинъ сообщаетъ намъ содержаніе этой сентенціи, но насколько его сообщеніе соотвѣтствуетъ дѣйствительности—сказать трудно по неимѣнію прямыхъ положительныхъ данныхъ. Впрочемъ косвенныя соображенія приводятъ насъ къ убѣжденію, что онъ былъ близокъ къ истинѣ. Дѣло въ томъ, что слоб. укр. губ. канцелярія жаловалась Румянцову за разглашеніе ея сентенціи, но при этомъ не заявляла, чтобы Каразинъ невѣрно изложилъ дѣло. Каразинъ же писалъ, что мать Ольховскаго, Абазина присуждена была къ тѣлесному наказанію, самъ же Ольховскій бѣжалъ въ Петербургъ, чтобы выхлопотать тамъ себѣ апелляцію. Дѣло, очевидно, должно было окончиться серьезно для обвиняемыхъ. Это видно между прочимъ и изъ тѣхъ рѣшительныхъ мѣръ пресѣченія, которыя принимали слободско-украинская губ. канцелярія противъ матери Ольховскаго. Когда рѣшеніе состоялось, губ канцелярія распорядилась „съискать Абазину и содержать до конфирмаціи приговора ее при губ. канц. подъ карауломъ“. Для взятія ея подъ стражу былъ отправленъ въ деревню Шаровку прапорщикъ Ивковъ съ 4 солдатами и унтеръ-офицеромъ; но порученія своего онъ не могъ исполнить, потому что она . . . оказалась опасно больна. Прапорщику Ивкову не повѣрили и послали лѣкаря Михайловскаго, который нашелъ, что обвиняемая находится уже въ преклонномъ возрастѣ, болѣзненнаго сложенія и, кромѣ того, страдаетъ маточными болѣзнями. Вслѣдствіе такого заявленія Ивкову поручено было остаться у Абазиной, ожидать ея поправленія, чтобы представить въ Харьковъ, вмѣстѣ съ тѣмъ тайно слѣдить за тѣмъ, не появится ли у матери сынъ—и тогда арестовать и его. Но прапорщику Ивкову сдѣлалось, очевидно, скучно проводить время у старушки Абазиной, и онъ проситъ объ освобожденіи его отъ этой обязанности, ссылаясь также

на тяжкую болѣзнь. Тогда на смѣну прапорщику Ивкову отправили прапорщика Кумикина, который также долженъ былъ ожидать выздоровленія майорши Абазиной. И онъ ждалъ, и не скучалъ, и не болѣлъ. Но Каразину надоѣло ожиданіе; онъ, очевидно, не вѣрилъ въ болѣзнь Абазиной и полагалъ, что харьк. губ. канцелярія и прапорщики потворствуютъ отвѣтчицѣ. И вотъ онъ пишетъ челобитную на имя Румянцева, въ которой проситъ взять подъ стражу Абазину, иначе она можетъ убѣжать подобно своему сыну. Каразинъ, вѣроятно, хорошо зналъ старую майоршу и имѣлъ основаніе думать, что она можетъ обнаружить ловкость въ побѣгѣ, равную храбрости въ „гвалтовномъ наѣздѣ“. Да и сама губ. канцелярія также, очевидно, была высокаго мнѣнія о доблести и рѣшительности Абазиной въ военныхъ стычкахъ, ибо рекомендовала извѣстнымъ уже намъ прапорщикамъ обратиться за помощью и содѣйствіемъ къ мураховскому казенному управленію.

Получили ли въ концѣ концовъ должное возмездіе отъ Немезиды Ольховскій и его мать, изъ документовъ ясно не видно. Можно полагать, что Ольховскій получилъ, но съ точки зрѣнія Наз. Каразина недостаточное. О характерѣ наказанія можно судить изъ приведеннаго выше отзыва Куликовскаго. Онъ въ прошеніи своемъ, какъ мы видѣли, заявлялъ, что Сенатъ въ 1781 г. присудилъ Ольховскаго за избіеніе Каразинскихъ подданныхъ къ лишенію чина, заключенію на хлѣбъ и воду и церковному покаянію. Мы скорѣе допускаемъ эту версію, чѣмъ ту легенду, которая сохранилась въ устной передачѣ (что Ольховскаго высѣкли въ Петербургѣ); быть можетъ, поводомъ къ этому разсказу о сѣченіи Ольховскаго послужило преданіе о приговорѣ надъ его матерью Абазиной, которая, какъ мы знаемъ изъ прошенія Наз. Каразина, была присуждена къ этому наказанію. Какъ бы то ни было, Наз. Каразинъ считалъ наказаніе, постигшее Ольховскаго, недостаточнымъ и рѣшилъ еще наказать нравственно. Мы, конечно, принимаемъ ту редакцію надписи на колоколѣ, какую намъ оставили слѣдователи; эпитета „проклятый“ (Савва) въ ней не было.

Не такъ давно въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ была напечатана статья объ „историческихъ“ колоколахъ въ Россіи. Къ цѣлой серіи достопримѣчательныхъ колоколовъ, тамъ описанныхъ, мы прибавили еще одинъ, „Каразинскій“, который по справедливости долженъ занять тамъ довольно почетное мѣсто.

Д. И. Багалѣй.

СОВРЕМЕННАЯ МАЛОРУССКАЯ ЭТНОГРАФІЯ.[1]

Д. И. Эварницкій.

Съ этнографической дѣятельностью Я. П. Новицкаго большое сходство имѣетъ дѣятельность Димитрія Ивановича Эварницкаго. Остатки Запорожья въ народной словесности привлекли ихъ вниманіе и собраны ими въ значительной полнотѣ. Г. Эварницкій началъ съ небольшихъ статей о Запорожьѣ, затѣмъ расширялъ ихъ все болѣе и болѣе народными преданіями и отчасти архивными матеріалами, такъ что въ 1888 г. „Запорожье“ вышло въ двухъ довольно объемистыхъ томахъ (290+251), а въ текущемъ году въ новой переработкѣ съ дополненіями выходитъ уже въ 3 томахъ неменьшаго объема. О сочиненіяхъ г. Э. можно судить съ разныхъ точекъ зрѣнія, и, какъ уже было въ печати, можно отнестись къ нимъ съ похвалами (М. И. Семевскій, А. Н. Пыпинъ) и съ осужденіемъ (гг. Ястребовъ, Линниченко, И. Житецкій). Признавая въ „Запорожьѣ“ г. Э. слабыя стороны (лирическія отступленія, недостатокъ крикритики пособій и источниковъ), мы не можемъ не признать, что авторъ по живому личному отношенію къ излюбленному имъ предмету изслѣдованія далъ широкую постановку дѣлу изученія запорожской старины, положилъ на него много труда и представилъ много новыхъ фактовъ въ видѣ разныхъ описаній и измѣреній, произведенныхъ на мѣстѣ, въ видѣ преданій, записанныхъ изъ народныхъ устъ, наконецъ, въ видѣ мно-

[1]) Кіевск. Стар. 1892 г. № 10.

гочисленныхъ фотографій съ вещественныхъ памятниковъ запорожской старины.

Д. И. Эварницкій, уроженецъ харьковскаго уѣзда, получилъ образованіе въ харьковскомъ университетѣ по историко-филологическому факультету, который окончилъ въ 1881 г. По выходѣ изъ университета г. Эварницкій года два состоялъ преподавателемъ русскаго языка въ Харьковѣ въ частной женской гимназіи, затѣмъ переѣхалъ въ Петербургъ и здѣсь нѣсколько лѣтъ продолжалъ педагогическую дѣятельность. Въ 1892 г. г. Эварницкій получилъ мѣсто чиновника особыхъ порученій при туркестанскомъ генералъ-губернаторѣ.

Въ началѣ 80-хъ годовъ г. Э. на своей родинѣ, на границѣ харьковской и курской губерній записалъ много народныхъ пѣсенъ. Позднѣе, во время частыхъ экскурсій на Запорожскія пепелища г. Э. собиралъ пѣсни, преданія, заговоры, большую часть которыхъ внесъ въ „Запорожье“, кое-что напечаталъ въ Екатер. Губ. Вѣд. 1888—1890 годовъ.

У г. Э. факты документальные идутъ рядомъ съ фактами литературно-этнографическими, событія дѣйствительныя съ отраженіями ихъ въ народной памяти и пониманіи. Это имѣетъ свои удобства и неудобства. Отъ соединенія исторіи съ этнографіей „Запорожье“ выигрываетъ въ живости и занимательности разсказа и проигрываетъ въ научной точности и основательности. Этнографическія сообщенія, разсказы дѣдовъ о старинѣ располагаютъ читателя и, быть можетъ, самого автора къ такому добродушному довѣрію, которое ослабляетъ историческую критику и скептицизмъ.

Останавливаясь исключительно на этнографической части въ трудахъ г. Э., мы должны предварительно оговорить, что г. Э. всегда и вездѣ выступаетъ исключительно, какъ собиратель матеріала. Мѣстами наряду съ народными пѣснями идутъ отрывки изъ стихотвореній Шевченка и Щоголева. Путемъ провѣрокъ и сравненій можно прійти къ заключенію, что лично г. Эварницкому принадлежитъ много интересныхъ этнографическихъ записей, въ значительной степени восполняющихъ предшествовавшіе мѣстные историческіе и этнографическіе труды

Скальковскаго, архіеп. Ѳеодосія, Надхина и Новицкаго, составляющихъ въ совокупности цѣлый отдѣлъ мѣстной этнографіи на исторической подкладкѣ. Если бы г. Эварницкій въ свое время выдѣлилъ этнографическій матеріалъ и издалъ его отдѣльно съ надлежащими помѣтками о времени и мѣстѣ записи и съ указаніемъ на варіанты, то получился бы оригинальный и цѣнный сборникъ народныхъ преданій о запорожцахъ. Во всякомъ случаѣ, и въ настоящемъ своемъ видѣ „Запорожье“ г. Эварницкаго представляетъ полезный вкладъ въ малорусскую этнографію. Главное значеніе его состоитъ въ массѣ историческихъ преданій, и потому мы здѣсь прежде всего сдѣлаемъ обзоръ ихъ, затѣмъ перейдемъ къ пѣснямъ, которыя, сравнительно съ преданіями, малозначительны; многія изъ пѣсенъ, помѣщенныхъ въ началѣ главъ, въ видѣ эпиграфовъ, и принятыхъ авторомъ за народныя, въ дѣйствительности или пѣсни искуственной фабрикаціи, или пѣсни, испорченныя посторонними вліяніями.

Кромѣ матеріаловъ, вошедшихъ въ „Запорожье“, мы остановимся въ концѣ статьи на интересной „присказкѣ до нюхарей“, напечатанной г. Эварницкимъ въ „Екатерин. Губер. Вѣдомостяхъ“.

Разсказы Якова Литвина о привѣтливости Екатерины II и о богатырствѣ запорожцевъ: читали, не учившись грамотѣ (птица клевала въ лобъ, оттого и дѣлались грамотными); 7 лѣтній ребенокъ снесъ на колокольню пушку; въ церкви наиболѣе сильные удерживали дыханіе, чтобы не свалить съ ногъ попа; клали землю въ сапоги и шапки; дѣлались невидимками; по разрушеніи Сѣчи ушли на „райскія острова“; при кончинѣ міра возвратятся (I, 12—14). Въ этихъ разсказахъ не трудно замѣтить легкую примѣсь изъ сказокъ о богатыряхъ семилѣткахъ и сказокъ о рахманахъ.

Разсказъ Платона Завгородняго о притѣсненіи жидовъ запорожцами; какъ запорожецъ билъ жида кійкомъ и заставлялъ потомъ купить кій (I, 37—38),

Разсказъ какого-то дѣда *о сотвореніи міра*, связанный съ балкой Безпятой. Богъ создалъ сначала теленка, потомъ поро-

сенка, наконецъ ребенка, а чортъ создалъ волка, который потомъ хотѣлъ съѣсть чорта и вырвалъ у него пятки, отчего и стали черти безпятыми (I, 46).

Преданіе о построеніи Новомосковскаго собора. Св. Николай указалъ мастеру Погребняку, какъ строить церковь. Легенда, какъ указываетъ г. Э., взята имъ изъ „Церков. памятниковъ Запорожья“ Надхина.

Разсказы Самойла Пруса 80 л. о набѣгахъ татаръ, о сторожѣ запорожской и насмѣшливая пѣсня „Славни хлопци запорожци“ (извѣстная: запорожцы не видали ни церкви, ни попа, за церковъ принимали скирду сѣна, а за попа козла). Преданіе о сажаніи на колъ (стовпова смерть) и о томъ, что отъ такой казни освобождали, если дѣвушка заявляла о своемъ желаніи выйти замужъ за приговореннаго къ казни (108—111).

Описаніе хаты и вечери у дѣда Дмитра Бута, хранителя преданій, свѣдѣніями котораго ранѣе уже пользовался Я. П. Новицкій. Сказанія Бута о запорожской фаунѣ (зайцахъ, волкахъ, желтобрюхахъ (152—158).

Приказка о водкѣ безъ обозначенія, когда и отъ кого записана, нѣсколько, можетъ быть, пріукрашенная: „Хто ты?“—Оковыта. „А зъ чого ты?“—Изъ жита. „А звидкиля ты?“—Изъ неба! „А куды ты?“—Куды треба. „А билетъ у тебе е?“—Ни, нема!—Такъ отъ тутъ-же тоби тюрьма! (выпивается).

Преданіе о происхожденіи мѣстныхъ названій скалъ, пороговъ и пр. I, 191, 219 и др., мелкія и малозначительныя.

Разсказы о знахарствѣ запорожцевъ I, 255, какъ они переливались въ рѣчку, плавали на войлокѣ, ловили пули, замучивали въ степи бабъ („смакувалы“).

Весьма обширными, содержательными и наиболѣе цѣнными въ историко-бытовомъ отношеніи представляются разсказы дѣда *Ивана Игнатовича Россолоды* (II, 1—33). По сообщенію г. Э., Россолодѣ было около 116 лѣтъ, цыфра, вызывающая сомнѣніе, особенно, если принять во вниманіе обиліе и свѣжесть историческихъ воспоминаній Россолоды. Въ началѣ (1—3) авторъ сообщаетъ свѣдѣнія о жизни этого замѣчательнаго старика, затѣмъ идутъ разсказы Россолоды, что у запорожцевъ

при крещеніи ребенка въ купѣль бросали порохъ, какъ возникло Запорожье изъ всякаго рода бѣглыхъ, о густотѣ травы (у воловъ только роги мріють), объ обиліи лѣсовъ, звѣрей, птицъ, пчелъ, рыбъ (о дикихъ коняхъ и лебедяхъ), о запорожцахъ лыцаряхъ и гниздюкахъ, о битвахъ съ татарами и турками, объ избіеніи дѣтей татарскихъ (давили лавкой—общій мотивъ), о хвастовствѣ поляковъ, о пыткахъ и казняхъ, которымъ подвергали запорожцы поляковъ и жидовъ, о пристрастіи запорожцевъ къ табаку, о запорожскихъ увеселеніяхъ, о музыкальныхъ инструментахъ, занятіяхъ и ремеслахъ, объ устройствѣ куреней, бурдюговъ и зимовниковъ (цѣнныя подробности), о приготовленіи пищи и посудѣ, весьма подробныя сообщенія объ одеждѣ и оружіи (20—26), о деньгахъ, о кошевомъ, о наказаніи преступниковъ, о сложеніи пѣсенъ, о религіозности и построеніи въ Кіево-печерской лаврѣ иконостаса и о разореніи Сѣчи Екатериною.

Преданіе объ И. Д. Сиркѣ—родился съ зубами, застрѣлилъ чорта, ходитъ по свѣту до сихъ поръ (II, 76), о сѣдлѣ съ золотыми пуговицами и какъ присвоилъ его себѣ жидъ шинкарь (II, 78).

Разсказъ Прокопа Табуненка о томъ, какъ три чорта служили Грыцьку Горбатому, возили ему золото и потомъ, по его приказанію, обсадили Чортомлыцкую Сѣчу лѣсомъ (II, 89); сказаніе сложилось для объясненія названія Сѣчи и подъ вліяніемъ сказочныхъ мотивовъ о Маркѣ Богатомъ. Далѣе, Табуненко сообщилъ интересный новый варіантъ преданія о разореніи Сѣчи Екатериной, преданіе объ уходѣ подъ землю запорожской церкви и преданіе, что Галаганъ, разорившій Сѣчь въ 1709 г., знался съ чертями (II, 90—92).

Разсказы Сукура и Оникіенка о названіи казаковъ (начальникъ былъ козарь, имѣлъ тысячу козъ), о заселеніи Сѣчи дѣтьми, побѣдахъ надъ турками и ляхами, о томъ, какъ обѣдали запорожцы во дворцѣ длинными ложками (варіантъ у Новицкаго), насмѣшки надъ придворными, о нападеніи Потемкина на Сѣчь и уходѣ запорожцевъ. Потемкинъ приглашалъ ихъ возвратиться, но кошевой отвѣтилъ:—„Ой спасыби, тоби, Грыцьку,

та за твою ласку, шо мы йлы на Велыкдень та гречану паску“ (II, 93—99).

Преданіе *о гибели запорожскихъ лыцарей* (II, 153) замѣчательно, какъ южнорусская параллель къ былинамъ о томъ, какъ перевелись богатыри. Лыцари изображаются настоящими богатырями (голова въ семь пудовъ, съ расправленными усами въ двери не войти, превращались въ котовъ, въ рѣчки, въ волшебныя зеркала видѣли, что дѣлается за тысячу верстъ, „знаюки“, „велыть-люди“). Царица рѣшила ихъ уничтожить. Они рѣшили броситься въ рѣку Бугъ. Впереди выѣхали кошевой и есаулъ; они ударили рукой по камню, и на камнѣ остались слѣды отъ руки, на память потомству. Закричали казаки пугу! пугу! и бросились съ конями въ воду, и теперь они еще плаваютъ на днѣ рѣки Буга. Присутствіе въ преданіи Буга напоминаетъ пѣсни о разореніи Сѣчи въ 1709 г. „Ишли наши славни запорожци по-надъ Богомъ рикою“ и др.

Сказанія о запорожскихъ *кладахъ* (II, 197—199), *флорѣ и фаунѣ* (II, 207), о мѣстныхъ названіяхъ (217, 222 и др.).

Весьма интересны *разсказы Ивана Хотюна* о запорожцѣ и его женѣ чародѣйкѣ, о Семенѣ Палiѣ и Грыцькѣ Сагайдакѣ. Преданіе о Сагайдакѣ, чисто историческое (какъ нападали татары и потомъ запорожцы отнимали у нихъ плѣнниковъ), представляетъ варіантъ преданія, зап. Новицкимъ въ 10 № „Степи“, 1885 г. Въ литературномъ отношеніи любопытно преданіе о Палiѣ, обширное и содержательное (не отмѣчено въ обширной литературѣ предмета у В. В. Каллаша во II вып. „Этногр. Обозр.“ 1889 г.). Семенъ Палій въ молодости назывался Попильныкомъ („усе у попили валявсь“). Далѣе, какъ въ отмѣченномъ ранѣе варіантѣ г. Новицкаго, Палій застрѣлилъ черта, получилъ силу и долговѣчность (какъ мѣсяцъ измѣнялся, но не умиралъ), наводилъ на ляховъ „ману“, далѣе, какъ въ вар. Менчица, Палій замурованъ въ столбъ Мазепой, освобожденъ Петромъ Великимъ, помогъ ему одолѣть Мазепу. Интересна одна деталь, напоминающая былину про Василія пьяницу и думу про Михайлика. Палій выстрѣлилъ изъ своего ружья въ чарку Мазепы и попалъ въ нее, когда Мазепа подно-

силъ ее ко рту, мелкій варіантъ общераспространеннаго литературнаго мотива на тему о мѣткости стрѣльбы (II, 233).

Дѣлая общій обзоръ преданій и сказокъ, записанныхъ г. Эварницкимъ отъ стариковъ, нужно предпочтеніе отдать разсказамъ Россолоды, Табуненка и Хотюна.

Пѣсни, нашедшія мѣсто въ „Запорожьѣ“ г. Эварницкаго, большею частью фальшивыя. Есть выдержки изъ подлинныхъ напечатанныхъ думъ. Къ пѣснямъ авторъ отнесся невнимательно. Относительно печатныхъ, напр,, „Днипре-брате“ (I, 253), отрывка пѣсни о казакѣ Голотѣ (I, 149) и думы о Байдѣ (I, 210), не указанъ источникъ, откуда онѣ взяты (Истор. пѣс. малор. нар.). Относительно нѣкоторыхъ новыхъ замѣчено только „народная пѣсня“, что не оправдывается содержаніемъ пѣсни. Въ I т. 60 стр. пѣсня „*А вже литъ більшъ двисти якъ козакъ въ неволи*“ несомнѣнно фальшивая, уже потому, что народные пѣвцы не знаютъ цыфровой хронологіи. Далѣе, жалоба казацкой доли, что она „пидъ великимъ калауромъ у тюрьми“ также обличаетъ искусственную сочиненность пѣсни.

Въ I, 252 пѣсня „*Ой гукъ, маты, гукъ*“ также сомнительная. Странно, напр., выраженіе, что казаки „попередъ себе ляхивъ облавою пруть“.

Отрывокъ „*закряче воронъ степомъ летючи*“ (II, 36) или невѣрно переданъ, или кѣмъ либо пріукрашенъ. Въ ней рядомъ идутъ воронъ, зозуля, кречеты и орлы, что необычно для народной поэзіи; далѣе сомнительны стихи „закрюклють (?) кречеты сызи, зажахаются (?) орлы хыжи“.

Пѣсня про Сирка „Ой якъ крыкне старый орелъ“ (II, 74) записана г. Эварницкимъ въ с. Покровскомъ екатериносл. уѣзда. Г. Э. замѣчаетъ: „пѣсня, видимо, не народнаго склада“. Это сомнѣніе, вполнѣ приложимое ко всѣмъ предыдущимъ народнымъ пѣснямъ въ „Запорожьѣ“, менѣе всего вызывается пѣснью о Сѣркѣ, сотканной изъ мотивовъ вполнѣ народныхъ. Мнѣ представляются нѣсколько сомнительными только два выраженія (запорожье до Сирка „тнется“ и загудило „якъ Чорное море“).

Четверостишіе *про запорожцевъ и Галагана*, въ родѣ насмѣшки надъ запорожцами: „Ты казавъ, пане Галагане, що въ

насъ війска немае, а якъ выйде на таракана, такъ якъ макъ процвитае" (II, 92). Тараканъ поставленъ вмѣсто собственнаго имени, и пѣсня въ устахъ запорожцевъ имѣла серьозное значеніе. Это четверостишіе представляетъ отрывокъ исторической пѣсни про разрушеніе Чертомлыцкой Сѣчи Яковлевымъ и Галаганомъ въ 1709 г., гдѣ оно звучитъ такъ: „Казавъ еси, пане Галагане, що у Сичи Москвы не мае; колы гляну—помижъ курынями якъ макъ процвитае".

Отрывокъ народной пѣсни *про козака бандуриста* „А въ темному лузи явиръ зелененькій„ (II, 100).

Псевдо-народная пѣсня *„Ой пиднявся орелъ зъ Великого Лугу"* (II, 142). Сочиненность видна въ цѣломъ и въ частяхъ пѣсни. Орелъ созываетъ орлятъ, чтобы полетѣть „на ридны (?) могылы, бо тіи могылы славу нашу вкрылы". Образы и обороты совсѣмъ чуждые народной поэзіи.

Четырестишіе *про Алешковскую Сѣчь* (II 144) также псевдонародное. Высказывается недовольство Алешками, причемъ Алешковская Сѣчь названа „поганой лычыной" — дѣло неумѣлаго фальсификатора.

Несомнѣнно народная пѣсня *о паденіи Запорожья*: „Ой зъ-пидъ города, зъ-пидъ Елизавета" (II 163).

Также несомнѣнно народная пѣсня *про Калнышевскаго*, небольшая, „Ой полеты ты, черная галко, та на Динъ рыбы исты" (II 178); буквально сходна съ пѣсней у Максимовича (изд. 1837 г.) на стр. 128; у Максимовича только вмѣсто Калныша стоитъ „кошевой". Г. Э. записалъ эту пѣсню въ Богодарѣ александ. у. Екатер. губ.

Пѣсня о паденіи Запорожья (II 189), народная извѣстная уже въ печати: „Та ще не свитъ" и проч.

Большая народная пѣсня „Свитъ велыкый" *про паденіе запорожья*, зап. г. Эварницкимъ въ с. Писаревкѣ харьковскаго уѣзда (II 201—202). Варіанты этой пѣсни отмѣчены нами въ статьѣ о г. Новицкомъ при разсмотрѣніи пѣсни о Харькѣ.

Народная пѣсня *„Та черная хмара наступае"*—варіантъ извѣстной думы о Ганжѣ Андыберѣ, взята изъ какого-то печатнаго изданія (см. *Костомарова,* Ист. казач. 197).

Въ предисловіи къ „Запорожью“ г. Эварницкій говоритъ, что имъ записана для отдѣльнаго изданія тысяча пѣсенъ. И къ этимъ неизданнымъ матеріаламъ позволимъ себѣ примѣнить высказанное уже однажды нами пожеланіе, чтобы пѣсни были издаваемы не въ сыромъ видѣ, а съ критикой и разборомъ, съ устраненіемъ извѣстнаго и псевдо-народнаго. Въ настоящее время доброкачественность изданія уже не можетъ быть измѣряема объемомъ, а исключительно критическими пріемами.

Интересные этнографическіе матеріалы были напечатаны г. Эварницкимъ въ Екатеринославскихъ Губ. Вѣд., именно разсказы о кладахъ, какъ найти ихъ (1889 № 49), двѣ сказки о дурнѣ и своенравной женщинѣ, присказка до нюхарей (1889 №№ 60 и 63) и нѣсколько заговоровъ (1890 № 43). Матеріалъ записанъ хорошо. Изъ этихъ записей значительный интересъ представляетъ присказка до нюхарей, записанная г. Эварницкимъ въ Екатеринославской губ. отъ крестьянина Василія Бережнаго. Заглавіе присказки не совсѣмъ точно передаетъ ея содержаніе. О нюхаряхъ говорится только въ началѣ присказки; затѣмъ слѣдуетъ юмористическій разсказъ на некрасовскую тему „Кому на Руси жить хорошо“. Разсказчикъ, прежде чѣмъ начать свою присказку, вынимаетъ изъ праваго кармана своихъ шароваръ длинный рогъ съ табакомъ, постукиваетъ имъ о колѣно, нюхаетъ, потчиваетъ другихъ и затѣмъ начинаетъ присказку: „А сходьтесь, люды добри, табаки понюхаты, а рады послухаты“. Разсказчикъ говоритъ далѣе, что встрѣтилъ старика, разговорился съ нимъ объ употребленіи табаку, причемъ оказалось, что на Украинѣ табаку „тылько те и не вжыва, шо въ колысци спочива“. Но и для „малой дытыны“ приготовлена „роговына“ (нюхаютъ изъ рога). Затѣмъ рѣзкій скачокъ на эту „дытыну“. Идетъ „маненькій хохольчикъ“ сначала въ школу; здѣсь его бьетъ дьяконъ; мальчикъ бросаетъ школу и поступаетъ къ сапожнику, потомъ переходитъ къ ткачу, отъ ткача уходитъ въ городъ на легкіе заработки; но и въ городѣ ему не понравилось; онъ попадаетъ въ село въ „русскіе попы“ безъ знанія грамоты и устанавливаетъ большіе поборы (со двора по коровѣ, волу, овцѣ и пр.). Прослуживъ 5 лѣтъ попомъ, онъ ушелъ

изъ села, поссорился со своими сыновьями и очутился въ хатѣ слушателя присказки. Эта повѣсть замѣчательна въ томъ отношеніи, что въ нее вошло нѣсколько „нисенитницъ", отчего и вся повѣсть получаетъ характеръ „нисенитницы". Подъ такой литературной формой скрыта сатирическая основа повѣсти, и скрыта настолько удачно, что повѣсть можетъ безпрепятственно фигурировать въ печати,—рѣдкое проявленіе въ народной словесности прикровенной формы рѣчи.

Въ повѣсть вошли слѣдующія нисенитницы: 1) молодецъ идетъ въ городъ Быльци; тамъ дурныи людцы косою цыбулю косятъ, вилами борщъ носятъ, 2) потомъ онъ идетъ въ городъ Вонгарь, тамъ новый анбаръ, вилъ печеный, чеснык товченый; стремыть нижъ — отрижъ та ижъ; 3) поступаетъ попомъ въ церковь, которая „зъ варениковъ злиплена, млынцями вкрыта" и пр., 4) видитъ попа—„якъ яшный снипъ" и пр. и 5) когда уходилъ изъ села, то сыновья его посадили на смоляного коня, который растаялъ отъ солнечныхъ лучей.

Г. Эварницкій находитъ, что „Присказка до нюхарей—малорусское Горе-Злосчастіе, переданное лишь въ простой, безъ поэтическихъ красотъ, формѣ и не съ такимъ глубоко-трагическимъ содержаніемъ, зато съ неподражаемымъ малороссійскимъ юморомъ". Съ своей стороны мы настолько высоко ставимъ повѣсть о Горѣ-Злосчастіи, какъ памятникъ нравственно-философскій, что „Присказку до нюхарей" устраняемъ отъ серіознаго съ нимъ сопоставленія. Юморъ „присказки" грубоватый, особенно во второй ея половинѣ, въ отношеніи малорусскаго „молодца" къ церкви и духовенству. Нельзя сказать, чтобы эта грубость проявилась исключительно въ „присказкѣ до нюхарей". Есть и другія подобныя присказки и пѣсни, болѣе слабыя, короткія, а подчасъ и болѣе грубыя, напр., записанныя г. Манжурой въ екатеринославской губ. Пѣсни „Якъ бувъ соби чоловикъ пророка", „Якъ пишовъ я лужкомъ—бережкомъ" (краткій варіантъ присказки).

Присказка до нюхарей, записанная г. Эварницкимъ, представляетъ лучшее проявленіе того новаго рода народной словесности, который мѣстами носитъ названіе „бесѣды" и въ пе-

чати представленъ весьма незначительнымъ числомъ записанныхъ пѣсенъ—разсказовъ. Это нѣчто среднее между пѣснею и повѣстью, съ сатиритическимъ элементомъ, съ насмѣшками мужика надъ панами, духовными лицами, иногда надъ самимъ собой, своей недолей. Языкъ большею частью неправильный. Стихъ невыдержанный. Содержаніе грубоватое. Нѣсколько такихъ неизданныхъ пѣсенъ мы имѣемъ подъ руками въ сборникѣ г. Манжуры, принадлежащемъ харьковскому историко-филологическому обществу. Пѣсни эти имѣютъ характеръ отдѣльныхъ частей или обрывковъ „Присказки до нюхарей“, въ отдѣльности гораздо болѣе грубыхъ. Въ сборникѣ этнографическихъ матеріаловъ липовецкаго у. кіев. губ. въ *VIII т.* „*Zbiór wiadomosci*“ 229—233 находится три такихъ бесѣды: 1) Бесѣда про волостнаго пана и старосту (насмѣшки надъ сельскими властями и панами), 2) Бесѣда про мужицкое горе (измѣна жены; жалобы на сельскихъ священниковъ; жалобы на панщину; на побои отъ пановъ и ихъ приказчиковъ), и 3) Бесѣда про парубоцьки заробитки (краткое описаніе одежды бѣдняка). Къ разряду такихъ же бесѣдъ принадлежитъ сказка о Кирикѣ и подобныя въ *Zbiór wiadomosci* IX, 149—152 и въ „*Малор. народ. пред.*“.

Пѣсни или точнѣе стихотворныя повѣсти „бесѣды“ въ новѣйшее время записаны также у поляковъ, притомъ поляковъ далекаго запада (въ Силезіи). По стихотворному складу, по обычаю болѣе декламировать, чѣмъ пѣть, отчасти по содержанію польскія „бесѣды“ сходны съ малорусскими. Въ польскихъ бесѣдахъ нѣтъ той бойкой, а мѣстами злой сатиры, какая пробивается въ бесѣдахъ малорусскихъ. Въ польскихъ болѣе жалобъ и сѣтованій, напр., пѣсня объ инженерахъ болѣе походитъ на малорускую пѣсню—виршу: „Нема въ свити правды“, чѣмъ на бесѣду: „W świecie wszędy prawda mała; juź ją fałesz owładała... nie uważa pan siedlaka, gdy nie zarobi piętaka“... Прусскій полякъ въ „Pieśń o naszej biedzie“ жалуется:

Zatym nastał czas takowy,
Piszą swinie, konie, krowy,
Piszą owcy i barany
Cóż poczniemy z temi pany?

Nie śmie zlapać w lesie ptaka,
Ani ryby, ani raka,
Nie smie w lesie krowy popaść,
Bo cie gajny hned chce dopaść.....
Boże! zmiłuj sie nad nami,
Bychmy mogli żyć z panami (*Zbiór.* IX, 279).

Присказка до нюхарей, при всей грубости ея тона и неправильностяхъ языка, сравнительно съ малорускими и польскими бесѣдами выдается по внутренней силѣ, величинѣ и цѣльности. Оригинальна въ ней комбинація частей, соединеніе въ одно цѣлое нѣсколькихъ сказочныхъ мотивовъ, быть можетъ, съ мѣстными бытовыми примѣненіями или намеками. Не слѣдуетъ, однако, думать, что главная часть присказки (разсказъ о томъ, какъ невѣжественнаго молодца въ попы поставили) оригинальна. Г. Эварницкій напрасно усматриваетъ въ „русскомъ попѣ“ раскольничьяго попа. Мы, кажется, будемъ ближе къ истинѣ, если, устранивъ въ данномъ случаѣ всякія бытовыя или историческія пріуроченія, весь разсказъ о томъ, какъ малорускаго молодца въ русскіе попы поставили, пріймемъ за весьма распространенный литературный мотивъ изъ весьма распространенныхъ сказокъ про дурныхъ людей или глупыхъ народовъ. Существовали такія сказки еще въ древней Греціи (абдериты) и въ древней Руси (лѣтописныя сказанія о печенѣгахъ). Въ новое время записаны въ разныхъ мѣстахъ Россіи (*Аѳанасьевъ*, *Чубин.*, *Мошинская* и др.), у поляковъ (*Zbiór wiadom.* VIII), у французовъ (сборники *Bladé*, *Sauvé* и др.), на Кавказѣ (*Сборн. матер.* VII) и др. Сказки о глупыхъ людяхъ состоятъ обыкновенно въ томъ, что сынъ (или мужъ), считая родителей (или жену) глупыми, ищетъ болѣе разумныхъ людей и находитъ еще болѣе глупыхъ, между прочимъ, находитъ глупыхъ литвиновъ (т. е. бѣлоруссовъ), напр. въ малорусской сказкѣ г-жи *Мошинской* въ Zbiór wiadom. IX, 143, которые избираютъ безграмотнаго героя сказки въ попы за то, что онъ прорубилъ окна въ новоотстроенной церкви. Наряду съ 5 нисенитницами въ присказку, слѣдовательно, вошла также сказка о литвинахъ.

Н. Сумцовъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

ТРЕВОЖНЫЕ ГОДЫ.

Очерки изъ общественной и политической жизни г. Кіева и юго-западнаго края въ 1811—1812 гг. [1])

II. ПОЛИТИЧЕСКІЯ ОПАСЕНІЯ.

Положеніе поляковъ юго-западнаго края въ первые годы царствованія Александра I.—Кіевская милиція 1806 г.—Поворотъ въ настроеніи поляковъ съ 1807 г.—Губернаторы: П. Панкратьевъ и М. Милорадовичъ.—Неудавшаяся патріотическая манифестація кіевскихъ дворянъ.—Вооруженія 1811 г. и мѣры противъ появленія польскихъ эмиссаровъ и шпіоновъ.—Доносы на поляковъ.—Кіевскіе контракты 1812 г.—Усиленный надзоръ за поведеніемъ обывателей кіевской губерніи.—Хлѣбные ревизоры.—Народное ополченіе.—Донесенія изъ уѣздовъ о настроеніи польскаго дворянства.—Евреи, „приверженные къ Россіи".—Слухи о военныхъ дѣйствіяхъ.—Столкновеніе губернскаго маршала съ губернаторомъ.—Милостивый манифестъ 12 декабря 1812 года.

„Всесильный Богъ назначаетъ участь народамъ. Когда пришелъ жребій пасть славному народу польскому, и часть провинцій его досталась во владѣніе Австріи и Пруссіи, то монархи земель тѣхъ, для уничтоженія и имени польскаго, назвали ихъ провинціями Южными, Западными и Сѣверными австрійскими и прусскими; но Александръ Первый, тотчасъ по вступленіи своемъ на престолъ, рекъ присоединенному къ Россіи польскому краю: возвращаю всѣ твои привилегіи и преимущества, дворянамъ принадлежащія; позволяю, чтобъ они судъ и расправу производили по прежнимъ своимъ законамъ и на поль-

[1]) См. „Кіевск. Старина" 1891 г., № 11.

скомъ языкѣ и чтобъ судей сами себѣ избирали.—А когда сей найсправедливѣйшій нашъ монархъ обезпечилъ и утвердилъ прежде и теперь всѣ наши привилегіи и преимущества, то и мы обезпечиваемъ и ручаемся сохранить свойственную полякамъ истинную вѣрность къ своимъ монархамъ и отечеству".

Это было сказано маршалкомъ васильковскаго повѣта, статскимъ совѣтникомъ и кавалеромъ Хоецкимъ, въ торжественной рѣчи, произнесенной въ общемъ собраніи дворянъ кіевской губерніи, 28 декабря 1806 года. Едвали нужно пояснять, что подъ именемъ „присоединеннаго къ Россіи *польскаго края*", столь взысканнаго милостями благодушнаго Александра I, ораторъ разумѣлъ не коренныя польскія области, въ то время не принадлежавшія еще Россіи, а именно юго-западныя (и отчасти сѣверозап.) губерніи, хотя и населенныя искони русскимъ племенемъ, но и подъ русскимъ владычествомъ долго еще слывшія подъ именемъ „польскихъ" или, на оффиціальномъ языкѣ, „отъ Польши пріобрѣтенныхъ". Какъ извѣстно, императрица Екатерина II, образовавъ эти губерніи изъ земель, доставшихся Россіи послѣ раздѣловъ Польши, немедленно ввела въ нихъ русское управленіе, уничтожила дѣйствіе Литовскаго статута, учредила русскіе суды и другія присутственныя мѣста и предприняла энергичныя мѣры къ водворенію въ краѣ русскаго землевладѣнія. Сынъ и преемникъ ея Павелъ I пожелалъ исправить мнимыя неправды своей матери по отношенію къ Польшѣ: вступивъ на престолъ, онъ велѣлъ освободить около 11,000 поляковъ, сосланныхъ за участіе въ возстаніи Костюшки, и возвратить имъ конфискованныя и уже розданныя русскимъ имѣнія, возстановилъ католическія и уніатскія епархіи, такъ какъ видѣлъ въ католичествѣ оплотъ противъ разливавшагося въ западной Европѣ свободомыслія и невѣрія, и въ 1797 г. издалъ два указа: по одному—польскимъ дворянамъ присоединенныхъ отъ Польши областей предоставлялось право избирать изъ своей среды на сеймикахъ губернскихъ и уѣздныхъ маршаловъ и другихъ чиновниковъ, а по другому — имъ же даровалось право избранія генеральныхъ судей въ главные суды и предсѣдателей въ прочіе суды, при чемъ возстановлялось дѣйствіе Литовскаго

статута и судопроизводство на польскомъ языкѣ. Съ тѣхъ поръ почти всѣ административныя и судебныя должности въ юго-западныхъ губерніяхъ исключительно были заняты поляками.

Съ воцареніемъ Александра I для поляковъ западнаго края открывалась еще болѣе блестящая эра. Всѣмъ было извѣстно, что молодой императоръ, благодаря вліянію друга своей юности, князя Адама Чарторыйскаго, преисполненъ самыми благожелательными чувствами по отношенію къ Польшѣ и искренно желаетъ облегчить ея „бѣдствія“, и всѣ надѣялись, что онъ явится воскресителемъ ея. Терпѣливо ожидая этого вожделѣннаго времени, поляки спокойно могли готовиться ко дню своего государственнаго возрожденія, пользуясь тѣмъ привилегированнымъ положеніемъ, какое занимали они въ новомъ отечествѣ. Свободные отъ податей, рекрутскаго набора и другихъ государственныхъ повинностей, они были во всемъ уравнены съ правами и преимуществами русскаго дворянства, среди котораго тотчасъ заняли выдающееся положеніе; за ними охотно признавали довольно сомнительные графскіе и княжескіе титулы; въ ихъ рукахъ оставался судъ, школа, имъ открытъ былъ свободный доступъ ко всѣмъ государственнымъ должностямъ до губернаторскихъ и сенаторскихъ мѣстъ включительно. Ихъ вотчинная власть надъ мѣстнымъ населеніемъ, подъ защитой русскихъ законовъ, выросла до размѣровъ, неизвѣстныхъ въ эпоху польскаго владычества, когда помѣщикамъ и во снѣ и наяву грезился страшный призракъ гайдамаки. Въ тѣ времена крайняго усиленія крѣпостничества въ самой Россіи никому, конечно, не могла прійти мысль о томъ, чтобы въ видахъ хотя бы политическихъ усилить и поддержать въ новоприсоединенномъ краѣ единственный русскій элементъ—въ лицѣ милліоновъ закрѣпощеннаго народа. Еще со временъ Екатерины о немъ прилагали попеченіе только какъ о народѣ *единовѣрномъ* и лишь въ рѣдкихъ случаяхъ (наприм., въ манифестѣ о присоединеніи къ Россіи юго-западнаго края по второму раздѣлу Польши) вспоминали и о его *единоплеменности*, но для улучшенія быта этого единовѣрнаго и единоплеменнаго народа, такъ долго стенавшаго подъ ярмомъ шляхетскимъ и въ чаяніи лучшей доли не-

удержимо рвавшагося къ соединенію съ Россіей, не было предпринято ни одного шага; напротивъ, на его плечи легла теперь вся тяжесть государственныхъ повинностей и въ числѣ ихъ самая тяжелая — рекрутчина, отъ которой были освобождены не только поляки, но и евреи. Въ то же время русское правительство не дѣлало ничего для противодѣйствія открытой, систематической полонизаціи западно-русскихъ областей, которая съ такой энергіей начата была еще польской эдукаціонной коммиссіей и достигла высшаго напряженія въ эпоху Чацкаго; напротивъ, русская политика того времени открыто признавала это явленіе и содѣйствовала ему цѣлымъ рядомъ мѣръ не только школьнаго, но преимущественно административнаго характера. Всѣ эти странныя на современный взглядъ явленія происходили отъ незнанія или нежеланія знать прошлое, отъ невниманія къ интересамъ народной массы: за деревьями не хотѣли видѣть лѣса. Не одни поляки въ то время были убѣждены, что западно-русскій край есть органическая часть Польши, давно завоеванная силою ея цивилизаціи; то же убѣжденіе господствовало и въ русскомъ обществѣ и находило отзвукъ въ высшихъ правительственныхъ сферахъ: вспомнимъ, что императоръ Александръ I имѣлъ серьезное намѣреніе, возстановивъ Польшу, возвратить ей русскія области по Березину и Днѣпръ.

Обращаясь въ частности къ кіевской губерніи, слѣдуетъ замѣтить, что преобладающее большинство дворянскаго сословія въ ней принадлежало польской національности. Правда, къ тому времени и русское землевладѣніе успѣло уже пустить здѣсь корни: изъ 485,000 крѣпостныхъ душъ въ губерніи почти цѣлая четверть (122,000 душъ) принадлежала русскимъ помѣщикамъ, имѣнія которыхъ сосредоточивались преимущественно въ черкасскомъ и чигиринскомъ уѣздахъ, гдѣ и предводителями были также дворяне русскаго происхожденія. То были по большей части титулованныя лица (кн. Лопухины, графы Самойловы, Бобринскіе, Трощинскіе и др.), пріобрѣвшія покупкой или получившія отъ правительства въ даръ крупныя помѣстья изъ быв-

шихъ королевскихъ и старостинскихъ имѣній и чаще всего проживавшія въ столицахъ, при дворѣ. Общая численность русскаго дворянства въ кіевской губерніи, вмѣстѣ съ безпомѣстными русскими чиновниками, простиралась въ 1812 году всего лишь до 1170 лицъ, тогда какъ польскихъ дворянъ считалось свыше 43,600 человѣкъ. Изъ нихъ около 3000 лицъ были собственно помѣщики, владѣвшіе 363,000 душами крестьянъ, остальные 40,000 человѣкъ составляли такъ называемую мелкую *шляхту*, въ составъ которой входили: посессоры, чиншевики, оффиціалисты и другіе безпомѣстные и безчиновные шляхтичи.

Въ 1806 г. кіевскіе дворяне были порадованы новымъ необычайнымъ знакомъ царскаго къ нимъ довѣрія. Осенью этого года, какъ извѣстно, Пруссія подверглась разгрому со стороны Наполеоновскихъ войскъ и самый Берлинъ очутился въ рукахъ Бонапарте. Желая спасти союзницу, императоръ Александръ предпринялъ вступить въ рѣшительную борьбу съ счастливымъ побѣдителемъ, и въ этихъ видахъ изданъ былъ манифестъ (отъ 6 декабря 1806 г.) о созывѣ „чрезвычайнаго ополченія, подъемлемаго на защиту православной церкви“ и отечества отъ покушеній „изверга“, т. е. Наполеона, который въ этомъ манифестѣ изображался „неистовымъ врагомъ мира и благословенной тишины“, чудовищемъ, виновнымъ одновременно: въ поклоненіи идоламъ, въ принятіи мусульманства и въ желаніи объединить іудеевъ и провозгласить себя Мессіею [1]). Дворяне кіевской губерніи съ величайшимъ энтузіазмомъ отозвались на этотъ призывъ и въ короткое время изъ своихъ крѣпостныхъ (и отчасти мѣщанъ и казенныхъ крестьянъ) сформировали десятитысячную земскую *милицію*, въ составѣ которой находился особый, конный отрядъ въ 600 человѣкъ, набранный исключительно изъ польскихъ шляхтичей. Главнымъ военачальникомъ этого ополченія избранъ былъ помѣщикъ кіевской губерніи графъ

---

[1]) Полн. Собр. Законовъ, 1806 г., № 22394.

А. Н. Самойловъ, но за то званія повѣтовыхъ начальниковъ милиціи, тысячныхъ, пятисотенныхъ, сотенныхъ командировъ, казначеевъ, провіантмейстеровъ, адъютантовъ и другихъ чиновниковъ дворяне поляки исключительно распредѣлили между собою. По этому именно случаю и происходилъ въ Кіевѣ тотъ дворянскій съѣздъ, на которомъ васильковскій маршалъ Хоецкій произносилъ упомянутую рѣчь и отъ имени своихъ собратій торжественно ручался за неизмѣнную вѣрность поляковъ къ монарху и отечеству. „Не видитъ ли каждый добродѣтельный дворянинъ,—восклицалъ ораторъ,—сколь милосердъ и добръ монархъ нашъ Александръ Первый, поистинѣ вселюбезнѣйшій отецъ для всѣхъ подвластныхъ ему земель, а особливо для поляковъ!.. Онъ осыпаетъ насъ благодѣяніями не только наравнѣ съ древними россіянами, но, по-истинѣ сказать, еще и болѣе оказываетъ намъ даровъ своей милости, удостоивъ насъ, недавно отъ Польши присоединенныхъ, толикою же довѣренностью, какъ и древнихъ россійскихъ дворянъ [1])". Кіевскому ополченію не пришлось принять участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ: 25 іюня 1807 г. состоялось извѣстное Тильзитское свиданіе императора Александра съ Наполеономъ и заключеніе между ними тѣснѣйшей дружбы и союза; тѣмъ не менѣе кіевская милиція продолжала существовать нѣкоторое время какъ-бы исключительно для удовольствія мѣстныхъ дворянъ, которые видѣли въ ней эмбріонъ будущей національной арміи.

Событія 1807 года составляютъ своего рода поворотный пунктъ въ настроеніи польскихъ патріотовъ юго-западнаго края, и въ связи съ этимъ ихъ отношенія къ русскому правительству постепенно утрачиваютъ прежній, нѣсколько идиллическій характеръ: съ одной стороны—надежды уступаютъ мѣсто разочарованію, съ другой—довѣріе смѣняется подозрительностью. Лозунгъ къ этой перемѣнѣ поданъ былъ съ запада. Въ то время,

---

[1]) А. Андріевскій, „Историч. Матеріалы изъ архива Кіевск. Губ. Правленія", вып. 2, стр. 111—135.

когда поляки западно-русскаго края убаюкивали себя сладкой надеждой, что русскій императоръ явится обѣтованнымъ исполнителемъ чаяній сердца ихъ, соберетъ разсѣянныхъ, соединитъ расточенныхъ и воздвигнетъ новый храмъ польскому Израилю,— ихъ австрійскіе и познанскіе братья нашли другого мессію—въ лицѣ перваго французскаго консула. Великія и неожиданныя перемѣны, совершившіяся въ Европѣ со времени появленія на политическомъ поприщѣ генерала Бонапарте, его безпрерывные и безпримѣрно-удачныя войны, сопровождавшіяся разрушеніемъ старыхъ и созданіемъ новыхъ государствъ, невольно влекли умы и сердца ихъ къ тому, кто такъ властно возвышалъ однихъ и низвергалъ въ бездну ничтожества другихъ и съ такой легкостью перекраивалъ политическую карту Европы. Въ восходившей звѣздѣ Наполеона сыны разгромленной Польши увидѣли зарю собственной свободы. Польская молодежь отовсюду массами стремилась подъ его знамена и съ беззавѣтною отвагою сражалась въ горахъ Испаніи, на берегахъ Прегеля, Дуная и впослѣдствіи подъ стѣнами Москвы, надѣясь этимъ путемъ завоевать свободу отечества. Во время войны 1806—1807 г.г., когда кіевскіе дворяне съ такимъ усердіемъ организовали земское ополченіе для борьбы съ „неистовымъ врагомъ мира“, ихъ заграничные братья съ особеннымъ рвеніемъ старались выразить свои симпатіи „освободителю народовъ“, сформировавъ значительный вспомогательный отрядъ подъ начальствомъ Домбровскаго, и въ благодарность за то получили изъ рукъ Наполеона *Варшавское герцогство*, созданное изъ земель, отнятыхъ имъ у Пруссіи въ 1807 г. Съ тѣхъ поръ въ умахъ поляковъ идея политическаго возрожденія ихъ отечества окончательно слилась съ личностью Наполеона, для котораго они готовы были приносить всевозможныя жертвы. Если до того времени не всѣ поляки беззавѣтно поклонялись „великому императору“ и многіе вліятельные вожди ихъ (А. Чарторыйскій, Огинскій) хотѣли видѣть въ русскомъ императорѣ Александрѣ будущаго возстановителя Польши, то со времени учрежденія Варшавскаго герцогства, имѣвшаго свой сенатъ, законодательный корпусъ, государственный совѣтъ, министерства и даже собственную національную армію въ 50 ты-

сячъ человѣкъ, Наполеонъ сдѣлался безраздѣльнымъ властителемъ думъ и сердецъ всѣхъ поляковъ,—въ особенности послѣ того, какъ, снова разгромивъ въ 1809 г. Австрію, онъ присоединилъ часть Галиціи къ Варшавскому герцогству и тѣмъ еще болѣе укрѣпилъ надежды поляковъ на возвращеніе всѣхъ земель, входившихъ въ составъ Рѣчи-посполитой до ея раздѣловъ. Поэтому поляки остались глухи къ увѣреніямъ императора Александра, что „Россія—не врагъ ихъ, а истинный и естественный другъ", что она—единственная держава, которая можетъ „возродить Польшу" и даже возвратить ей нѣкоторыя русскія области по Двину, Березину и Днѣпръ, но подъ условіемъ присоединенія Польши навсегда къ Россіи, императоръ которой будетъ носить вмѣстѣ и титулъ короля польскаго.

Все, что совершалось въ коренной Польшѣ, находило естественный откликъ въ Литвѣ, на Волыни, Подоліи, Украинѣ и въ другихъ русскихъ областяхъ, недавно еще входившихъ въ составъ Рѣчи-посполитой. Какъ ни велика была, по видимому, рѣшимость польскихъ дворянъ юго-западнаго края сохранить до конца чувства вѣры и долгъ вѣрности по отношенію къ испытанному „благодѣтелю поляковъ", императору Александру, и не итти вслѣдъ за своими привислинскими братьями на поклонъ къ новому мессіи, но вѣдь въ сущности и сами они жили тѣми же политическими идеями и волновались тѣми же чувствами, что и обыватели Варшавы и Кракова. И вотъ со времени провозглашенія Наполеона польскимъ мессіей начинаются побѣги волынскихъ и украинскихъ шляхтичей заграницу для вступленія въ составъ легіоновъ французскихъ. Долгое время правительство не придавало этимъ побѣгамъ важнаго значенія и относилось къ нимъ равнодушно; но со времени войны Наполеона съ Австріей и Пруссіей и еще болѣе со времени учрежденія Варшавскаго герцогства, когда побѣги эти приняли почти повальный характеръ, правительство обратило на нихъ вниманіе и учредило особыя слѣдственныя коммиссіи о бѣглецахъ, угрожая имъ конфискаціей имѣній. Въ 1807 г. была обнаружена иного рода революціонная дѣятельность среди польскихъ дворянъ кіевской губерніи: правительству сдѣлалось извѣстнымъ, будто ко-

мандиры мѣстной земской милиціи „внушаютъ рядовымъ милиціантамъ, чтобы они имѣли съ ними согласіе возвращать по прежнему свое отечество“ (т. е. Польшу). Милиція была немедленно расформирована, при чемъ ратники были обращены на укомплектованіе полковъ и при слѣдующемъ наборѣ зачтены за рекрутъ; но ея уничтоженіе вызвало такое сильное неудовольствіе среди мѣстнаго дворянства, что весной 1810 г. опасались здѣсь открытой „революціи“, и въ этихъ видахъ въ губерніи расквартировано было нѣсколько полковъ. „Революція“ не состоялась, да едва ли она и была замышляема, но съ тѣхъ поръ исчезли тѣ патріархально-благодушныя отношенія, какія до того времени существовали между кіевскими дворянами и правительствомъ. Польское общество видимо притихло, притаилось, ушло въ себя и тѣмъ давало мѣстной администраціи новый поводъ относиться къ нему все съ большимъ недовѣріемъ и подозрительностью.

Ктому же, въ началѣ 1810 года умеръ кіевскій гражд. губернаторъ П. П. Панкратьевъ, пользовавшійся необыкновенною популярностью среди польскаго дворянства. Несомнѣнно, это былъ вполнѣ русскій человѣкъ и администраторъ, но онъ правилъ губерніей въ такое время, кода и въ высшемъ правительствѣ къ полякамъ относились не иначе, какъ съ величайшею благосклонностью, и потому, самъ обладая природнымъ благодушіемъ, лично поддерживалъ тѣ же отношенія. Поляки не находили словъ, чтобы вдоволь нахвалиться своимъ благодушнымъ начальникомъ. Въ извѣстной уже читателямъ рѣчи васильковскаго маршалка Хоецкаго, при перечисленіи разнаго рода „щедротъ“, какія „лучшій въ свѣтѣ Монархъ“ излилъ на своихъ „вѣрныхъ подданныхъ—поляковъ“, ораторъ на первомъ планѣ поставилъ слѣдующее: „во-первыхъ, онъ далъ намъ губернаторомъ г. тайнаго совѣтника и кавалера Панкратьева, который съ самаго начала управленія нами старался сохранить ненарушимо всѣ милости и благодѣянія, отъ милосерднаго Монарха намъ ниспосланныя, а справедливость его была всегда непремѣннымъ въ томъ залогомъ. Сей почтенный и любезный намъ губернаторъ въ нынѣшнее время (1806 г.) сдѣлалъ най-

сильнѣйшее доказательство добродѣтельнаго своего сердца и привязанности къ полякамъ, когда онъ предварилъ уже своимъ поручительствомъ о усерднѣйшей вѣрности и преданности нашей ко всемилостивѣйшему Монарху... Господинъ губернаторъ!— восклицалъ ораторъ въ заключеніе своей рѣчи:—Почтенныя твои дѣянія и теперешній великодушный поступокъ твой въ поручительствѣ за насъ предъ всемилостивѣйшимъ Государемъ въ роды родовъ сохранятъ славу твою, что подъ твоимъ правленіемъ поляки во всемъ счастливы и спокойны были, а дѣти наши твоимъ дѣтямъ благодарить будутъ". Въ 1809 г. дворяне поднесли Панкратьеву золотую табакерку съ надписью на польскомъ языкѣ брилліантовыми словами: „за добродѣтели и труды отъ шляхты кіевской". Въ мартѣ слѣдующаго года поляки съ необыкновенною пышностью хоронили своего благодѣтеля, при чемъ предсѣдатель кіевскаго гражданскаго суда Проскура произнесъ у его гроба хвалебную рѣчь на польскомъ языкѣ. Когда оказалось, что умершій губернаторъ не оставилъ своимъ дѣтямъ никакого состоянія, дворянство кіевской губерніи, съѣхавшись въ 1811 г. на выборы, сдѣлало слѣдующее постановленіе: „Добродѣтельное и похвальное исправленіе должности умершаго кіевскаго гражд. губернатора П. П. Панкратьева содѣлало его смерть достойною общаго прискорбія. Сверхъ доброй славы примѣрнаго начальника, заслужилъ онъ весьма, чтобы мы помнили о оставшемся послѣ него въ убожествѣ семействѣ"; посему, а равно и „въ примѣръ для другихъ, ему подобныхъ", собраніе опредѣлило: составить капиталъ для содержанія дѣтей умершаго губернатора, пожертвовавъ по пяти коп. съ рубля изъ той суммы, какая отъ казны слѣдовала дворянамъ цѣлой губерніи за поставку для войскъ провіанта.

Это была своего рода манифестація со стороны поляковъ по адресу новаго начальника, военнаго губернатора М. А. Милорадовича, который въ отношеніяхъ къ нимъ такъ мало напоминалъ своего благодушнаго предшественника [1]). Онъ являлся

[1]) Хотя Панкратьевъ состоялъ лишь гражданскимъ кіевскимъ губернаторомъ, но такъ какъ военнымъ губернаторомъ былъ въ то время (1806—1810 г.) М. И.

представителемъ новаго направленія русской политики относительно поляковъ и хотя ни въ чемъ не нарушалъ ихъ дворянскихъ правъ и привилегій, но на каждомъ шагу давалъ понять, что видитъ въ нихъ не болѣе какъ членовъ дворянства всероссійскаго и совершенно игнорируетъ ихъ этнографическія отличія. Весьма характерно, что Милорадовичъ въ оффиціальной перепискѣ старался совсѣмъ не употреблять слова „поляки“ въ примѣненіи къ дворянамъ управляемой имъ губерніи; если же являлась крайняя необходимость обозначить ихъ народность, въ такомъ случаѣ онъ употреблялъ выраженіе: „такъ называемые поляки“. Мало того, его примѣру (а можетъ быть, и категорическому требованію) вынуждены были слѣдовать и сами польскіе дворяне, которые въ его управленіе никогда не выступаютъ (въ опредѣленіяхъ и представленіяхъ дворянскихъ собраній и въ оффиціальныхъ сношеніяхъ съ правительственными учрежденіями и лицами), какъ группа національная, а всегда лишь какъ сословная. Вотъ, наприм., какимъ языкомъ писалъ къ нему (въ іюнѣ 1810 г.) кіевскій губернскій маршалъ графъ Адамъ Ржевускій, испрашивая разрѣшеніе созвать дворянскій съѣздъ „для торжествованія“ по случаю полученія высочайшей благодарственной грамоты на имя дворянства: „Блистательнѣйшую красу народовъ и крѣпчайшую подпору престоловъ составляло во всѣхъ вѣкахъ дворянство. Мужество, любовь къ отечеству, подвиги патріотическіе сего знаменитаго чина увѣнчивали народы славою и величіемъ. По воззванію монарха своего несло оно охотно имѣніе, кровь и жизнь, дабы поддержать честь короны и поразить враговъ отечества. Таковымъ вдохновенное чувствомъ дворянство россійское, и въ числѣ онаго дворянское сословіе губерніи кіевской, по гласу надобности государства, по воззванію возлюбленнаго Монарха своего, съ усердіемъ и поспѣшностью представило къ оборонѣ государства часть имѣнія, кровь свою и согражданъ своихъ, составленіемъ народной милиціи въ 1806 г.—Величіемъ славы и сладостію благости

Кутузовъ, больше занятый дѣлами военными и лишь изрѣдка проживавшій въ Кіевѣ, то фактически управленіе губерніей всецѣло находилось въ рукахъ Панкратьева.

измѣряющій дни царствованія своего, всепресвѣтлѣйшій Монархъ нашъ Александръ I наградилъ преизобильно сей, славѣ державы его посвященный, нашъ подвигъ присланною ко мнѣ чрезъ г. министра внутр. дѣлъ благодарною дворянству грамотою, которая исполняетъ сердца наши живѣйшимъ чувствомъ благоговѣнія. Дворянство кіевской губерніи желаетъ праздновать торжественно таковую высочайшую милость, какъ дражайшую хвалу свою и незабвенный въ потомные вѣки даръ благоволенія Монарха своего. Но такъ какъ, по силѣ правъ и преимуществъ, всемилостивѣйше дворянству пожалованныхъ, губернскій маршалъ не можетъ созывать повѣтовыхъ маршаловъ безъ предварительнаго на то соизволенія главноуправляющаго губерніей, для того честь имѣю просить покорнѣйше ваше высокопр-ство, дабы изволили почтить меня дозволеніемъ къ созыву гг. маршаловъ и дворянства для торжествованія толь знаменитаго праздника нашего".—Какъ видимъ, въ этомъ краснорѣчивомъ рапортѣ, подъ которымъ свободно могъ бы подписаться предводитель дворянства любой изъ коренныхъ русскихъ губерній,—ни слова о „полякахъ"; рѣчь идетъ исключительно о „дворянствѣ кіевской губерніи", какъ составной части „дворянства россійскаго". Сопоставляя съ рапортомъ гр. Ржевускаго хотябы, напр., рѣчь маршалка Хоецкаго, сказанную въ декабрѣ 1806 г., можно подумать, будто племенной составъ дворянства кіевской губ. за истекшіе три года подвергся радикальному измѣненію.

Но внѣшняя угодливость и благопокорность на словахъ служили маской для прикрытія внутренней холодности и отчужденія. Истинныя чувства кіевскихъ дворянъ сказались не въ медоточивомъ рапортѣ губернскаго маршала, а въ томъ, вѣроятно, и для него неожиданномъ фіаско, какой потерпѣла его затѣя устроить патріотическую манифестацію по случаю полученія высочайшей благодарственной грамоты. Будь подобная грамота получена нѣсколькими годами раньше, такая манифестація удалась бы какъ нельзя лучше; но теперь обстоятельства измѣнились: дворяне не могли забыть, что ихъ благодарятъ за сборъ той самой милиціи, которая за два года предъ тѣмъ бы-

ла распущена по политическимъ подозрѣніямъ, и подъ благовидными предлогами отказались прибыть на съѣздъ. Маршалъ графъ Ржевускій вынужденъ былъ рапортовать Милорадовичу, что „какъ многіе дворяне въ сію пору занялись уже неупустительными дѣлами сельскаго хозяйства, а нѣкоторые гг. маршалки отзываются болѣзненными припадками, да и самъ я постиженъ опаснымъ приключеніемъ желчной лихорадки, для праздненства же таковаго высокомонаршаго благоволенія желательно, чтобъ составилось собраніе какъ можно многочисленное, то самыя сіи обстоятельства принудили меня нѣсколько остановиться до удобнѣйшаго времени". Но такого времени гр. Ржевускому не суждено было дождаться, и въ связи съ этимъ, вѣроятно, было то, что спустя нѣсколько мѣсяцевъ онъ сложилъ съ себя званіе губернскаго маршала и передалъ его Францу Потоцкому.

Уже въ концѣ 1810 года для всей Европы было очевидно, что война между Россіей и Франціей есть лишь вопросъ времени и притомъ весьма близкаго. Продолжая увѣрять другъ друга въ неизмѣнности своихъ миролюбивыхъ чувствъ и намѣреній, императоръ Александръ и Наполеонъ въ то же время совершенно открыто готовились къ войнѣ. Вооруженія, происходившія въ Варшавскомъ герцогствѣ, носили явно вызывающій характеръ по отношенію къ Россіи: здѣсь съ лихорадочною поспѣшностью строили укрѣпленія, формировали новые полки и заранѣе хвалились, что война будетъ предпринята въ видахъ возстановленія Польши и возвращенія отобранныхъ у нея русскихъ и литовскихъ областей. Соотвѣтственно тому у насъ закладывали Бобруйскъ и Динабургъ, усиливали укрѣпленія Кіева и Риги и сосредоточили на западной границѣ нѣсколько дивизій. Въ Кіевѣ, между прочимъ, признано было необходимымъ срыть валы, окружавшіе Старый-городъ, и привести въ надлежащее оборонительное положеніе Печерское и Звѣринецкое укрѣпленія. Въ связи съ этимъ приняты были усиленныя полицейскія мѣры для поимки шпіоновъ и политическихъ эмиссаровъ. Въ февралѣ 1811 г. министромъ полиціи объявлено

было губернаторамъ югозападнаго края высочайшее повелѣніе, „чтобы за рѣшетниками варшавскими, получившими на въѣздъ въ Россію пашпорты и разъѣзжающими по ярмаркамъ для продажи ситъ, употребляемо было надлежащее наблюденіе, такъ какъ въ числѣ оныхъ пробраться могутъ люди съ неблагонамѣренными видами, для чего о пріѣздѣ и выѣздѣ оныхъ рѣшетниковъ увѣдомлять г. министра полиціи". Въ маѣ новый приказъ: „до свѣдѣнія Государя Императора дошло, что нѣкто полякъ Ксаверій Валевскій частыми разъѣздами въ Парижъ и обратно, въ наши польскія и прусскія провинціи, навлекаетъ на себя вѣроятное подозрѣніе въ томъ, что имѣетъ тайныя порученія отъ французскаго правительства"; поэтому полиціи вмѣнялось въ обязанность: принять мѣры къ открытію дѣйствительныхъ его намѣреній, связей и умысловъ. Въ іюлѣ военный министръ Барклай-де-Толли писалъ къ М. А. Милорадовичу: „по дошедшимъ до меня секретнымъ свѣдѣніямъ извѣстился я, что для осматриванія и съемки нашихъ крѣпостей въѣхали въ границы наши трое офицеровъ изъ Варшавскаго герцогства, посланные отъ генерала Роснѣцкаго, изъ коихъ одинъ называется Пташинскій, адъютантъ генерала Каминскаго". Черезъ нѣсколько дней новое увѣдомленіе: „вновь до свѣдѣнія моего дошло, якобы службы Варшавскаго герцогства генералъ-маіоръ Дяконскій пріѣзжалъ однажды для осмотра нашихъ крѣпостей и вторично намѣревается пріѣхать"; поэтому министръ сообщаетъ губернаторамъ высочайшее повелѣніе: „принять мѣры для обличенія и поимки сего злонравнаго человѣка". Подобныя увѣдомленія съ тѣхъ поръ слѣдовали непрерывно одно за другимъ. Нѣсколько разъ были повторяемы высочайшія повелѣнія: усугубить дѣятельный надзоръ и принять всѣ мѣры къ открытію всякаго рода подозрительныхъ людей, пріѣзжающихъ въ наши губерніи изъ Варшавскаго герцогства; прилежно наблюдать за исправностью карауловъ при крѣпостяхъ и военныхъ складахъ; всячески предупреждать и пресѣкать попытки злонамѣренныхъ лицъ снимать планы или собирать свѣдѣнія о производящихся крѣпостныхъ работахъ и неукоснительно подвергать аресту „лицъ польской, французской

и жидовской націй, любопытствующихъ о числѣ и о состояніи войскъ, яко о предметахъ не приличныхъ и не принадлежащихъ частнымъ лицамъ".

Какъ кажется, правительственные страхи были напрасны: не смотря на самые тщательные розыски, ни одного шпіона и ни одного эмиссара не удалось изловить. Но эти безпрестанныя предостереженія о возможности злонамѣренныхъ дѣйствій со стороны заграничныхъ поляковъ невольно порождали среди населенія, и въ особенности въ средѣ полицейскихъ чиновниковъ, чувства подозрительности и по отношенію къ мѣстнымъ полякамъ. Хотя въ то время составъ полиціи все еще не былъ вполнѣ очищенъ отъ польскихъ элементовъ, но при Милорадовичѣ значительное большинство исправниковъ и городничихъ состояло уже изъ лицъ русскаго происхожденія, которымъ въ пылу патріотическаго воодушевленія, охватившаго тогда всю Россію, такъ естественно было впадать въ преувеличенія и видѣть опасность тамъ, гдѣ ея вовсе не было. Еще въ мартѣ 1811 года сквирскій городничій Сафоновъ, одинъ изъ немногихъ русскихъ чиновниковъ, занимавшихъ полицейскую должность еще до назначенія кіевскимъ военнымъ губернаторомъ Милорадовича, конфиденціально сообщалъ послѣднему, что въ его уѣздѣ готовится ни болѣе ни менѣе, какъ „народное возмущеніе". Такъ, когда онъ настаивалъ, чтобы отобранное у бывшихъ милиціантовъ и хранившееся по уѣзднымъ городамъ оружіе, согласно правительственному распоряженію, было отправлено въ кіевскій арсеналъ, то сквирскій маршалъ оставилъ безъ вниманія его настоянія, а какіе-то поляки говорили кому-то: „Богъ дастъ, дождемся того времени, что на тѣхъ пикахъ будетъ поднятъ сквирскій городничій".—„Слѣдовательно, заключалъ Сафоновъ, сіи разбойники ожидаютъ какова народнаго возмущенія въ здѣшнемъ краѣ". Кромѣ того, ему стало извѣстно, что „въ народѣ произносятся непріятные слухи, которые не откуда больше выходятъ, какъ, думать надобно, изъ домовъ господъ поляковъ", и что „многіе знающіе (т. е. знатные) помѣщики выѣзжаютъ или собираются выѣхать въ Варшаву, будтобы на всю бывшую Польшу выбирать короля". Наконецъ онъ доносилъ „на замѣчаніе" губер-

натору еще и о томъ, что „всѣ молодые дворяне сего края выдумали отпущать себѣ усы, и по молвѣ носятся слухи, что отпущенье усовъ есть какой-то знакъ, тайно между ними положенный". Послѣднее предположеніе казалось городничему вполнѣ вѣроятнымъ: „еслибы они носили свое національное польское платье, то бы могли къ тому запустить усы, а то многіе носятъ фраки, слѣдовательно, какъ-то выходитъ весьма странное по сему предмету ихъ положеніе или къ чему намѣреніе; а напредъ сего никогда таковаго у нихъ положенія носить усы не было, и всему тому одинъ Богъ сердцевѣдецъ ихъ мыслей, доколѣ настояще чрезъ изысканіе не откроется ихъ намѣреніе".—Къ чести Милорадовича надо прибавить, что онъ не придалъ никакого значенія этому вздорному донесенію и даже оставилъ его безъ отвѣта.

Въ маѣ поступилъ доносъ отъ священника м. Спичинецъ, махновск. повѣта, Климента Семержинскаго „о неблагомысленностяхъ" мѣстныхъ помѣщиковъ Франциска и Антонія Собанскихъ съ приложеніемъ компрометирующаго ихъ письма. По словамъ священника, письмо это досталось ему такимъ образомъ: Антоній Собанскій, проходя по плотинѣ, нечаянно выронилъ изъ кармана листокъ. Шедшій за нимъ Семержинскій поднялъ его, спряталъ въ карманъ и когда дома прочелъ, то пришелъ въ ужасъ: это было письмо отъ брата Собанскаго, Франциска, въ которомъ послѣдній убѣждалъ Антонія поспѣшить сборомъ денегъ и отъѣздомъ заграницу, такъ какъ онъ получилъ извѣстіе, что тамъ очень нуждаются въ деньгахъ, и такъ какъ оба они порѣшили „избавиться отъ привязчивой пени и глупаго правительства". На томъ же листкѣ былъ написанъ и отвѣтъ Антонія Собанскаго: „поелику деньги уже готовы, то и выѣхать мы можемъ въ скорости". Увидя въ этомъ письмѣ „зловредный замыселъ противу россійского государства", священникъ счелъ долгомъ сообщить его губернатору. Желая удостовѣриться въ справедливости доноса, Милорадовичъ отправилъ въ Спичинцы нарочнаго чиновника, маіора Бойсмана, давъ ему такую инструкцію: по пріѣздѣ туда стараться познакомиться съ тамошними помѣщиками братьями Собанскими и, не обра-

щая на себя никакого подозрѣнія, непримѣтнымъ образомъ испытать образъ ихъ мыслей и намѣренія: точно-ли они, не доброжелательствуя россійскому правительству, имѣютъ намѣреніе выѣхать заграницу. „Это вы можете узнать (прибавлялось въ инструкціи), притворясь, якобы вы сами, не довольны бывъ правительствомъ, изыскиваете возможность выѣхать изъ Россіи, но недостатокъ имущества не позволяетъ вамъ въ томъ успѣть". Еслибы оказалось, что Собанскіе точно намѣрены выѣхать заграницу, то маіоръ Бойсманъ, „подъ благовиднымъ предлогомъ оставивъ ихъ", долженъ былъ возвратиться въ Кіевъ, а особо командированные кіевскій частный приставъ и мѣстный исправникъ обязывались остаться въ ближайшемъ селеніи, не спуская глазъ съ бѣглецовъ, и когда они тронутся въ путь, непримѣтно слѣдовать за ними по пятамъ и арестовать ихъ на самой границѣ.

Точно-ли Собанскіе были невинно оклеветаны, или имъ удалось обойти простоватаго маіора, но только послѣдній представилъ самый похвальный рапортъ объ ихъ образѣ мыслей, а о священникѣ Семержинскомъ донесъ, что самъ видѣлъ его пьянымъ, что онъ вобще „весьма дурного поведенія" и безпрестанно ссорится съ помѣщиками. Тогда посланы были въ Спичинцы полицейскіе чиновники для производства открытаго слѣдствія по дѣлу о доносѣ, при чемъ помѣщики Собанскіе категорически отреклись отъ компрометирующаго ихъ письма и высказали подозрѣніе, что письмо это подложно составилъ самъ же священникъ, не задолго предъ тѣмъ грозившій Франциску Собанскому, что если тотъ не примирится съ нимъ, то онъ „знаетъ на него криминалъ и будетъ за то ему великая бѣда". По сличеніи почерковъ, слѣдователи признали, что означенное письмо писано рукою брата доносителя, шляхтича Яна Семержинскаго, съ почерками же Собанскихъ не имѣетъ никакого сходства. На этомъ основаніи священникъ Семержинскій и его братъ Янъ были подъ арестомъ доставлены въ Кіевъ и за ложный доносъ преданы суду. Дѣло это постигла обычная въ тѣ времена судебная волокита. Священникъ Семержинскій скоро умеръ, а его братъ, взятый на поруки мѣстнымъ исправни-

комъ, нѣсколько лѣтъ прожилъ въ имѣніи послѣдняго въ качествѣ дарового приказчика.

Наконецъ, въ октябрѣ 1811 года послѣдовало извѣстное читателямъ заявленіе отставного сержанта бывшей польской арміи Шимона Ковальскаго о томъ, будто польскіе дворяне западныхъ губерній тайно посылаютъ въ Варшаву денежныя жертвованія на тотъ предметъ, чтобы при удобномъ случаѣ „помочь тѣми деньгами сдѣлать революцію“ для отторженія отъ Россіи присоединенныхъ къ ней польскихъ земель, и что 24 знатнѣйшихъ польскихъ помѣщиковъ изъ Волыни, Подолья и Литвы, разновременно по паспортамъ въ Варшавѣ бывшихъ, учинили якобы тамъ присягу, что они, каждый въ мѣстѣ своего пребыванія, при первомъ удобномъ случаѣ готовы будутъ „дѣлать возмущеніе“ въ присоединенныхъ отъ Польши провинціяхъ.

Въ виду всего этого приняты были рѣшительныя мѣры къ тому, чтобы русскіе поляки не бѣгали за границу, въ герцогство Варшавское, а заграничные не проникали въ Россію. Выдача заграничныхъ паспортовъ полякамъ производилась съ крайнею осторожностью; вдоль самой границы, въ губерніяхъ подольской и волынской, еще раньше была расквартирована цѣлая армія, и главнокомандующій ея князь П. И. Багратіонъ взялъ на себя неослабное наблюденіе за таможенными заставами. Тѣмъ не менѣе побѣги за границу, хотя и въ меньшей степени, нежели въ предыдущіе годы, все-таки продолжались. Не проходило мѣсяца, когда бы князь Багратіонъ не увѣдомлялъ кіевскаго военнаго губернатора Милорадовича, что его агенты видѣли въ Варшавѣ, въ польской офицерской формѣ, того или другого изъ кіевскихъ помѣщиковъ, нерѣдко сыновей знатнѣйшихъ польскихъ фамилій. Попрежнему бѣгали не только въ Варшаву, но и во Францію, даже въ Испанію, чтобы служить подъ знаменами Наполеона. При переѣздѣ черезъ границу безпаспортные шляхтичи обыкновенно подкупали таможенныхъ смотрителей, а на возвратномъ пути чаще всего практиковали такой пріемъ: разыскивали въ Варшавѣ имѣющаго законный паспортъ соотечественника и возвращались вмѣстѣ съ нимъ

подъ именемъ его служителей, оставляемыхъ въ такомъ случаѣ ихъ панамъ за границей на произволъ судьбы. Князь Багратіонъ употреблялъ всѣ мѣры къ тому, чтобы истребить „закоренѣлыя злоупотребленія“ таможенныхъ чиновниковъ, нерѣдко предавалъ ихъ военному суду и приглашалъ кіевскаго губернатора такимъ же образомъ поступать съ тѣми изъ помѣщиковъ и шляхтичей, которые пользовались этими злоупотребленіями. Милорадовичъ смотрѣлъ на эти побѣги иными, болѣе спокойными глазами. „Много есть подобныхъ людей,—писалъ онъ министру полиціи,—которые, шатаясь въ чужихъ краяхъ безъ позволенія нашего правительства, принимаютъ тамъ службу и наконецъ, наскучивъ всему, возвращаются. Хотя польза въ томъ и быть можетъ та, что они вездѣ находятъ разстройку, угнетеніе и несчастное положеніе и, возвращаясь наконецъ къ покойной жизни, подъ защитою благотворительнаго правительства нашего, открываютъ глаза и тѣмъ, кои не умѣютъ цѣнить счастливаго здѣсь всѣхъ положенія“; тѣмъ не менѣе Милорадовичъ не отрицалъ, что „подобные люди могутъ имѣть и дурныя намѣренія, а по сему самому не заслуживаютъ ни малѣйшаго призрѣнія въ своемъ отечествѣ“. На этомъ основаніи онъ предавалъ бѣглецовъ суду, но дѣла о нихъ обыкновенно затягивались и, какъ кажется, не приводились ни къ какому рѣшенію.

Самымъ благопріятнымъ временемъ для наблюденія за „состояніемъ умовъ“ и политическимъ настроеніемъ поляковъ могли служить кіевскіе *контракты*, на которые въ тѣ времена съѣзжались не одни помѣщики югозападныхъ губерній, но и обыватели другихъ областей бывшей Рѣчи-посполитой, не исключая и герцогства Варшавскаго. Мѣстное губернское дворянство обыкновенно устраивало въ это время свои собранія, выборы; магнаты давали балы, вечера, на которые приглашались мѣстныя власти и представители русскаго общества; въ театрѣ [1]) бывали ежедневные спектакли, устраиваемые пріѣзжими поль-

[1]) Въ то время кіевскій театръ (деревянный) помѣщался на углу Крещатика и Александровской улицы, на мѣстѣ нынѣшней Европейской гостинницы.

скими актерами. Зная обо всемъ этомъ, министръ полиціи А. Балашовъ, конфиденціальнымъ письмомъ отъ 6 января 1812 г., просилъ М. Милорадовича „увѣдомлять его о всемъ, что во время предстоящихъ контрактовъ любопытнаго или примѣчанія достойнаго ни произойдетъ“, въ особенности ему желательно было имѣть извѣстія „о дѣйствіяхъ пріѣзжающихъ и отъѣзжающихъ, а болѣе всего о пріѣзжающихъ изъ Варшавскаго герцогства и изъ нашихъ польскихъ и литовскихъ губерній“. Исполняя эту просьбу, Милорадовичъ писалъ ему (отъ 14-го февраля) слѣдующее: „На сихъ дняхъ всѣ пріѣзжіе сюда на контракты разъѣхались. Въ публичныхъ собраніяхъ соблюдена была вообще благопристойность; никакого шуму ни ссоръ не случилось, которыя здѣсь обыкновенно на контрактахъ бывали большею частію между русскими и такъ называемыми поляками при малѣйшемъ поводѣ, въ танцахъ и проч. Въ театрѣ даже, гдѣ прежде сиживали въ шапкахъ и много шумѣли, нынѣ соблюдена была совершенная тишина и учтивость. Все сіе было столь ощутительно, что всѣ пріѣзжіе сіе замѣтили, и чрезъ сіе самое всѣ собранія были многочисленны (т. е. многолюдны), веселы и согласны. Особо любопытнаго ничего не случилось. Въ разговорахъ вообще соблюдена была скромность; когда же что-либо касалось въ разговорахъ до герцогства Варшавскаго, то описывали оное въ самомъ жалостномъ положеніи относительно тягостныхъ налоговъ. Вообще же говорятъ о благотворительномъ правительствѣ нашемъ и преимущественномъ положеніи здѣшнихъ жителей предъ заграничными, ибо сего и оспаривать не возможно. Молодые люди въ большомъ восхищеніи о варшавскихъ войскахъ и говорятъ объ энтузіазмѣ сего войска. Сколько можно было замѣтить, то бывшій здѣсь изъ Волыніи на контрактахъ прежней польской службы генералъ Карвицкій чрезмѣрно зараженъ воображеніемъ въ возстановленіи Польши. Бывшій здѣсь сынъ великокороннаго подкоморія, графа Винцентія Потоцкаго, Францишекъ Потоцкій, сколько по слухамъ извѣстно, приверженъ къ французскому правительству, но велъ себя здѣсь скромно“.

Какъ видимъ, результаты наблюденій мѣстной администраціи были вполнѣ успокоительнаго характера. Какъ и въ прежніе годы, поляки въ огромномъ числѣ съѣхались на контракты, веселились до упаду, но вели себя скромнѣе прежняго: съ русскими не ссорились, въ театрѣ сидѣли чинно, въ разговорахъ обнаруживали полную благонамѣренность, о Варшавскомъ герцогствѣ отзывались въ тонѣ снисходительнаго сожалѣнія, а никакъ не съ чувствомъ патріотической восторженности, собственное положеніе считали самымъ счастливымъ, правительствомъ были вполнѣ довольны. Если вспомнимъ, что въ тѣ самые дни, о которыхъ писалъ Милорадовичъ, въ Кіевѣ происходило торжество, которое едвали могло наполнить радостью сердца поляковъ: на средства, пожертвованныя ими для основанія въ Кіевѣ учебнаго заведенія, долженствовавшаго служить такимъ же разсадникомъ польскаго образованія, какимъ была для Волыни Кременецкая гимназія, на самомъ дѣлѣ открыта была (30 января) *русская* гимназія, съ русскимъ учебнымъ языкомъ и отчасти русскими учителями,—то благодушное настроеніе съѣхавшихся въ Кіевъ польскихъ дворянъ, засвидѣтельствованное высшею мѣстною властью, казалось, должно было хотя на время успокоить чувство подозрительности къ нимъ, явно сквозящее въ запросѣ министра полиціи. Между тѣмъ на дѣлѣ случилось совсѣмъ иное. Въ мартѣ того же 1812 года А. Балашовъ оффиціально сообщилъ кіевскому гражданскому губернатору графу Александру Львовичу Санти о послѣдовавшемъ высочайшемъ повелѣніи: имѣть „строгое наблюденіе за поведеніемъ жителей ввѣренной ему губерніи“ и доставить въ министерство списки тѣмъ лицамъ, „которыя не надежны“, раздѣливъ ихъ на двѣ категоріи: въ однихъ спискахъ помѣстить „сомнительныхъ“, а въ другомъ „совершенно подозрительныхъ“.

Это требованіе поставило графа Санти въ немалое затрудненіе: онъ былъ самъ новымъ человѣкомъ въ краѣ, всего лишь за мѣсяцъ предъ тѣмъ вступилъ въ управленіе губерніей и не успѣлъ еще, по его словамъ, „свести пристойнаго знакомства и пріобрѣсти довѣріе, и потому, не имѣя точнаго свѣдѣнія о образѣ мыслей здѣшнихъ жителей, старался сколько можно

короче узнать расположеніе ихъ къ Россіи, не полагаясь лишь на однихъ слухахъ, кои большею частію бываютъ основаны на лицепріятіи или ненависти одного къ другому". Поэтому онъ не могъ тотчасъ исполнить министерское требованіе, и только черезъ три мѣсяца, когда уже французская армія вступила въ предѣлы имперіи, и ему сдѣлалось извѣстнымъ общее впечатлѣніе въ губерніи, произведенное этимъ событіемъ, онъ представилъ въ министерство слѣдующій отзывъ о политическомъ настроеніи шляхетскаго сословія кіевской губерніи:

„Здѣшніе помѣщики, дѣти ихъ и шляхта ведутъ себя тихо, скромно и осторожно, такъ что образа ихъ мыслей никакъ проникнуть не возможно. Дворяне всѣ повинности обыкновенныя и единовременныя отправляютъ довольно поспѣшно, но въ разговорахъ и донесеніяхъ слишкомъ часто повторяютъ приверженность ихъ къ правленію (т. е. къ правительству), чтобъ принять можно было сіе доказательствомъ чистосердечнаго изъясненія ихъ чувствъ. Изъ помѣщичьихъ дѣтей никто почти въ военной службѣ не находится, а при томъ отъ ученія и наставленія господина Чатскаго [1]) столько упоены духомъ вольности, что оной въ нихъ примѣчателенъ изъ-за всей ихъ скромности. Шляхетство, въ здѣшней губерніи до 40,000 простирающееся, свойство имѣетъ приличное людямъ, не имѣющимъ никакого состоянія и находящимся большею частью въ услуженіи вельможъ.

„Изъ сего слѣдуетъ, что, при малѣйшей неудачѣ, никоимъ образомъ ни на которое изъ оныхъ состояній положиться не можно, и хотя большая часть здѣшняго дворянства, кажется, по правиламъ своимъ и вѣтренности нрава не допуститъ непріятеля до реквизиціи, но добровольнымъ приношеніемъ съ избыткомъ всѣмъ снабдитъ.

„Въ 1810 году многіе изъ здѣшнихъ помѣщиковъ самовольно отлучались въ герцогство Варшавское. Нѣкоторые изъ нихъ возвратились, другіе тамъ остались. Расположеніе семействъ

---

[1]) Рѣчь идетъ объ извѣстномъ ревнителѣ польскаго просвѣщенія въ юго-западномъ краѣ, основателѣ Кременецкаго лицея, графѣ Тадеушѣ Чацкомъ.

тѣхъ и другихъ по теперешнимъ обстоятельствамъ сомнительно, для чего предписано земской полиціи имѣть за ними строгое наблюденіе. Кто же именно возвратился и кто остались за границею—прилагаю у сего вѣдомость, равно и особое замѣчаніе о тѣхъ изъ помѣщиковъ, кои кажутся мнѣ совершенно подозрительными".

Къ этому донесенію были приложены: 1) „списокъ о дворянахъ кіевской губерніи, самовольно отлучавшихся за границу и оттоль возвратившихся въ теченіе шестимѣсячнаго срока, постановленнаго высочайшимъ указомъ 17-го декабря 1809 года, которые и семейства ихъ по теперешнимъ обстоятельствамъ сомнительны"; такихъ оказалось: въ липовецкомъ повѣтѣ 3 лица, въ таращанскомъ 2, въ сквирскомъ 8, въ уманскомъ 3, въ звенигородскомъ 3, въ радомысльскомъ 1, въ васильковскомъ 3 и въ кіевскомъ 2; всего 25 человѣкъ; 2) „списокъ о дворянахъ, самовольно отлучившихся безъ пашпортовъ за границу и тамъ оставшихся и послѣ срока, высочайше назначеннаго на возвращеніе ихъ въ Россію, которыхъ семейства по теперешнимъ обстоятельствамъ сомнительны"; такихъ оказалось 24 лица въ цѣлой губерніи; все это были по большей части молодые люди, или же лица, служившія въ земской милиціи, не задолго предъ тѣмъ распущенной по распоряженію русскаго правительства; и наконецъ 3) „списокъ о дворянахъ, кои по теперешнимъ обстоятельствамъ кажутся совершенно подозрительны, хотя не имѣется доказательствъ, чтобъ поведеніе ихъ было въ чемъ-нибудь предосудительно"; въ эту послѣднюю категорію губернаторъ внесъ всего 4 лица: губернскаго маршала графа Потоцкаго, бывшаго губернскаго маршала графа Адама Ржевускаго, звенигородскаго повѣтоваго маршала Обремскаго и предсѣдателя 2-го департамента кіевскаго главнаго суда Проскуру.

Въ черновыхъ спискахъ противъ многихъ именъ первыхъ двухъ категорій встрѣчаются такого рода характеристики, сдѣланныя рукою графа Санти: „оные дворяне нраву безпокойнаго и подозрительны: собираются почасту въ селеніяхъ и даже подъ видомъ охоты вооруженіе имѣютъ"; или же: „не надеженъ—часто въ зборищахъ ихъ бываетъ"; противъ одного: „примѣчательно,

хранитъ польскій мундиръ, ибо во время выѣзда служилъ въ польской службѣ"; противъ имени другого: „подозрѣвался въ учрежденіи почты для сношенія съ Франціей"; но встрѣчаются и такія характеристики: „игрокъ", „нраву развратнаго и неблагонамѣренной", „дуракъ и опасности нѣтъ".

Въ іюнѣ въ Кіевѣ получено было отъ главно-командующаго 3-тьею западною арміею генерала Тормасова предписаніе относительно принятія мѣръ на случай вторженія непріятельскихъ отрядовъ въ предѣлы кіевской губерніи. Отвѣчая на это предписаніе, губернаторъ между прочимъ доносилъ: „землемѣры здѣшней губерніи всѣ малороссіяне, въ вѣрности ихъ сомнѣнія не имѣю, окромѣ одного—и потому только, что учился въ Кременцѣ, для чего держу его въ Кіевѣ. Хотя всѣхъ повѣтовъ карты, также и почтовымъ дорогамъ, хранятся въ архивѣ города Кіева, но, при отступленіи войскъ, нѣкоторые изъ здѣшнихъ дворянъ не оставятъ снабдить непріятеля вѣрнѣйшими картами, которыя они имѣли еще во время республики".

Сознавая, однако, недостаточность вѣрныхъ свѣдѣній о настроеніи и дѣйствіяхъ польскаго дворянства въ губерніи и не полагаясь на донесенія уѣздныхъ исправниковъ и городничихъ, въ числѣ коихъ было не мало поляковъ, губернаторъ вынужденъ былъ прибѣгнуть къ слѣдующему средству: избравъ изъ числа засѣдателей повѣтовыхъ земскихъ судовъ болѣе надежныхъ людей, онъ командировалъ ихъ по уѣздамъ якобы для освидѣтельствованія хлѣбныхъ запасовъ въ казенныхъ и помѣщичьихъ селеніяхъ, но при этомъ снабдилъ ихъ слѣдующаго рода секретными инструкціями: „Изъ кіевскаго губернскаго правленія предписано вамъ указомъ освидѣтельствовать сельскіе магазины, чтобъ вы могли подъ симъ предлогомъ объѣхать весь повѣтъ и ознакомиться со всѣми помѣщиками. Я же вамъ подтверждаю на счетъ свидѣтельства хлѣба дѣлать всякую поноровку, дабы симъ способомъ пріобрѣсти къ себѣ ихъ любовь и довѣренность; между тѣмъ ведите тайную записку, у кого окажется въ наличности въ магазейнахъ сколько хлѣба въ зернѣ и въ скирдахъ и за кѣмъ онаго не достаетъ, и сіи свѣдѣнія при свиданіи мнѣ доставите. Наконецъ, чтобъ доказать совершенную къ нимъ преданность,

я вамъ приказываю: если бы у кого изъ помѣщиковъ и посессоровъ не было въ наличности всего хлѣба или какой части, то нарочно и открытымъ образомъ, при нихъ, пишите въ правленіе рапортъ, будто хлѣбъ весь въ цѣлости; однакоже подъ видомъ дружбы совѣтуйте и подтверждайте, якобы въ собственную вашу выслугу, дабы имѣющійся въ магазинахъ хлѣбъ на случай неурожая сберегали и недостатокъ его пополнили. Такимъ образомъ пріобрѣтя ихъ довѣренность, всемѣрно старайтесь проникнуть въ ихъ мысли и расположеніе къ Россіи, причемъ замѣчайте ихъ поведеніе и обращеніе между собою въ тѣхъ отношеніяхъ, о коихъ лично вамъ отъ меня приказано, и о всемъ доносите мнѣ чрезъ вѣрныя оказіи, а въ случаѣ крайней надобности, самимъ явиться ко мнѣ".

О. Левицкій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Творцы и пѣвцы народныхъ малорусскихъ думъ.

Есть одна идея, въ которой, какъ въ фокусѣ, сходятся нити, соединяющія въ одно цѣлое народныя малорусскія пѣсни и думы съ полународными и чисто книжными виршами: это идея матери, и притомъ въ симпатично-печальномъ образѣ матери-вдовы. Давняя это идея въ южнорусской землѣ. Еще въ начальной лѣтописи мы видимъ эту умную, глубоко озабоченную судьбою своего сына вдову, которая говорила ему: „азъ, сыну, Бога познахъ и радуюся; аще и ты познаеши Бога, то радоватися начнеши". Онъ же не внимаше того, глаголя: „како азъ хощю инъ законъ одинъ приняти? А дружина моя сему смѣятися начнуть"... и не послуша матери, и творяше норовы поганьскыя, не вѣдый, аще кто матери не слушаетъ, въ бѣду впадае. Се же тому гнѣвашеся на матерь. Но обаче любяше Олга сына своего Святослава, ркущи: „воля Божия да будеть; аще Богъ въсхощеть помиловати роду моего и земли рускые, да възложить имъ на сердце обратитися къ Богу, яко же и мнѣ Богъ дарова". И се рекши, моляшеся за сына и за люди по вся дни и нощи, кормячи сына своего до мужьства его и до възъраста его" [1]).

Эти послѣднія строки невольно напоминаютъ слова малорусской думы о матери-вдовѣ, которая сына своего

«Изъ малыхъ литъ годовала, лелияла,
До зросту въ наймы не пускала,
Пры старости литъ славы да памйаты прожыты сподивала» [2]).

---

[1]) Лѣтопись по Ипатс. списку, 41.

[2]) Лукашевичъ, Малорус. и червонорус. думы и пѣсни, 36.

Не исполнились желанія матери-козачки, какъ не исполнились и желанія княгини Ольги. Конечно, причины размолвки обѣихъ матерей съ сыновьями и тамъ и здѣсь были иныя, но и лѣтописной матери-княгинѣ не чуждо было простое желаніе материнскаго сердца видѣть сына дома въ печальную пору безпомощной старости: „И рече ему (Святославу) мати: „видиши ли мя болну сущю, камо хощеши (идти) отъ мене“? Бѣ бо разболѣлася уже. Рече же ему: „погребъ мя, иди амо же хощеши“ [1]).

Всѣ эти сопоставленія мы дѣлаемъ вовсе не для того, чтобы протянуть непрерывную линію между формами жизни княжеской и козацкой Руси. Извѣстно, что въ быту простыхъ людей того отдаленнаго времени, когда жила княгиня Ольга, родители имѣли большую власть надъ дѣтьми. Почти то же мы видимъ и позже—въ козацкій періодъ южнорусской исторіи. Такъ, въ XVI вѣкѣ, говоритъ одинъ почтенный изслѣдователь южнорусской старины, „родители могли закладывать своихъ дѣтей съ правомъ перезалога для кредитора; эта власть принадлежала не только отцу и обоимъ родителямъ вмѣстѣ, но и матери-вдовѣ въ отношеніи къ дочерямъ“ [2]). Что же могло вызвать апотеозу метери въ думахъ, совпадающую съ настроеніемъ всѣхъ слоевъ малорусскаго народа—книжныхъ и некнижныхъ?

Намъ кажется, что въ XVI в. положеніе матери-вдовы сдѣлалось сравнительно болѣе тягостнымъ, чѣмъ было оно прежде. И по обычному праву власть ея не распространялась на взрослыхъ сыновей, теперь же, когда явилась для всѣхъ полная возможность поступать въ „охотне вийсько“, власть эта еще болѣе съузилась. То было время, когда для борьбы внутренней и внѣшней многіе отказывались отъ всякихъ семейныхъ узъ, какъ это мы видимъ въ Запорожьѣ,—время, когда „зъ день годыны“, какъ говоритъ дума, „счыналыся велыки войны на Вкраини“. Много было тогда злополучныхъ женъ, которыя потеряли мужей своихъ въ этихъ войнахъ,—злополучныхъ вдовъ-

[1]) Лѣтопись по Ипатс. списку, 44.

[2]) Будановъ, „Черты семейнаго права запад. Россіи въ половинѣ XVI в.“ (Чтенія въ историч. обществѣ Нестора лѣтописца, кн. 4, 77).

матерей, которыя не могли удержать взрослыхъ сыновей своихъ отъ страстнаго желанія „съ козакамы погуляты, щобъ отцевськую славу не втеряты“. И вотъ, въ виду беззащитнаго положенія матери-вдовы, творцы думъ поднимаютъ свой голосъ для возстановленія нравственныхъ правъ ея на вниманіе къ ней со стороны дѣтей ея. Во имя христіанской правды они напоминаютъ имъ о всемогуществѣ материнской молитвы, материнскихъ слезъ, и на разные лады повторяютъ слова лѣтописца: „аще кто матери не слушаеть, въ бѣду впадае“. Мотивъ этотъ, очевидно, чисто христіанскій, и такъ какъ онъ съ особенною настойчивостью развитъ въ древнѣйшихъ, такъ называемыхъ, невольницкихъ думахъ, то мы не можемъ отказаться отъ мысли, что первые творцы думъ принадлежали къ сословію каликъ убогихъ, искреннихъ проводниковъ въ народныя массы гуманныхъ идей христіанства. Сохраняя основныя черты своего типа, эти калики убогіе съ теченіемъ времени, въ XVII и XVIII вв., значительно измѣнялись подъ вліяніемъ новыхъ условій жизни, такъ что въ ближайшее къ намъ время они дошли до простыхъ исполнителей народныхъ думъ. Можно думать, однако же, что въ старину между ними были и выдающіеся люди, одаренные творческими силами.

Высказывая это положеніе, мы повторяемъ, по видимому, общеизвѣстную истину. Но именно то, что кажется общеизвѣстнымъ, нерѣдко требуетъ всякаго рода объясненій, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда рѣчь идетъ о произведеніяхъ народнаго творчества, составленныхъ безъименными авторами. Здѣсь прежде всего является вопросъ, *какъ* могла явиться стихотворная форма думъ въ средѣ каликъ убогихъ, которыхъ въ Малороссіи называютъ обыкновенно *старцями* или *дидами*?

Обратимся къ спеціальному репертуару всей этой „нищей братіи“, которая и донынѣ распѣваетъ свои *псáльмы* на сборищахъ народныхъ.

Въ псáльмахъ этихъ съ ясно обозначенною книжною стихіей рѣчи мы встрѣчаемъ прежде всего глагольную рифму. Вотъ нѣсколько образцевъ изъ самой популярной псáльмы объ убогомъ Лазарѣ:

«Де ся мени трафытъ смерть, то *откуплюся*,
А не откуплюся, то *одобйуся*,
До царства небесного самъ *доберуся*,
Господеви найвышшому не *помолюся*,
А всимъ святымъ его не *покорюся*» [1]).

Или:

«Чи не мигъ бы ты мени то *вчынyты*,
Же я тебе буду вирне *просыты*,
Свий мызельный палець въ море *вмочыты*,
Мои смажущи уста та *захолодыты*,
Той пекельный вогонь *прыгасыты*,
Мой спаленый языкъ *закропыты*» [2])

Или:

«Нехай бы я промежъ нымы хоть *пророковавъ*,
Отъ Господа Бога пророчество *извищавъ*,
Уже бъ я свое сребро, злото на церквы *дававъ*,
Еже празныкъ и недиля молебни *наймавъ*,
Тебе, брате Лазаре, всегда *помынавъ*,
И ныщыхъ, убогыхъ добромъ *надилявъ*,
Души своий царства вже бъ я *вготовавъ*» [3]).

Благодаря рѣшительному преобладанію глагольной рифмы, на первый планъ видвигается въ *псáльмахъ* цѣлое предложеніе или же самостоятельная часть слитнаго предложенія, какъ логическая основа стиха, которая не всегда можетъ совпадать съ одинаковымъ количествомъ слоговъ въ стихахъ. Отсюда неизбѣжное послѣдствіе—неравенство стиховъ, что и находимъ мы во многихъ псáльмахъ. Отсюда же и другое послѣдствіе—речитативный оттѣнокъ въ исполненіи псáльмъ. Особенно рѣзко выступаютъ всѣ эти особенности стихотворнаго размѣра въ „проçьбуванняхъ“, или же, такъ называемыхъ, „жебранкахъ“. Приведемъ одну изъ нихъ для примѣра:

«Сынъ едыный,
Исусъ Хрыстосъ правдывый!

[1]) Головац. Народ. пѣсни галиц. и угорской Руси, ч. III, 264.
[2]) Ibidem, 266.
[3]) Ibidem, 270.

Зошлы, Господы, Ангела-хранытеля у сей домъ
благочестывый!
Прошу тебе, отець-маты,
Нызькымъ уклономъ,
Покирнымъ словомъ,
Даруй мени едыную рубашечку, або убраннячко,
На гришнее мое тило прыкрываннячко,
Прыкрыйте жъ, отець-маты,
Мое гришне тило,
Щобъ одъ буйного витру воно не марнило,
И одъ праведного сонечка не вгоряло,
Одъ морозу не вымерзало,
Одъ дощу не вымокало,
То такъ и васъ прыкрые Митиръ Божая честнымъ
своимъ омофоромъ» [1]).

Мы имѣемъ предъ собою ту же конструкцію стиховъ, что и въ думахъ. Очевидно, что возникла она на почвѣ псальмъ виршеваго происхожденія, но проведена со всею послѣдовательностью въ думахъ, которыя дальше стояли отъ книжныхъ вліяній, чѣмъ псальмы.

Далѣе слѣдуютъ вопросы: давняя ли это конструкція? Не создана ли она позднѣйшими исполнителями думъ?

Въ послѣднія 20—30 лѣтъ въ этнографическихъ изданіяхъ не мало появилось всякаго рода сообщеній о пѣвцахъ, отъ которыхъ записаны были думы. Много симпатичнаго заключаетъ въ себѣ этотъ вымирающій уже типъ слѣпца-рапсода. Смотритъ онъ на свое ремесло, какъ на дѣло богоугодное, завѣщанное ему самимъ Іисусомъ Христомъ, который по вознесеніи своемъ предназначилъ для проповѣди своего ученія не однихъ Апостоловъ, но также хромыхъ и слѣпыхъ [2]). Глубоко вѣритъ онъ въ дѣйствительность всего того, о чемъ поетъ въ своихъ псальмахъ и думахъ [3]). Самъ онъ бываетъ сильно растроганъ содержаніемъ думъ, прерывая иногда исполненіе ихъ всякаго рода

---

[1]) Записана нами въ кобелян. у. полт. губ.
[2]) Кіевская Старина, 1889 г., Сентябрь, 663, 672.
[3]) Записки о Юж. Руси, Кулиша, I, 45.

замѣчаніями и поясненіями [1]). „Боже, твоя воля, хто его повыгадувавъ, що не можна выдумать бы такъ никому въ свити!“ говорилъ одинъ изъ нихъ во время исполненія думы о бѣгствѣ трехъ братьевъ изъ Азова [2]). Въ этомъ наивномъ замѣчаніи пѣвецъ выразилъ не одно удивленіе свое къ невѣдомымъ ему творцамъ думъ, но и сознаніе полнаго безсилія своего выдумать что-нибудь похожее на думы. И дѣйствительно, въ текстѣ думъ мы не видимъ слѣдовъ творчества, современнаго самимъ записямъ, зато въ большомъ изобиліи встрѣчаемъ слѣды искаженія и забвенія стариннаго текста. Сами пѣвцы иногда съ огорченіемъ сознаютъ, что многое забыли они, пересказывая думу „черезъ десяте въ двадцяте слово“ [3]) или же, какъ говорилъ одинъ изъ нихъ: „стыхъ зъ однием, да зъ другои, да й извяжешъ такъ“ [4]). „Мали старци насталы“ [5]), говорятъ они, а когда-то, по словамъ ихъ, живали „старечи короли“ [6]), или же „старечи цехмыстри“, которые заводили у себя цѣлыя школы учениковъ-пѣвцевъ, собиравшихъ для своихъ учителей по городамъ и селамъ милостыню [7]). Собственно говоря, въ разныхъ концахъ Малороссіи и теперь существуютъ эти школы, или, лучше сказать, учителя, имѣющіе двухъ-трехъ учениковъ, но въ репертуарѣ современныхъ „старцивъ“ очень рѣдко попадаются думы [8]). Какъ извѣстно, съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе забывается эта поэтическая старина, поэтому напрасно стали бы мы искать въ пѣвцахъ думъ, отъ которыхъ онѣ записаны, создателей вольнаго стихотворнаго размѣра, состоящаго въ неразрывной связи съ внутреннимъ строемъ думъ, въ чемъ собственно и заключается поэтическая форма ихъ. Надобно полагать, что и въ XVIII вѣкѣ пѣвцы думъ не обладали уже самодѣятельною творческою силой, изъ которой воз-

[1]) Записки о Юж. Руси, Кулиша, I, 15—42.
[2]) Ibidem, 38.
[3]) Кіевс. Старина, 1882 г., Дек., 24.
[4]) Историч. пѣсни Антон. и Драгом., I, 332.
[5]) Записки о Юж. Руси, Кулиша, I, 13.
[6]) Ibidem, 2.
[7]) Кіевскій Телеграфъ, 1873 г., № 59.
[8]) См. объ этомъ интересную статью В. Боржковскаго подъ заглавіемъ „Лирники“ въ Кіевс. Старинѣ, 1889 г., Сентябрь.

никла эта форма, ибо ни одно событіе XVIII вѣка не воспѣто въ думахъ [1]). Такимъ образомъ мы должны отодвинуть появленіе этой формы къ болѣе давнему времени. Съ приблизительною точностью оно опредѣляется хронологическою линіею событій, выше которой не поднимаются думы. Мы разумѣемъ событія XVII и XVI вв. Но, въ виду того, что думы сливаются съ пѣснями, изображающими черты народнаго быта, возникшія раньше XVI вѣка, линія эта незамѣтно теряется въ туманѣ предшествующихъ вѣковъ и совершенно уходитъ изъ нашихъ глазъ. Проникнуть далѣе, за предѣлы XVI вѣка, можно только съ помощью гипотезы. Но мы предпочитаемъ стоять на почвѣ фактовъ, доступныхъ нашему зрѣнію, поэтому, въ заключеніе нашего изслѣдованія, считаемъ необходимымъ высказать нѣсколько соображеній о той обстановкѣ, въ которой могли появиться творцы думъ, а равно о перемѣнахъ въ этой обстановкѣ, которыя неизбѣжно должны были отразиться на самихъ думахъ.

Мы должны поставить на видъ прежде всего то обстоятельство, что въ старину, какъ на югѣ, такъ и на сѣверѣ Россіи, нищая братія стояла подъ непосредственнымъ покровомъ церкви, которая давала ей организованную помощь въ видѣ странопріимныхъ домовъ, больницъ и всякаго рода пріютовъ [2]). Понятно поэтому громадное значеніе нищей братіи въ формировкѣ народно-поэтическихъ представленій о жизни въ направленіи христіанскомъ. Серединное положеніе ея между церковью и народомъ давало ей полную возможность вносить въ міровоззрѣніе народа широкія основы христіанской мысли, не отрываясь при этомъ отъ родныхъ мотивовъ поэтической старины, которая опиралась на языческія преданія. Отсюда произошло такъ называемое двоевѣріе, и донынѣ сохранившееся въ народной поэзіи, но уже съ преобладаніемъ христіанскаго настрое-

---

[1]) Изъ первыхъ годовъ XVIII в. мы имѣемъ полу-пѣсню, полу-думу о популярнѣйшемъ героѣ старинной Малороссіи Семенѣ Палiѣ. (См. у Максимовича въ изд. пѣсенъ народныхъ 1849 г.). Въ самомъ смѣшеніи двухъ разныхъ стилей выразилось паденіе творчества думъ.

[2]) См. объ этомъ обстоятельную статью Ефименка: „Шпитали въ Малороссіи". (Кіевс. Старина, 1883 г., Апрѣль).

нія—особенно въ пониманіи нравственныхъ задачъ жизни. Положительно можно сказать, что въ лицѣ нищей братіи церковь нашла самыхъ усердныхъ миссіонеровъ христіанства, которые съ теченіемъ вѣковъ подорвали въ народной жизни роль старинныхъ скомороховъ и другихъ представителей языческаго веселья.

Но это времена давнія.

Обращаясь къ эпохѣ пробужденія умственной жизни въ южной Руси, т. е. къ XVI вѣку южнорусской исторіи, мы встрѣчаемъ въ положеніи нищей братіи нѣчто новое. Она тоже стоитъ подъ защитою церкви, но эта церковь въ католическомъ государствѣ не пользуется покровительствомъ властей. Напротивъ того, со временъ брестской уніи она составляетъ предметъ систематическаго преслѣдованія со стороны государства. Самъ народъ долженъ былъ защищать церковь и въ ней искать опорной точки для борьбы съ врагами. Появились братства, которыя внесли въ организацію церковной жизни сознаніе народныхъ нуждъ и интересовъ. Въ числѣ этихъ интересовъ выдающееся положеніе заняла филантропія—главнымъ образомъ въ видѣ устройства „шпиталей“ для нищей братіи. Это были не больницы, но богадѣльни, въ которыхъ жили увѣчные старики, преимущественно слѣпые. Пользуясь пособіями отъ прихожанъ той церкви, при которой были шпитали, они промышляли и на сторонѣ посредствомъ испрошенія подаяній. Каждый шпиталь входилъ въ составъ „старечого“ братства или цеха, слагавшагося изъ нѣсколькихъ шпиталей одного и того же города или деревни. Цехъ имѣлъ свое имущество, свои права и обязанности—главнымъ образомъ по отношенію къ церкви. Почти не было церкви безъ шпиталя. Въ первой половинѣ прошлаго вѣка въ трехъ полкахъ лѣвобережной Украины было 589 шпиталей [1]). Мы не имѣемъ статистическихъ свѣдѣній о количествѣ шпиталей въ болѣе раннее время, но упоминанія о шпиталяхъ встрѣчаются очень часто, начиная съ XVI вѣка и, что

---

[1]) Основа, 1862 г., Ст. А. М. Лазаревскаго: „Статистическія свѣдѣнія объ украинскихъ народныхъ школахъ и госпиталяхъ въ XVIII в.“.

въ особенности замѣчательно, въ самомъ началѣ XVII вѣка появляются шпитали военные—въ 1601 году въ Трехтемировѣ, а въ 1629 г. въ Кіевѣ „для людей рыцерскихъ, отъ непріятелей въ разныхъ битвахъ покалѣченныхъ [1]).

Теперь обратимъ вниманіе на обстоятельство чрезвычайной важности, именно на то, что одна и та же церковь простирала свои заботы и попеченія о шпиталяхъ и о школахъ. Оба эти учрежденія отъ нея получали свою нравственную и матеріальную поддержку и, конечно, состояли между собою въ постоянномъ и живомъ общеніи. Намъ уже извѣстны обитатели школъ съ ихъ „орацiями“ на разные случаи, съ ихъ „кунштами“ и „виршами“, „шпаргалами“ и „партесами“. Исполняли они при церкви, какъ и шпитальные „старци“, низшія обязанности. Отъ нихъ-то и получали „старци“ произведенія школьной мудрости, которыя и разносили въ народѣ. Усваивая эти произведенія, многое они измѣняли въ духѣ народномъ, ибо обязаны были примѣняться къ народному пониманію, къ народному складу рѣчи. Но странствующіе школьники требовались не въ однихъ школахъ. На нихъ былъ спросъ и въ войскѣ, гдѣ нужны были люди грамотные для войсковыхъ канцелярій. Не разъ случалось, что они мѣняли перо на саблю, участвуя въ разныхъ баталіяхъ. Они были свидѣтелями народныхъ движеній и нерѣдко играли въ этихъ движеніяхъ не послѣднюю роль. Впечатлѣнія свои они выражали тоже въ виршахъ, которыя проникали въ школы и шпитали. Здѣсь эти вирши перерабатывались тѣми же „старцями“ для народнаго обихода. Такимъ образомъ, въ школахъ и шпиталяхъ старинной Малороссіи сосредоточивалась та полународная, полукнижная среда, которая объединяла умственные интересы духовенства, козаковъ и посполитаго люда. Вотъ изъ этой именно среды и могли выходить творцы думъ. Знали они изъ народныхъ пѣсенъ о безъименныхъ герояхъ, погибшихъ въ борьбѣ съ татарами и турками, а между тѣмъ жизнь выдвигала новыхъ героевъ, о которыхъ гласила народная молва. Нужно было прославить этихъ героевъ, поэтому „старци“ соз-

[1]) Кіевская Старина, 1883 г., Апрѣль, 715—716.

дают въ честь ихъ пѣснопѣнія особеннаго рода, въ которыхъ изъ старинныхъ обрядныхъ величаній, подновленныхъ школьными кантами, берутъ элементъ славленія, а изъ народныхъ пѣсенъ яркіе и излюбленные народомъ поэтическіе образы. Знали также „старци", чего стоила народу эта безконечная борьба его съ невѣрными, какія опустошенія производила она въ мирной жизни земледѣльца, поэтому они пользуются нравоучительно-религіозною философіей псальмъ для того, чтобы внести примиряющее начало въ сознаніе своихъ слушателей. Много утѣшенія проливали они въ душу осиротѣлой матери, потерявшей сына своего въ борьбѣ съ врагами, много добрыхъ чувствъ пробуждали они въ народной толпѣ напоминаніемъ о плѣнныхъ герояхъ, которые съ нетерпѣніемъ ожидаютъ выкупа изъ неволи.

Такъ сама собою, подъ неотразимымъ впечатлѣніемъ бытовыхъ условій жизни, явилась поэтическая форма думъ, какъ плодъ взаимодѣйствія вліяній школьныхъ и народныхъ.

Когда началось это взаимодѣйствіе?

Къ сожалѣнію, мы не можемъ отвѣчать на этотъ вопросъ съ документальной точностью. Знаемъ только, что въ XVI вѣкѣ, предъ самымъ началомъ широкой просвѣтительной дѣятельности, съ которою выступили южнорусскія центральныя братства львовское и кіевское, существовали уже въ наличности всѣ элементы, изъ которыхъ слагалось умственное общеніе между школой и народомъ. Въ этомъ отношеніи чрезвычайно любопытно завѣщаніе Василія Загоровскаго, каштеляна брацлавскаго, написанное имъ въ турецкой неволѣ, гдѣ онъ и умеръ въ 1580 г. Онъ проситъ, чтобы къ дѣтямъ его, двумъ сыновьямъ, когда исполнится имъ по семи лѣтъ, пригласили „дьяка добре учоного", который долженъ научить ихъ „руское науки въ писме святомъ.... въ своемъ языку рускомъ". Въ другомъ мѣстѣ завѣщанія онъ назначаетъ дьяку бо̀льшее денежное вознагражденіе, чѣмъ діакону и даже священнику, „абы въ тои белои избе противъ шпиталное чорное избы мешкаючи, дѣти, которые на науку будутъ ему давати, вдячне училъ", а также, чтобы „книги, якихъ церковъ пилне потребуетъ, зъ добраго зводу уставичне писалъ". Тутъ есть все: и дьякъ, списывающій книги и обучающій дѣтей въ школѣ, и

два шпиталя, которые по завѣщанію должны быть устроены при церквахъ—одинъ во Владимірѣ, другой въ Суходолахъ, каждый „для 12 особъ убогихъ а здоровъя неспособнаго людей". Есть даже бакаляръ статечный, котораго завѣщатель желаетъ пригласить въ домъ свой для обученія дѣтей его „науки латинского писма" [1]). Мы не имѣемъ только псальмъ и виршей, которыя тогда уже могли появиться въ школьномъ употребленіи, за то имѣемъ такія оригинальныя произведенія второй половины XVI вѣка, какъ переводы книгъ св. Писанія на народный языкъ, свидѣтельствующіе о стремленіи книжныхъ людей приблизить „рускую науку въ писме святомъ" къ народному пониманію. Поэтому мы не видимъ достаточныхъ основаній ограничивать началомъ XVII вѣка школьныя вліянія на народную мысль, слѣдовательно, и на поэтическое народное творчество. Но, конечно, вполнѣ окрѣпли эти вліянія въ XVII вѣкѣ, когда въ большемъ изобиліи появился въ школахъ извѣстный уже намъ литературный матеріалъ. По мѣрѣ накопленія этого матеріала, крѣпче стягивался узелъ, соединявшій народное пѣснотворчество съ книжными вліяніями, завязанъ же былъ этотъ узелъ, безъ сомнѣнія, раньше XVII вѣка.

Полагать надобно, что въ средѣ тѣхъ же „старцивъ", и тоже не позже XVI вѣка, установилась и заунывная мелодія думъ [2]). Въ старину, какъ и въ позднѣйшее время, когда записывались думы, пѣвецъ вносилъ въ эту мелодію особенную выразительность посредствомъ речитативныхъ вставокъ и музыкальной декламаціи, которая сопровождалась подыгриваньемъ на кобзѣ или на бандурѣ. Оба эти инструмента теперь уже вышли

---

[1]) Архивъ югозапад. Россіи, т. I, ч. 1, № 16.

[2]) Не отрицая вліянія Востока на эту мелодію, Фаминцынъ допускаетъ возможность заимствованія ея у сербскихъ пѣвцевъ, которые, по свидѣтельству польскихъ писателей XVII в., доходили въ концѣ XVI и въ началѣ XVII в. до Польши и Малороссіи (Домра и сродные ей музыкальные инструменты, 152). Справедливо замѣчаетъ объ этомъ мнѣніи рецензентъ сочиненія Фаминцына: „дума, говоритъ онъ, создавалась подъ такимъ напливомъ чисто народнаго возбужденія, что трудно принять здѣсь воздѣйствіе какихъ-нибудь внѣшнихъ, случайныхъ вліяній, что нужно искать происхожденія этой музыки въ самыхъ бытовыхъ условіяхъ—въ культурномъ вліяніи черноморскихъ Тюрковъ". (Вѣстникъ Европы, 1891, Августъ).

изъ употребленія, но въ прежнее время они составляли обычную принадлежность козацкаго быта. Особенно это нужно сказать о кобзѣ—инструментѣ болѣе простомъ и популярномъ, чѣмъ бандура [1]).

Съ кобзою въ рукахъ козакъ шелъ на любовное свиданіе:

«Не боиться козаченько ни грому, ни тучи,
Хорошенько въ кобзу грае, до дивчыны йдучы» [2]).

Пѣніемъ и игрой на кобзѣ онъ выражалъ буйный разгулъ молодости:

---

[1]) *Кобза*—венгер. Koboz, турец. qopûz (Miklosich, Die Freund. Wörter in den Slaw. Sprachen, 1867 г.) музыкальный инструментъ, сдѣланный изъ дереневаго дерева, о трехъ струнахъ. Это любимый инструментъ украинской молодежи; перешелъ онъ къ козакамъ отъ татарскихъ народовъ (Encyklopedia powszechna, Orgelbranda, 1860 г. т. XIV, 954). „Названіе *кобза*, говоритъ г. Фаминцынъ, можетъ быть прослѣжено въ старинныхъ памятникахъ славянскихъ и неславянскихъ до 1250 г. Извѣстно оно было Половцамъ, которые принесли, какъ названіе, такъ и инструментъ изъ азіатской своей родины". (Домра и сродные ей инструменты рус. народа, 91).

Бандура — италіанс. *pandóra* и *mandola*, испанс. *bandurria* и *bandóla*, португальс. *bandurra*, француз. *pandore* и *mandole* отъ *pandura*, *pandurium*, гречес. πανδοῦρα (Diez, Etymolog. Wörterbuch der romanisch. Spr., 1870 г., I, 302; болѣе подробную этимологію слова см. у А. Н. Веселовскаго: „Разысканія въ области рус. духовнаго стиха, Прилож. къ XIV т. Записокъ Академіи наукъ, № 1. 159—161)—музыкальный инструментъ въ родѣ лютни со струнами изъ желтой мѣди, съ короткой шейкой или грифомъ, нѣкогда былъ въ большомъ употребленіи у козаковъ на Украинѣ, откуда перешелъ въ Польшу и на Русь (въ Галиціи). (См. Encyklopedia powszechna, Orgelbranda, 1860 г., т. II, 798—799). Въ послѣднее время высказано было иное мнѣніе о происхожденіи малорусской бандуры: г. Фаминцынъ ведетъ ея исторію изъ Англіи, гдѣ она изобрѣтена была въ четвертомъ году царствованія королевы Елисаветы, т. е. въ 1561 году, оттуда распространилась она по всей Европѣ и чрезъ Польшу въ концѣ XVI в. проникла въ Малую Русь, гдѣ и сдѣлалась національнымъ инструментомъ, вытѣснивъ изъ употребленія кобзу и получивъ отъ нея названіе (Домра и сродные ей музыкальные инструменты рус. народа, 111—123). Но если названіе этого инструмента находится въ очевидной этимологической связи съ инструментомъ балканскихъ славянъ *pandura*, а этотъ послѣдній, по мнѣнію г. Фаминцына, могъ быть заимствованъ славянами чрезъ посредство Византіи изъ арабско-персидскаго Востока, то не могла ли этимъ путемъ появиться бандура и въ южной Руси гораздо ранѣе XVI вѣка,—тѣмъ болѣе, что самъ г. Фаминцынъ для подкрѣпленія своего мнѣнія о роли Византіи въ передачѣ этого инструмента славянамъ ссылается на одну изъ фресокъ Кіево-Софійскаго собора, изображающую музыканта съ пятиструннымъ инструментомъ, похожимъ на бандуру? (Ibidem, 41).

[2]) Головац. Народныя пѣсни галиц. и угорс. Руси. I, 252.

«Ой далеко чуты козака Ворла, що иде съ кобзыною,
На кобзоньци грае, ще краще спивае,
Та жъ бо его ненька, та его старенька
Изъ жалю омливае» [1]).

О бандурѣ мы рѣдко встрѣчаемъ упоминанія въ бытовыхъ малорусскихъ пѣсняхъ. Какъ инструментъ болѣе сложный, онъ требовалъ, повидимому, болѣе опытныхъ и искусныхъ рукъ, хотя и бандура употреблялась не для однихъ пѣсенъ общественнаго содержанія [2]). Въ виршахъ и думахъ есть упоминанія о бандурѣ. Сюда относится извѣстная уже намъ вирша, подписываемая подъ изображеніемъ запорожца, играющаго на бандурѣ, и дума о смерти козака-бандуриста, который называлъ свою бандуру *подорожною*. Есть указанія въ думахъ, что въ самыя трудныя минуты жизни козакъ не разлучался съ своею бандурою. Такъ, въ думѣ о Семенѣ Палiѣ говорится, что и въ Сибири искалъ онъ въ пѣніи и въ игрѣ на бандурѣ душевнаго успокоенія:

«Прыйшовъ панъ Палий додому та й сивъ у памити,
На бандурци выгравае: «Лыхо жыты въ свити!
Той, душу заклавшы, свыту, бачъ, гаптуе,
А той по Сибиру мовъ у лузи дубуе!» [3]).

Всѣ эти данныя не позволяютъ сомнѣваться въ томъ, что не одни „старци“ играли въ старину на кобзѣ и на бандурѣ, хотя отсюда вовсе не слѣдуетъ, что они не принимали участія въ созданіи народныхъ малорусскихъ думъ. Говоримъ это въ

---

[1]) Ibidem, 272. Чубинс., Труды экспедиціи, V, 110. Папроцкій, польскій писатель конца XVI в., говоритъ: „Козаки съ большой радостью показывали невообразимыя штуки, стрѣлали, пѣли и на кобзахъ играли“. (Encyklop. powszechna Orgelbranda, 1860 г., т. XIV, 254).

[2]) Козаковъ, которые играли на бандурѣ, танцовали и пѣли, называли бандуристами. При Станиславѣ Августѣ вошло въ моду не только на Украинѣ и на Волыни, но и въ самой Варшавѣ, держать исправныхъ и разряженныхъ козаковъ-бандуристовъ для утѣхи гостей посредствомъ пѣнія и танцевъ. Впрочемъ, однообразіе того и другаго не всѣмъ приходилось по вкусу. (Encyklop. powszechna Orgelbranda, 1860 г., т. II, 799).

[3]) Максимовича, Украинс. народн. пѣсни, 1849 г.

виду мнѣнія, давно высказаннаго, что „воинскія думы сложены самими дѣйствующими лицами кровавыхъ трагедій старины, а не безоружными слѣпцами“ [1]). Дѣйствительно, по мѣрѣ успѣховъ козацкаго оружія въ борьбѣ съ поляками въ эпоху Богдана Хмельницкаго, думы становятся ближе къ текущей дѣйствительности, которая отражается въ нихъ со всѣми подробностями бытовой и воинской обстановки. Въ то же время онѣ стоятъ вполнѣ независимо отъ вліянія лирическихъ пѣсенъ соотвѣтствующаго содержанія, чего нельзя сказать о думахъ болѣе ранней эпохи. По всему видно, что творцы думъ сами были непосредственными свидѣтелями событій. Мы думаемъ, однако же, что типическія особенности думъ не могли выработаться и установиться на полѣ битвы, вдали отъ культурныхъ вліяній школы, поэтому иниціатива въ созданіи думъ всегда принадлежала „старцямъ“, изъ среды которыхъ съ теченіемъ времени выдѣлился особый типъ войсковыхъ кобзарей или бандуристовъ. Ютились эти бандуристы въ козацкихъ отрядахъ и знали о происшествіяхъ своего времени не по наслышкѣ. Это были постарѣвшіе воины-козаки, которые по старости и другимъ причинамъ не владѣли оружіемъ и входили въ составъ полковой „музыки“. Они развлекали своимъ искусствомъ козаковъ въ промежутки боевыхъ часовъ, а по окончаніи похода разносили славу о герояхъ по всей Украинѣ. При всеобщей заинтересованности ходомъ событій, непосредственнымъ участникомъ которыхъ былъ самъ народъ, думы, распѣваемыя бандуристами на ярмаркахъ и въ другихъ людныхъ мѣстахъ, доставляли ему не только поэтическое наслажденіе, но и удовлетворяли потребностямъ политическаго знанія. Такъ же популярны были думы и въ средѣ козацкой старшины, въ составъ которой входило много людей *письменныхъ*, требовавшихъ отъ народной поэзіи книжной припрввы. Въ одной думѣ мы встрѣчаемъ прямое указаніе на то, что онѣ распѣвались предъ слу-

[1]) Записки о Южной Руси, Кулиша, I, 193. Это давнее мнѣніе недавно было высказано и г. Фаминцынымъ, который, впрочемъ, не приводитъ въ пользу его никакихъ новыхъ соображеній и доказательствъ. (Домра и сродные ей музыкальные инструм. рус. народа, 145—157).

шателями изъ этого круга людей, которые называются „народными головами“ [1]). Здѣсь уже мы видимъ молодыхъ бандуристовъ, которые изучали думы для развлеченія „народныхъ головъ“. По свидѣтельству историка Новой Сѣчи, „почти всякій старшина имѣлъ у себя хлопца-торбаниста“ [2]). Мода на бандуристовъ въ XVIII в. отъ козацкой старшины перешла ко двору, а отсюда къ русскимъ вельможамъ [3]). Любопытны похожденія одного изъ этихъ рапсодовъ, который состоялъ сперва бандуристомъ при кіевскомъ генералъ-губернаторѣ Леонтьевѣ, а по смерти его отправился въ Сѣчь, гдѣ и „находился чрезъ 6 годъ, упражняясь при охотныхъ козакахъ бандурною игрою“ и „получалъ одежду и деньги за играніе имъ на бандурѣ“. Изъ Сѣчи онъ перешелъ къ гайдамакамъ,—какъ зрячій, сторожилъ гайдамацкое добро и получалъ отъ нихъ свою долю добычи. Подлинная фамилія его была Рыхлѣевскій, по уличному Бандурка [4]). Коденскій судъ надъ гайдамаками смотрѣлъ на этихъ бандуристовъ, какъ на подстрекателей народнаго возстанія: трехъ изъ нихъ онъ приговорилъ къ смертной казни [5]).

Такимъ образомъ, въ XVIII вѣкѣ мы видимъ бандуристовъ въ самыхъ разнообразныхъ положеніяхъ: являются они то въ

[1]) Метлинс., Южнорус. народ. пѣсни, 441.

[2]) Скальковскій, Исторія Новой Сѣчи, 1846 г., 331.

[3]) Въ дневникѣ Н. Ханенко подъ 1732 годомъ упоминается бандуристъ бывшій при Петрѣ II (не названъ по имени). (См. Кіевская Старина, 1884 г., Сентябрь, Приложенія, 81). Подъ тѣмъ же годомъ упоминается какой-то другой дворцовый бандуристъ, Ермолай Санкевичъ. (Ibidem, Августъ, Приложенія, 71). При дворѣ Елисаветы Петровны состояли бандуристами слѣпецъ Григорій Михайловичъ Любистокъ. Въ 1742 году онъ женился, въ 1743 году пожалованъ дворянствомъ, а потомъ произведенъ въ полковники. (См. Дневныя Записки Я. Марковича, 1859 г., ч. II, 182, 191). Оффиціальный титулъ этого бандуриста былъ такой: „Двора Ея Императорскаго Величества спѣвальной музыки тенористъ и російскій дворянинъ Г. М. Л.“. Вообще въ дневникахъ XVIII вѣка довольно часто встрѣчаются лаконическія свѣдѣнія о бандуристахъ, которые за трудъ свой получали доброхотныя даянія. Даже въ началѣ XIX в. не прекратился среди малорусскаго дворянства обычай держать въ составѣ домашней прислуги козачковъ, которые съ инструментомъ въ рукахъ отлично танцовали, акомпанируя сами себѣ. (См. объ этомъ Записки доктора де-ля-Флиза, Русская Старина, 1892 г., Февраль, 345).

[4]) Кіевская Старина, 1886 г., Октябрь, 379—388.

[5]) Ibidem, 1882 г., Апрѣль, 164—165.

народѣ, то въ домахъ малорусской и великорусской знати. Изъ одного и того же инструмента они должны были извлекать разные звуки во вкусѣ своихъ слушателей, а это не могло, во всякомъ случаѣ, благопріятствовать самобытности поэтическаго вдохновенія. Да и вкусы эти въ козацкой старшинѣ были уже не тѣ, что прежде. Довольно поспѣшно превращалась она въ малороссійское шляхетство, которое гордилось славою предковъ только лишь въ расчетахъ на сословныя привиллегіи. Снова водворялись въ странѣ крѣпостные порядки, отъ которыхъ отбилась она въ эпоху Богдана Хмельницкаго, поэтому гармонія интересовъ крестьянскихъ и козацкихъ, которою проникнуты думы, давно уже исчезла. Послѣ Палія почти не было уже всенародныхъ героевъ, о которыхъ можно было бы сказать съ положительнымъ убѣжденіемъ, какъ это обыкновенно говорилось въ думахъ, что

«Слава ихъ не вмре, не поляже,
Буде вона славна помижъ козакамы,
Помижъ друззямы,
Помижъ рыцарямы,
Помижъ добрымы молодцямы» [1]).

Одни козаки превращались въ пановъ, другіе въ подданныхъ, друзья расходились въ разныя стороны, не стало рыцарей, не стало добрыхъ молодцевъ. Какъ же могло устоять противъ теченія поэтическое творчество думъ, которое изображало всѣхъ этихъ людей на высотѣ героическаго увлеченія всенароднымъ благомъ?

Таковъ былъ общій строй жизни въ Гетманщинѣ. На правой сторонѣ Днѣпра было еще хуже. Здѣсь по старой памяти къ сословнымъ угнетеніямъ присоединялись религіозныя. Не могло уже Запорожье серьезно помочь гайдамакамъ, какъ оно помогло когда-то Хмельницкому. Славное нѣкогда сѣчевое братство само доживало послѣдніе годы свои и уже давно не распоряжалось самостоятельно своими военными предпріятіями. Въ 1775 году оно пало, а вмѣстѣ съ нимъ разлетѣлась въ прахъ послѣдняя опора козачества. Отъ старой Сѣчи остались только

[1]) Лукашевичъ, Малорус. и червонорус. думы и пѣсни, 47.

скорбныя пѣсни о разореніи ея, а не думы о рыцаряхъ войска запорожскаго. А между тѣмъ, въ польской Украинѣ было совсѣмъ не до думъ. Тамъ происходила нѣкоторымъ образомъ агонія польскаго государства, которое въ послѣднія минуты своего существованія представляло патологическую картину позднаго гороизма, смѣшаннаго съ старою болѣзнію нетерпимости и ожесточенія противъ народа, котораго въ свое время оно не умѣло понять и оцѣнить. Съ народомъ этимъ сводились старые счеты, вызвавшіе уманскую бойню, за которою въ видѣ возмездія послѣдовала еще болѣе ужасная, продолжительная и хладнокровно обдуманная коденская бойня. Не угасло и въ это тяжелое время поэтическое творчество народа, но оно выразилось не въ думахъ, а въ пѣсняхъ. Быстрый натискъ кровавыхъ событій, повидимому, поставилъ пѣвцевъ въ необходимость воспользоваться болѣе подвижной формой поэзіи, чѣмъ думы. Да и въ сознаніи самихъ гайдамаковъ помутились уже старые идеалы козачества, поэтому и дѣянія ихъ не могли быть воспроизведены въ думахъ съ обычнымъ окончаніемъ ихъ—прославленіемъ героевъ. Вдали передъ собою народъ не видѣлъ свѣтлаго будущаго, а отъ ужасовъ настоящаго онъ уходилъ вмѣстѣ съ своими бандуристами въ гетманщину, гдѣ думы и нашли послѣднее свое успокоеніе. Здѣсь, въ средѣ сельскаго люда, особенно въ средѣ незакрѣпощенныхъ еще козаковъ, сидѣвшихъ на своемъ грунтѣ, а также въ средѣ мелкаго хуторскаго панства, не утратившаго симпатій къ народу, сохранились еще привычки мысли и чувства къ поэтическимъ преданіямъ козацкой старины, воспѣтой въ думахъ. Привычки эти въ теченіе XVIII вѣка поддерживались старинными учрежденіями въ родѣ сельскихъ школъ и шпиталей съ ихъ обычной обстановкой, съ мандрованными дьяками и странствующими школярами. Подъ сѣнію этой старины и пріютились пѣвцы народныхъ думъ. Но это было уже новое поколѣніе пѣвцевъ, которые называли себя не бандуристами, а кобзарями. Такъ, вѣроятно, назывались и старинные бандуристы въ средѣ посполъства, ибо кобза въ старину была инструментомъ болѣе простонароднымъ, чѣмъ бандура. Съ паденіемъ козачества на трех-

струнную кобзу было перенесено представленіе о многострунной бандурѣ,—кобза же въ смыслѣ трехструннаго инструмента совсѣмъ вышла изъ употребленія. Въ связи съ этимъ смѣшеніемъ инструментовъ находится и смѣшеніе понятій о самой думѣ. Названіе этого рода поэзіи думой кой-гдѣ уцѣлѣло почти до нашихъ дней [1]), но большею частью сами кобзари называютъ думы или *псальмами* [2]), или же *пѣснями про старовину* [3]). По всей вѣроятности, въ то давнее время, когда писалъ свои Анналы Сарницкій, слово *дума*, сохраняя свое старинное значеніе, въ какомъ оно и донынѣ употребляется въ Галиціи, начало уже служить для названія пѣсенъ особаго рода, именно пѣсенъ вольнаго размѣра, исполняемыхъ подъ звуки бандуры или кобзы. Нельзя, конечно, допускать для тѣхъ отдаленныхъ временъ строгой классификаціи родовъ и видовъ въ области народной поэзіи: дума, называясь думой, въ то же время была и пѣсней, поэтому и тогда было уже возможно смѣшеніе этихъ понятій. Но мало по малу, по мѣрѣ того, какъ дума, не подновляемая новымъ приливомъ поэтическаго творчества, начала опускаться изъ козацкой среды въ простонародную, самое слово *дума* начало выходить изъ употребленія между пѣвцами думъ. Въ Галиціи оно сохранилось въ своемъ древнемъ южнорусскомъ значеніи, потому что *галицкая дума* не претерпѣвала тѣхъ измѣненій, какимъ подвергалась *украинская дума* въ теченіе измѣнчивыхъ судебъ козацкой жизни. Зато въ Галиціи нѣтъ и думъ въ украинскомъ смыслѣ этого слова, ибо дума есть произведеніе по преимуществу козацкое, а козачество въ Галиціи никогда не процвѣтало.

Настало новое время. Надъ народомъ тяготѣютъ новые интересы жизни. Подъ давленіемъ этихъ интересовъ онъ ни на минуту не можетъ оторваться отъ угнетающихъ его заботъ о завтрешнемъ днѣ. Собственное прошлое его кажется

---

[1]) Кіевская Старина, 1882 г. Декабрь, 28.

[2]) Историчес. пѣсни малорус. народа, Антоновича и Драгоманова, I, Предисловіе, XV.

[3]) Записки юго-запад. отдѣла географичес. общества, II, 113.

ему сказкой. Онъ не понимаетъ его, онъ равнодушенъ къ нему. Поэзія думъ не трогаетъ его сердца. „Теперъ молодй все позабувалы, жалуются кобзари, старыхъ писень не слухають: ему спивай про старовыну, а винъ и не знае, що воно таке е“ [1]). Мало того. Архаическая фразеологія думъ послужила матеріаломъ для одной юмористической пѣсни, которая есть ничто иное, какъ пародія на думы. Вотъ эта пѣсня:

«На сынёму мори,
Пидъ прыпичкомъ доли,
Да тамъ куца собака обметыцю ила:
Де не взялася съ помыйныци супротывна хвыля,
Тому куцому собаци хвистъ одкрутыла,
А я сыльне злякався,
На темни лугà,
На густи лисà,
На дыки степà,
На пичъ у куточокъ сховався,
Черезъ коминъ поглядаю,
Тамъ вареныкы-невильныкы въ сметани потопаютъ,
А я на ныхъ велыке мылосердіе маю,
Въ бездонный глечыкъ скыдаю» [2]).

Такъ изъ вѣка въ вѣкъ однѣ формы жизни смѣняются другими, а за ними слѣдуютъ и формы поэзіи. Но, если народъ, создающій тѣ и другія, способенъ къ самоанализу, хотя бы въ видѣ безпощадной ироніи надъ своими собственными произведеніями, то мы не можемъ отказаться отъ убѣжденія, что онъ подлежитъ не столько стихійному насилію слѣпой эволюціи, сколько разумному и жизнеупорному закону человѣческаго прогресса.

П. Житецкій.

[1]) Кіевская Старина, 1882 г. Декабрь, 5.
[2]) Чулбинс. Труды экспедиціи, V, 1170.

Отрывки изъ записокъ Автонома Акимовича Солтановскаго.[1]

Между тѣмъ подготовленіе къ революціонному движенію шло своимъ чередомъ. Мѣсто исправника Аренса занялъ старичекъ съ удушіемъ П—овскій, хотя и православный, но совершенно ополяченный; онъ состоялъ въ полнѣйшемъ распоряженіи пановъ и на всѣ ихъ затѣи смотрѣлъ сквозь пальцы. Вскорѣ П—овскій совершилъ въ угоду богатому пану, за деньги конечно, вопіющее дѣло и по Высочайшему повелѣнію былъ отрѣшенъ отъ должности навсегда. Вотъ это дѣло. Было два родныхъ брата, богатыхъ помѣщика; фамиліи ихъ не помню. Одинъ изъ нихъ былъ холостякъ-старикъ, другой семейный человѣкъ. Сынъ послѣдняго служилъ въ гвардіи и былъ любимцемъ холостяка дяди, который объявилъ брату, что все его имѣніе онъ оставляетъ своему любимцу. Пріѣхалъ какъ-то изъ Петербурга этотъ любимчикъ въ отпускъ. Это было незадолго до смерти дяди. Дядя пригласилъ всѣхъ своихъ крестьянъ на молебствіе въ церковь; присутствовалъ и самъ въ церкви съ племянникомъ. Послѣ молебствія, при священнослужителяхъ, объявилъ своимъ крѣпостнымъ, что послѣ его смерти племянникъ наслѣдуетъ все, что онъ имѣетъ. Вотъ вашъ будущій панъ! Его одного слушайтесь. Никто другой до васъ права не имѣетъ. Никому не подчиняйтесь, кромѣ вотъ этого вашего будущаго пана. Крестьяне поклялись слушаться и повиноваться только одному племяннику и болѣе никому. Послѣ этого племянникъ

[1]) Кіевск. Стар. 1892 г. № 9.

богато угощалъ всѣхъ своихъ будущихъ крѣпостныхъ. Стараго холостяка крестьяне любили, любили и его племянника. Со стороны пана имъ не дѣлалось никакихъ ни обидъ, ни притѣсненій. Брата же его они не любили. Онъ отличался звѣрскимъ обхожденіемъ съ крѣпостными, которые у него всѣ были въ загонѣ и не отличались зажиточностью. Умеръ холостякъ. Сейчасъ послѣ его смерти пріѣхалъ его племянникъ-наслѣдникъ и собралъ народъ. Отслужилъ по покойномъ въ церкви панихиду и устроилъ богатыя поминки. Онъ объявилъ крестьянамъ, что онъ одинъ ихъ настоящій панъ, и что они должны слушаться только его и его управляющаго. Управляющимъ онъ оставилъ прежняго, служившаго много лѣтъ его дядѣ, а самъ уѣхалъ въ Петербургъ на службу. Между тѣмъ завѣщанія покойнаго не нашли; его покойный или не успѣлъ составить, или составленное украли. Основываясь на этомъ, братъ покойнаго, а отецъ настоящаго владѣльца послалъ своего управляющаго въ имѣніе брата съ приказаніемъ принять все дѣлопроизводство и инвентарь отъ мѣстнаго управляющаго и объявить крестьянамъ, что они поступаютъ въ его подданство. Крестьяне прогнали этого управляющаго. По требованію пана явился П—овскій съ предводителемъ дворянства и сталъ требовать, чтобы крестьяне подчинились не объявленному покойнымъ пану, его племяннику, а брату покойнаго. П—овскій, видя сопротивленіе крестьянъ, хотѣлъ было устрашить ихъ розгами. Но они не позволили себя сѣчь, а посовѣтовали ему убираться. П—овскій донесъ губернатору Друцкому-Соколинскому о бунтѣ крестьянъ и требовалъ военной команды. Двинутъ былъ баталіонъ. Экзекуція прошла по всѣмъ селеніямъ и деревнямъ покойнаго. Покойный Государь, узнавъ объ этомъ дѣлѣ, былъ возмущенъ продажностью П—овскаго. Произведено было слѣдствіе, и виновные лишились мѣстъ.

На мѣсто Петре городничимъ былъ назначенъ тоже русскій, но уже ополяченный, имѣвшій нѣсколько дочерей невѣстъ, болѣе употреблявшихъ польскій, чѣмъ русскій языкъ. Я сказалъ уже, что полиція, даже изъ русскихъ, смотрѣла сквозь пальцы на приготовленія поляковъ. Предполагалось до воору

женнаго возстанія производить манифестаціи, а для этого пригоднѣе всего были женщины и дѣти, съ которыми, не роняя себя въ глазахъ Европы, правительство не могло обойтись серіозно, какъ съ полноправными гражданами. Манифестаціи были необходимы для возбужденія вниманія Европы, для запугиванья правительства и для возбужденія въ полякахъ патріотическаго духа. Не знаю, что дѣлала вначалѣ демократическая польская партія, да и дѣлала ли она что нибудь; но сколько я могъ замѣтить, въ Ровнѣ вначалѣ вся интрига сосредоточивалась въ рукахъ магнатовъ и духовенства, и изъ ихъ среды исходили всѣ распоряженія. Можетъ быть, и демократы были посвящены въ интригу; но по предначертанному аристократіею плану, время употребить въ дѣло демократію еще не приспѣло. Ввиду всего этого обращено было особенное вниманіе на учебныя заведенія. Начали опредѣлять по интригамъ и рекомендаціямъ пановъ въ начальники заведеній лицъ, хотя и русскаго происхожденія, но или ополячившихся, или ради корысти отдавшихъ себя вполнѣ въ руки пановъ. Русскіе учителя стали переводиться за Днѣпръ, а ихъ мѣста занимали или поляки, или другіе иновѣрцы. Даже стариковъ-капелановъ, на энергію и способности которыхъ мало было разсчета, замѣняли ксендзами, исключительно подготовленными въ послѣднее время къ интригѣ, молодыми, изящными, ловкими, умѣвшими пускать пыль въ глаза даже русскимъ патріотамъ. Капеланъ ровенской гимназіи, преподававшій въ ней десятки лѣтъ, получилъ приходъ. Онъ былъ обремененъ семьею племянниковъ и племянницъ; жилъ весьма скромно; привыкъ въ прежнее время всего остерегаться; о политикѣ боялся проронить лишнее слово, словомъ—отвыкъ отъ интриги и не былъ въ состояніи рисковать собою и семьею. Его мѣсто занялъ племянникъ епископа—ксендзъ Тв—скій, молодой элегантный, энергическій ксендзъ. Для него вдругъ возникла на гимназическомъ дворѣ каплица, при содѣйствіи, разумѣется, Т—нова. При его же содѣйствіи въ гимназіи стали водворяться на учительскихъ мѣстахъ одинъ за другимъ поляки. Подъ видомъ уроковъ молодой княжнѣ, они стали посѣщать князя Любомирскаго, гдѣ познакомились со всѣми

окрестными польскими магнатами. Потребовалось имѣть удобное мѣсто для заготовленія фуража, аммуниціи и оружія для повстанцевъ. И вотъ Т—новъ секретно, никому не говоря ни слова, начинаетъ ходатайствовать о возвращеніи изъ учебнаго вѣдомства обратно Любомирскимъ стараго палаца, въ которомъ имѣло нѣсколько учительскихъ семействъ даровыя квартиры. Ходатайство онъ подкрѣпляетъ указаніемъ на то, что черезъ годъ или два палацъ обратится въ груду муссора; что изъ него нельзя сдѣлать никакого употребленія, что въ немъ никто не живетъ, что онъ никогда не ремонтировался за неимѣніемъ средствъ; что теперь и невозможно ни за какія суммы его ремонтировать; развѣ на его мѣстѣ возводить новое зданіе, въ которомъ гимназія не имѣетъ никакой нужды, и что напрасно уплачиваются изъ гимназическихъ средствъ деньги сторожу. Сторожа, впрочемъ, никогда не было, а учителя сами ремонтировали на свой счетъ свои квартиры. Попортилась въ зданіи главнымъ образомъ только крыша, и въ необитаемыхъ залахъ потолки отъ течи. Все это легко было за небольшія деньги привести въ порядокъ. Зданіе же отличалось вѣковой прочностью и стоило сотни тысячъ. Для Любомирскихъ, представлялъ Т—новъ, оно имѣетъ громадное значеніе, какъ историческій родовой памятникъ, и они не откажутся принять его обратно. Любомирскіе съ своей стороны стали ходатайствовать. Зданіе разрѣшено отдать Любомирскимъ [1]). Любомирскій предложилъ семейнымъ учителямъ зимою въ три дня очистить зданіе, а послѣ трехъ дней прислалъ псарню съ псарями—и шумомъ, трубами и лаемъ собакъ приказалъ выжить учителей поскорѣе. Учителя были въ затруднительномъ положеніи. Осенью на свой счетъ они ремонтировали свои квартиры, поиздержались, а теперь вдругъ, не имѣя денегъ, въ холодъ, когда всѣ квартиры въ городѣ уже наняты, имъ пришлось въ три дорога платить за самыя мизерныя помѣщенія на окраинахъ города, далеко отъ

[1]) По этому поводу мы считаемъ нужнымъ напомнить читателямъ то наше замѣчаніе, которое было помѣщено еще раньше, а именно: авторъ записокъ всюду готовъ видѣть результаты польской интриги, а потому многіе изъ сообщаемыхъ имъ фактовъ требуютъ большой провѣрки.—Ред.

гимназіи. Учитель Солтановскій [1]) все это разъяснилъ въ письмѣ къ попечителю Пирогову. Письмо онъ писалъ не даромъ. Пироговъ приказалъ изъ экономической суммы отпустить Солтановскому 150 рублей. Уступленный Любомирскимъ ихъ старый палацъ цѣненъ былъ для нихъ не какъ историческій памятникъ ихъ рода, а какъ мѣсто уединенное на острову, куда прямо черезъ прудъ ночью съ поля можно было переправлять повстанскія принадлежности. Хранить ихъ тоже было удобно въ обширныхъ подземельяхъ палаца. Крупные помѣщики хватались за малѣйшій случай, чтобы собраться вмѣстѣ, не возбуждая вниманія своихъ крестьянъ, и потолковать о готовящемся дѣлѣ. Свадьбы, похороны, особенно охоты и карнавальные балы собирали во-едино пановъ не только югозападнаго края, но и сѣверо-западнаго. Являлись даже магнаты изъ царства польскаго и Галиціи. Съѣзды продолжались иногда по двѣ и три недѣли. Полиція ничего не видѣла или не хотѣла видѣть. Проѣздъ артиста скрипача К—скаго черезъ Житоміръ и Ровно въ Варшаву, гдѣ готовилось открытіе основанной имъ консерваторіи, собралъ массу магнатовъ въ Ровно. Они жили въ Ровно около мѣсяца и ежедневно собирались по вечерамъ у князя Любомирскаго. Въ зданіи гимназіи К—скій далъ три концерта въ теченіе двухъ недѣль. Четвертый концертъ онъ игралъ безплатно для учителей и учениковъ гимназіи. На этомъ концертѣ присутствовало всего десятка два магнатовъ, исключительно меломановъ. Съѣздъ пановъ заключился въ гимназическомъ залѣ лоттереею-алегри и баломъ. Ничтожныя выигранныя вещицы опять разыгрывались аукціоннымъ способомъ и за каждую платили бѣшенныя деньги. Аукціонъ производили дамы и дѣвицы. Для какой цѣли собирались деньги—не извѣстно. Т—новъ изъ кожи лѣзъ, что бы продать болѣе билетовъ. Вскорѣ стали ходить слухи, будто то въ томъ, то въ другомъ мѣстѣ крестьяне оказываютъ неповиновеніе панамъ; это были простыя недоразумѣнія, съ умысломъ вызываемыя панами. Недоразумѣнія эти, при содѣйствіи полиціи,

[1]) Очевидно, записки писаны съ перерывами, т. к. въ началѣ онѣ ведутся отъ лица автора, а теперь онъ говоритъ о себѣ въ третьемъ лицѣ—Ред.

принимали въ глазахъ правительства видъ бунтовъ. Посылались военныя команды и производились безпощадныя сѣченія. Панамъ этого только и нужно было. Они разсчитывали, что обижаемые, истязуемые крестьяне возненавидятъ мучителей своихъ—правительство, и что ихъ легко будетъ склонить къ поддержкѣ повстанія. Выдумали въ то же время какую то хлопоманію. Молодежь стала наряжаться въ мужицкіе костюмы. Дѣлали это большею частью поляки, особенно кіевскіе студенты, но въ то же время распускали слухи, что хлопоманы—малороссы, и ихъ агенты мутятъ противъ пановъ крестьянъ, мечтая о самостоятельномъ существованіи Малороссіи. Пани и паненки въ то же время пытались по деревнямъ и селеньямъ основывать школки, въ которыхъ сами обучали дѣтей на польскомъ языкѣ. Въ школу обязательно должны были дворовые люди посылать своихъ дѣтей. Другія же дѣти привлекались подарками. Евреи по накладнымъ на соду и другія аптечныя принадлежности провозили въ указанныя мѣста партіи боеваго пороха. Они же провозили свинецъ, оружіе и даже небольшія пушки. Съ давнихъ временъ, еще отъ перваго возстанія, у пановъ осталось много чугунныхъ пушекъ и маленькихъ мѣдныхъ орудій, изъ которыхъ стрѣляли во время пиршествъ, такъ называемыхъ *виватовыхъ*. Все это разыскивалось, выкапывалось иногда изъ земли, гдѣ лежало съ 1731 года, и приводилось въ порядокъ. Все это дѣлалось таинственно по ночамъ, чтобы не подсмотрѣли хлопы. Кто готовился къ дѣятельному участію въ возстаніи, тотъ переводилъ законнымъ порядкомъ свое недвижимое имѣніе на свою жену или родственниковъ. Словомъ, вездѣ работа, вездѣ были приготовленія къ возстанію. Между поляками учителями выдающуюся роль игралъ учитель польскаго языка и литературы, человѣкъ молодой и энергичный, но не возбуждавшій никакой симпатіи. Онъ дѣйствовалъ весьма рѣзко, уповая на князя Любомирскаго и его делегата въ гимназіи, директора Т—ова. Съ разрѣшенія послѣдняго онъ учредилъ въ своей квартирѣ литературные вечера для учениковъ трехъ высшихъ классовъ. Вечера эти происходили ежедневно и обратились въ настоящую политическую сходку. Вечерами руководилъ этотъ учитель, а также капеланъ Т. Другіе поляки учителя на нихъ не являлись. На вечерахъ прочитыва-

лись запрещенныя сочиненія, пѣлись патріотическіе гимны, сообщались политическія новости, и наконецъ изъ болѣе энергическихъ и толковыхъ учениковъ учреждено было общество для производства манифестацій, битья оконъ, срыванья русскихъ гербовъ и проч., а также установлена была своя полиція, долженствовавшая слѣдить за всѣми учениками и учителями гимназіи и распоряжаться во время манифестацій. Другая часть этой полиціи должна была слѣдить за всѣми городскими жителями и собирать въ польскихъ домахъ и костелѣ офіару на возстаніе. Наконецъ разнесся слухъ, что на одномъ изъ вечеровъ всѣ эти лица принесли присягу: клялись крестомъ и мечемъ положить всѣ свои способности и жизнь на алтарь отечества и до тѣхъ поръ не переставать, пока оно не освободится отъ власти москаля; клялись слѣпо повиноваться велѣніямъ своего ржонда и, если нужно будетъ, отравлять и убивать всякаго, кого ржондъ приговоритъ къ смерти. Въ случаѣ неповиновенія или измѣны, они обрекали себя отлученію отъ католической церкви, вѣчному проклятію и смерти, достойной измѣнника. Присягу каждый приносилъ съ веревкою на шеѣ, въ знакъ того, что нарушеніемъ присяги обрекаетъ себя на смерть черезъ веревку. Такіе же вечера, только не литературные, а карточные, почти ежедневно имѣли мѣсто въ одномъ частномъ домѣ. Туда собирались поляки чиновники и вся окрестная польская шляхта. Рядомъ съ зажиточнымъ помѣщикомъ, на этихъ вечерахъ являлись: управляющіе, экономы, кассиры и всякіе помѣщичьи писаря и даже охотники. Такимъ образомъ имѣлось въ Ровно три политическихъ центра. Одинъ для высшей знати; другой для чиновниковъ и шляхты; третій у учителя польскаго языка и литературы—для юношества. Дамы группировались отдѣльно; онѣ приготовляли корпію, знамена и расшивали украшеніями конфедератки для вождей банды. Собирались пожертвованія по домамъ подъ разными предлогами, а въ праздники въ костелахъ. Жертвовались не только деньги, но и дорогія женскія украшенія. Кромѣ того, дамы по частямъ взялись вышить для гимнизической каплицы огромнѣйшій коверъ, который долженъ былъ украсить каплицу въ день первой побѣды надъ москалемъ. Съ русскими поляки продол-

жали любезничать, но устранялись отъ посѣщенія русскихъ и у себя ихъ не принимали.

Для сформированія нерусскаго большинства въ педагогическомъ совѣтѣ начались частыя перемѣщенія учителей. Одни выбывали, другіе прибывали и затѣмъ опять выбывали. Вмѣсто нѣмцевъ, правда не въ мѣру пившихъ, плохо обучавшихъ и служившихъ потѣхою для учениковъ, стали появляться нѣмцы трезвые, строгіе къ ученикамъ, не позволявшіе съ собою шутокъ; но успѣхи у нихъ тоже оказывались посредственными. Первые были совершенно преданы правительству, хотя преданность эта проявлялась иногда безтактно; дружелюбно относились къ русскимъ и ко всему русскому. Послѣдніе считали себя наемниками русскаго правительства, считали его неразумнымъ, деспотическимъ; презирали русскихъ и все русское считали варварскимъ; сочувствовали стремленію поляковъ сбросить съ себя московскія оковы.

Одинъ изъ этихъ прежнихъ нѣмцевъ, Б-нъ, кутилъ иногда продолжительное время, кутилъ до чертиковъ, валялся пьянымъ по рвамъ, или въ одномъ бѣльѣ, въ трескучій морозъ и вьюгу пробирался домой изъ загородныхъ шинковъ. Это былъ добрякъ и хорошій товарищъ. Ученики его любили, но позволяли себѣ съ нимъ всевозможныя штуки, и каждый день измышляли надъ нимъ какія-нибудь пакости. Онъ, будучи надзирателемъ въ общихъ квартирахъ, требовалъ, чтобы ученики, по первому колокольчику въ 5 часовъ утра, поднимались съ постелей, для чего въ общей спальнѣ противъ своей кровати приказалъ поставить шкафъ съ часами. Часы отличались громкимъ боемъ. Бой часовъ поднималъ его, а онъ учениковъ. Ученики подобрали ключъ къ шкафу, и одинъ изъ нихъ прятался въ шкафъ до прихода Б—на въ спальню. Едва Б—нъ засыпалъ и начиналъ храпѣть, какъ часы били пять. Онъ вскакивалъ, поднималъ учениковъ; но затѣмъ, удостовѣрившись, что стрѣлка показываетъ не пять, а одиннадцать, опять ложился, а ученики увѣряли его, что ему приснился бой пяти часовъ. Каждую ночь эта шутка

повторялась по нѣсколько разъ. Б-нъ, при своей полнотѣ, просто изнемогалъ отъ частаго перерыва сна. Шалуны торжествовали, увѣряя его, что онъ своими галюцинаціями ихъ замучитъ. Наконецъ достигли того, что Б—нъ и тогда не поднимался съ кровати, когда дѣйствительно било пять часовъ, и ждалъ прихода лакея съ колокольчикомъ. Иногда тушили ночникъ въ общей спальнѣ и въ корридорѣ, протягивали между кроватями веревки, а въ противоположномъ отъ кровати Б—на концѣ раздавался раздирающій душу крикъ: „Господинъ учитель, спасите! меня душатъ!“ Съ просонокъ Б—нъ бросался на крикъ и падалъ, дѣлалъ скачокъ далѣе—и опять падалъ. Между тѣмъ въ спальнѣ поднимался страшный шумъ отъ летавшихъ во всѣ стороны подушекъ. Наконецъ подушками заваливали Б—на. Онъ самъ начиналъ звать на помощь и требовать огня. Пока лакей, бывшій въ заговорѣ съ учениками, являлся съ огнемъ, ученики успѣвали разобрать подушки, улечься и притворялись спящими. Б-нъ начиналъ браниться, обзывая учениковъ мятежниками, повстанцами. Они протестовали, что онъ не даетъ имъ спать, мучимый галюцинаціями. Послѣ ужина и молитвы въ первомъ этажѣ, ученики отправлялись во второй этажъ въ спальню, а Б—нъ заходилъ въ надзирательскую комнату на первомъ этажѣ—покурить. Однажды онъ слышитъ на второмъ этажѣ раздирающіе душу крики: пожаръ! горимъ! кто въ Бога вѣруетъ, спасайте! Не помня себя, Б—нъ взбѣгаетъ на второй этажъ и видитъ, что входная въ спальню дверь вся въ огнѣ, а въ спальнѣ крики о спасеніи. Б—нъ впередъ и со всего бѣгу, зацѣпившись за протянутую поперекъ корридора веревку, растягивается во всю длину, поднимается, скачокъ впередъ—и опять растягивается. И такъ почти черезъ весь корридоръ. Вдругъ пламя исчезаетъ моментально, затихаютъ вопли и настаетъ темнота и тишина. На крикъ Б. являются лакеи, приносятъ огонь. Дверь оказывается въ порядкѣ, всѣ ученики спятъ на своихъ кроватяхъ, только пахнетъ немного дымомъ. Ученики старались увѣрить его, что это одна изъ его галюцинацій, а дымъ былъ слышенъ отъ потухшихъ ночниковъ. Однажды Б. въ праздничный день повелъ учениковъ на прогулку за городъ. Вечеръ

случился великолѣпный и ученики упрашивали Б. подолѣе погулять. Когда совсѣмъ стемнѣло, все отдѣленіе прошло прямо съ прогулки въ столовую, а затѣмъ, помолившись, въ спальню. Б. былъ при ученикахъ безотлучно. Когда всѣ улеглись, онъ опустился внизъ въ свою комнату покурить. Комнату онъ запиралъ на ключъ, который хранился у него въ карманѣ. Вынувъ теперь ключъ изъ кармана и отперши комнату, онъ смѣло шагнулъ въ темнотѣ впередъ, но вдругъ, о ужасъ! онъ наткнулся на какую-то живую, мохнатую громадину, лизнувшую его по лицу. Б—нъ заревѣлъ не своимъ голосомъ и съ перепугу почти безъ чувствъ упалъ на землю. Оказалось, что во время прогулки, когда стемнѣло, нѣсколько шалуновъ отлучились въ общую квартиру, поймали издыхавшую старую, престарую клячу Черчицкого, которая и день, и ночь, зимою и лѣтомъ, сама промышляла себѣ кормъ на берегу пруда, и, при помощи подобраннаго ключа отперши дверь, помѣстили ее въ надзирательскую комнату, а сами благополучно присоединились къ гуляющимъ. Ученики старались увѣрить Б—на, что это чертъ обратился въ клячу Черчицкаго, такъ какъ живая кляча никакъ не могла пробраться въ запертую комнату; жаль, что найденную клячу выпустили, нужно было окропить ее святою водою, и нѣтъ сомнѣнія, что она обратилась бы въ кусочекъ смолы. Послѣ этой исторіи Б—нъ отказался отъ надзирательства.

Изъ вновь присланныхъ нѣмцевъ отмѣчу раньше всего Д—са; его считали всѣ страннымъ, полуумнымъ, почти сумасшедшимъ; но въ сущности, это былъ высокообразованный человѣкъ и истинный христіанинъ. Онъ служилъ въ Кіевѣ въ подольскомъ училищѣ. Во время холеры какой-то мальчикъ мгновенно заболѣлъ на улицѣ. Всѣ отъ него бѣжали. Проходившій Д—съ, взваливъ его себѣ на плечи, принесъ къ себѣ на квартиру и оказалъ ему первое медицинское пособіе. Затѣмъ привелъ доктора, день и ночь возился съ больнымъ, растирая его и поя лекарствами, и такимъ образомъ спасъ его отъ смерти, рискуя заразиться отъ него. Мальчикъ былъ изъ бѣднаго класса. Д—съ не только на свой счетъ его лѣчилъ, но, когда мальчикъ выздоровѣлъ, одѣлъ его въ новое бѣлье и платье и далъ ему на улучшеніе пищи

послѣднихъ нѣсколько рублей. Въ Ровно жила старушка Адлеръ, швейцарка. Она была прежде гувернанткой, но отъ старости потеряла зрѣніе; жила въ какой-то коморкѣ, питаясь подаяніемъ. Д-съ, разыскавъ ее, кормилъ и одѣвалъ на свой счетъ и, когда она заболѣла тифомъ, по цѣлымъ ночамъ ее караулилъ. Послѣ смерти похоронилъ ее на свой счетъ. Онъ самъ лѣто и зиму ходилъ въ одной и той же одеждѣ, потертомъ вицмундирѣ и такомъ же пальтишкѣ. Питался, чѣмъ Богъ посылалъ: иногда хлѣбъ, соль и рѣдька составляли всю его пищу. Только изрѣдка онъ разрѣшалъ себѣ лакомиться кофе и тарелкой супу. Желая небольшими средствами своими помогать бѣднымъ, онъ поселился въ сарайчикѣ, въ холодной безъ печки коморкѣ, у бѣдной вдовы Лавровской, содержавшей на квартирѣ учениковъ. Желая къ ней привлечь поболѣе учениковъ на квартиру, онъ безвозмездно занимался съ ними репетиціями и сверхъ того училъ малолѣтнихъ дѣтей вдовы. Вдова эта была полька. Но для Д—са всѣ люди были равны. Да, это былъ истинный христіанинъ, какого мнѣ не случалось болѣе встрѣчать во всю мою жизнь ни между мірянами, ни между духовенствомъ.

Другой нѣмецъ Р—нъ зналъ отлично древніе языки и былъ суровъ и строгъ съ учениками. Они его сильно боялись. Отличительной чертой его характера было то, что онъ не вѣрилъ ни во что сверхъ-естественное; но нашлась бѣдная вдова полька, крѣпкона нѣкоторое время поколебавшая его невѣріе. Онъ поселился въ двухъ большихъ комнатахъ на второмъ этажѣ стараго палаца. Ходъ былъ изъ боковаго крытаго подъѣзда по витой лѣстницѣ въ его переднюю. Въ комнаткѣ около лѣстницы внизу жила бѣдная молодая вдова полька, которая пекла вкусные пироги съ мясомъ, продавала ихъ гимназистамъ и на барыши содержала и себя, и дѣтей. Квартиру ей дали даромъ. Изъ ея кухни часто угаръ поднимался по лѣстницѣ вверхъ. Р—ну это не понравилось, и онъ приказалъ вдовѣ убираться съ дѣтьми вонъ. У Р—на служилъ лакеемъ мальчуганъ католикъ лѣтъ 15-ти. Онъ у себя надъ кроватью навѣшалъ въ передней массу изображеній святыхъ. Барину это не понравилось, и онъ приказалъ мальчику убрать картины вонъ, а когда послѣдній не исполнилъ его приказанія,

изорвалъ въ кусочки всѣ эти изображенія. Мальчикъ пожаловался вдовѣ. Ловкая женщина задумала наказать Р—на и за себя, и за его невѣріе. У учителя рисованія, жившаго въ томъ же палацѣ на первомъ этажѣ, былъ ученикъ лѣтъ 20-ти, который приволакивался за молодою вдовою. Они-то втроемъ—вдова, мальчикъ Р—на и ученикъ—сыграли злую шутку съ Р—номъ, чуть не вогнавшую его въ болѣзнь и сдѣлавшую его предметомъ насмѣшекъ, такъ что онъ поторопился поскорѣе убраться изъ Ровно. Однажды Р—нъ, ночью возвратившись домой и взобравшись по винтовой лѣстницѣ на второй этажъ, стучитъ въ дверь передней и зоветъ мальчика. Послѣдній окликаетъ его и отвѣчаетъ, что баринъ давно воротился домой, и онъ никого болѣе ночью онъ не впуститъ въ квартиру. Р—нъ бѣсится, кричитъ, стучитъ, грозитъ, что завтра же прогонитъ мальчика и изобьетъ его до смерти. Мальчикъ отвѣчаетъ, что онъ пойдетъ и разбудитъ барина: „пусть баринъ дѣлаетъ, какъ знаетъ“, прибавляетъ онъ. Р—нъ слышитъ, что мальчикъ съ огнемъ отправляется въ его комнаты, слышитъ, какъ онъ торопливо возвращается назадъ, торопливо отворяетъ двери и съ крикомъ: ахъ баринъ, несчастье! падаетъ на землю въ обморокѣ. Р—нъ не понимаетъ въ чемъ дѣло, вспрыскиваетъ мальчика водой, толкаетъ, уговариваетъ не пугаться, всмотрѣться, что это онъ, его баринъ. Мальчикъ приходитъ въ себя и, боязливо озираясь, разсказываетъ, что часа два назадъ онъ услышалъ стукъ въ дверь и затѣмъ голосъ барина—отворяй! это я! Зажегши свѣчу, онъ отперъ. Баринъ вошелъ, выпилъ стаканъ воды, переодѣлся въ халатъ, съ полчаса гулялъ по комнатамъ, затѣмъ приказалъ снять съ себя сапоги, легъ въ кровать, закурилъ сигару и отослалъ его спать. А теперь, вы, баринъ, не выходивши, опять стучитесь и приказываете отворить! я побѣжалъ въ спальню, въ полной увѣренности, что Вы спите, съ цѣлью разбудить Васъ и доложить, что кто-то ломится въ дверь и вашимъ голосомъ, называя себя бариномъ, приказываетъ отворить. Я васъ въ кровати не нашелъ. Постель была смята, книга раскрыта, свѣча подлѣ кровати. Я страшно испугался, я не могъ понять, какъ вы вышли, и кто за вами заперъ дверь. Р—нъ выбранилъ мальчика за глупый

его разсказъ, сказавъ, что ему приспилось возвращеніе барина, и что онъ дуракъ самъ измялъ ему кровать и возился съ его книгою. Ночь прошла благополучно. Но разсказъ мальчика произвелъ на Р—на впечатлѣніе, хотя онъ не вѣрилъ въ существованіе какихъ нибудь духовъ. Р—нъ болѣе для успокоенія мальчика рѣшился слѣдующій вечеръ провести дома. Часовъ въ 12 ночи, когда Р—нъ готовился уже тушить свѣчу, вскакиваетъ въ спальную блѣдный, испуганный мальчикъ съ крикомъ: ой, баринъ! вы опять ломитесь въ двери и приказываете отворить. Р—нъ вскакиваетъ, бѣжитъ въ переднюю и слышитъ грубый, мужской голосъ, съ нѣмецкимъ выговоромъ, повторяющій слово въ слово приказанія, какими Р—нъ имѣлъ обыкновеніе будить и поднимать на ноги мальчика. „Что же ты, болванъ, не узналъ меня, своего барина!“ кричитъ голосъ: „отворяй сей же часъ, а то завтра я тебя выгоню вонъ и исколочу на мясо!“ Р—нъ крикнулъ, что онъ самъ дома, и никого назнакомаго въ квартиру свою ночью не пуститъ, а если силою будетъ ломаться, то онъ, Р—нъ выстрѣлитъ въ него изъ пистолета. А пистолета то у Р—на не было никакого. Послѣ этой угрозы все затихло, и онъ слышалъ, какъ очень тяжелые шаги опускались внизъ по лѣстницѣ. Р—нъ не ложился всю ночь, боясь какого нибудь нападенія и полагая, что это непремѣнно воръ. На другой же день у полковаго командира Р—нъ занялъ пистолетъ. Когда на слѣдующую ночь повторилась та же исторія, Р—нъ приказалъ мальчику быстро отворить дверь и освѣтить выходъ и лѣстницу. Выскочивъ самъ съ пистолетомъ, но никого не замѣчая на лѣстницѣ, которая оканчивалась въ открытомъ люкѣ чердака, для острастки выстрѣлилъ на воздухъ. Все затихло. Р—нъ, въ полной увѣренности, что послѣ выстрѣла его уже никто не осмѣлится безпокоить, раздѣлся, легъ въ кровать и принялся читать книгу. Вдругъ онъ слышитъ тихіе, тяжелые шаги въ своей спальнѣ, медленно приближающіеся къ его кровати. Думая, что это мальчикъ бродитъ въ гостинной, онъ быстро соскочилъ съ кровати, бросился въ гостинную—никого нѣтъ; бросился въ переднюю—мальчикъ храпитъ на постели. У Р—на прошла дрожь за спиною и волоса стали ды-

бомъ. Ему сдѣлалось страшно; но онъ стыдился разбудить мальчика. Онъ опять легъ, положилъ около себя пистолетъ; закурилъ сигару и, путаясь въ объясненіи естественнымъ путемъ этого явленія, сталъ невольно чутко прислушиваться. Опять кто-то заходилъ по комнатѣ, то приближаясь къ его кровати, то уходя отъ нея въ уголъ. Такъ продолжалось около получаса. Вдругъ, стѣнные часы стали звонить двѣнадцать. Р—нъ лежалъ ни живъ ни мертвъ. Часы затихли и вдругъ среди спальной комнаты раздался выстрѣлъ. Не помня себя отъ испуга, Р—нъ выскочилъ въ переднюю, разбудилъ своего мальчика и приказалъ ему лечь въ спальнѣ. Самъ одѣлся и съ пистолетомъ въ рукахъ шагалъ по комнатѣ, ломая голову надъ этимъ сверхъестественнымъ явленіемъ. Такъ какъ лѣстница его была съ задней стороны палаца и съ этой стороны никто не жилъ, то, желая имѣть къ себѣ поближе живыхъ людей, Р—нъ на другой день объявилъ вдовѣ, что его намѣренія теперь измѣнились, и она можетъ оставаться въ своей квартирѣ сколько угодно. Р—нъ начиналъ невольно вѣрить въ существованіе духовъ; но ему стыдно было въ этомъ сознаться передъ другими. Слѣдующія ночи сопровождались такими же явленіями. Мальчикъ спалъ въ спальнѣ, и, когда раздавался выстрѣлъ, вскакивалъ, спрашивая барина, въ кого онъ выстрѣлилъ. Р—нъ отвѣчалъ, что онъ пробуетъ пистолетъ. Безсонныя ночи, угнетенное состояніе духа, борьба съ самимъ собою сдѣлали то, что Р—нъ обратился въ скелетъ; глаза налились кровью; его постоянно била лихорадка. Ему казалось, что онъ сходитъ съ ума. Не можетъ быть, что бы все это было въ дѣйствительности. Это во мнѣ происходитъ что то нехорошее. Это не болѣе, какъ галюцинаціи больнаго организма. И онъ дѣйствительно былъ боленъ и могъ бы серіозно заболѣть; но не выдержалъ къ своему счастію и во всемъ признался сослуживцамъ. На слѣдующую ночь три сослуживца вызвались ночевать у него. Они удостовѣрились въ дѣйствительности всего разсказаннаго Р—нымъ: были слышны и шаги, раздался и выстрѣлъ. Р—нъ разсказалъ все это полковнику Лобанову-Ростовскому. Послѣдній вызвался самъ ночевать у него. При немъ повторилось все тоже. Лобановъ не

повѣрилъ участію въ этихъ продѣлкахъ духовъ и на слѣдующую ночь привелъ съ собою 24 человѣка солдатъ, поставилъ караулъ на лѣстницѣ, въ большихъ парадныхъ сѣняхъ, на чердакѣ и наконецъ вокругъ палаца. Ночь прошла спокойно. Въ теченіе нѣсколькихъ ночей караулили солдаты, и никакихъ явленій не было. Послѣ снятія карауловъ Р—на уже болѣе не безпокоили духи; но ему сдѣлалась противною квартира и самый городъ Ровно. Онъ выхлопоталъ себѣ переводъ въ Кіевъ. Послѣ отъѣзда Р — на, вдова созналась, что все это были ея продѣлки совмѣстно съ ученикомъ. Залъ, въ которомъ временно помѣщался католическій костелъ, прилегалъ къ спальнѣ Р — на Вдова мыла костельное бѣлье и потому у нея хранились ключи отъ зала. Ночью ученикъ пробирался въ залъ и до 12 часовъ мѣрно тамъ подъ стѣною спальни Р—на расхаживалъ, а въ двѣнадцать часовъ производилъ выстрѣлъ изъ ружья въ дымовой каналъ, проходившій въ той стѣнѣ. Эхо переносило эти звуки въ комнату Р—на. То же эхо пугало и на лѣстницѣ. Тутъ сама вдова на первой ступенькѣ внизу лѣстницы стучала ногами на мѣстѣ, а эхо эти звуки переносило такъ, что казалось—кто то шагаетъ по лѣстницѣ. Въ то же время ученикъ изъ люка, бывшаго въ его комнатѣ, пробирался чердакомъ къ дверямъ Р—на, стучалъ тамъ и, подражая его голосу, приказывалъ открыть дверь.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

КЪ ИСТОРІИ УЧЕНІЙ О БЫТѢ СЛАВЯНЪ.[1)]

(Критическая оцѣнка книги проф. Собѣстіанскаго „Ученія о національныхъ особенностяхъ характера и юридическаго быта древнихъ славянъ. Историко-критическое изслѣдованіе. Харьковъ. 1892 года, 336, XII[а]).

III ГЛАВА.

И такъ, книга пр. Собѣстіанскаго не представляетъ изъ себя критическаго изслѣдованія. Но, б. м., она имѣетъ историко-литературное значеніе?

Авторъ, повидимому, обратилъ на эту сторону дѣла особенное вниманіе. Онъ подробнѣйшимъ образомъ излагаетъ ученія, по большей части собственными словами писателей, въ текстѣ своей книги; мало того, не ограничиваясь этимъ, онъ приводитъ еще множество дополнительныхъ выписокъ въ примѣчаніяхъ, которымъ отведено 128 стр. (на 208 стр. текста). Вообще можно сказать, что книга производитъ впечатлѣніе какой-то хрестоматіи: такъ много въ ней выписокъ изъ источниковъ и пособій; на долю самостоятельныхъ разъясненій приходится всего нѣсколько десятковъ страницъ (каковы эти страницы, мы видѣли выше). Такимъ образомъ, у пр. Собѣстіанскаго была полная возможность дать вѣрное и отчетливое представленіе объ излагаемыхъ имъ ученіяхъ; онъ въ этомъ отношеніи былъ обставленъ очень хорошо.

Но всматриваясь внимательнѣе въ его изложеніе, сравнивая его съ подлинными ученіями, мы открываемъ въ немъ два существенныхъ недостатка—отсутствіе исторической перспективы и точности въ передачѣ чужихъ воззрѣній.

[1)] См. „Кіевск. Старина“ 1892 г., № 10.

Отсутствіе исторической перспективы выражается въ томъ, что отводится слишкомъ много мѣста неважному, даже ненужному, и кратко излагается существенно необходимое. Примѣровъ можно было бы привести много, но мы остановимся только на нѣкоторыхъ. Зачѣмъ пр. Собѣстіанскому понадобилось излагать болѣе чѣмъ на 11 страницахъ ничтожную публицистическую статейку какого-то Лебра, напечатанную въ Revue de deux mondes и представляющую компиляцію изъ лекцій? Ни малѣйшаго *научнаго* значенія она не имѣетъ. Пр. Собѣстіанскій говоритъ, что она «является лучшимъ выразителемъ впечатлѣнія, произведеннаго Мицкевичемъ на европейскую публику». Прекрасно; но къ чему же было такъ подробно излагать ея содержаніе, если она, по собственному сознанію автора, представляетъ только резюме лекцій Мицкевича? ужъ лучше было тогда остановиться подробнѣе на самомъ оригиналѣ, т е. лекціяхъ Мицкевича. Читатель только выигралъ бы, если бы ему не пришлось читать компиляціи Лебра; а пр. Собѣстіанскій могъ бы сдѣлать интересующій его выводъ о вліяніи идей Лелевеля (при посредствѣ Мицкевича), только указавъ на существованіе статьи Лебра въ «R. d. d. m.» или въ крайнемъ случаѣ посвятивъ ей нѣсколько строчекъ. Мы не знаемъ также, почему пр. Собѣстіанскій приводитъ такъ много выписокъ изъ всѣмъ прекрасно извѣстной «Исторіи Государства Россійскаго» Карамзина, изъ статьи Ѳ. И. Леонтовича о задругѣ, на которой онъ потомъ *вовсе* не останавливается, изъ статьи П. Кирѣевскаго, который проводитъ идею *родоваго*, а не общиннаго быта; напрасно также пр. Собѣстіанскій дѣлалъ такія обширныя извлеченія изъ Мацѣевскаго (237 — 246 стр.), Гильфердинга, Лешкова, Бестужева—Рюмина, Первольфа, Ѳ. Миллера, если потомъ онъ не сдѣлалъ никакой оцѣнки ихъ содержанія; читатель незнаетъ, какъ относиться ему къ этимъ теоріямъ; пр. Собѣстіанскій даетъ то, что не нужно (изложеніе всякому хорошо извѣстныхъ взглядовъ) и не даетъ того, что необходимо (оцѣнки ихъ).

Приводя обширныя выписки изъ общеизвѣстныхъ сочиненій, проф. Собѣстіанскій останавливается слишкомъ мало на томъ, что заслуживаетъ особеннаго вниманія. Отводя 11 страницъ ничтожной статейкѣ Лебра, онъ посвящаетъ всего только 4 страницы замѣчательной книгѣ Антона, которая послужила исходнымъ пунктомъ для всѣхъ послѣдующихъ трудовъ и къ тому же представляетъ большую библіографическую рѣдкость (ея нѣтъ даже въ нашей университетской библіотекѣ). Изложеніе ученія Антона на столько конспективно

и сжато, что читатель не можетъ составить себя яснаго представленія о его взглядахъ на самыя важныя стороны изучаемаго явленія. Проф. Собѣстіанскій, очевидно, заботился только объ извлеченіи изъ него данныхъ, служащихъ подтвержденіемъ его излюбленной мысли о воинственности и жестокости древнихъ славянъ.

Также точно поступаетъ проф. Собѣстіанскій и со многими другими писателями: онъ подходитъ къ нимъ съ предвзятою мыслью, а беретъ у нихъ только то, что служитъ подтвержденіемъ этой мысли, и опускаетъ то, что ей противорѣчитъ. Въ результатѣ является односторонность и невѣрное освѣщеніе самихъ ученій. Это—крупный недостатокъ; онъ въ корнѣ подрываетъ историко-литературное значеніе книги проф. Собѣстіанскаго. Въ самомъ дѣлѣ: если у насъ нѣтъ увѣренности, что ученія излагаются правильно, объективно, тогда осторожный читатель, минуя книгу, обратится непосредственно къ самимъ ученіямъ.

Подъ вліяніемъ своего мнѣнія объ огромномъ значеніи Гердеровской характеристики славянства, проф. Собѣстіанскій раздѣлилъ всѣхъ славистовъ на двѣ категоріи—трезвыхъ и нетрезвыхъ. На самомъ дѣлѣ значеніе этой характеристики, какъ мы видѣли, вовсе не было столь значительно. Вмѣстѣ съ тѣмъ и дѣленіе славистовъ на трезвыхъ и нетрезвыхъ оказывается несостоятельнымъ. Къ первой категоріи проф. Собѣстіанскій относитъ Мавро Орбини, Нарушевича, Іордана, Антона, Ломоносова, Татищева, Болтина, Карамзина, а изъ новыхъ Д. И. Иловайскаго, И. П. Забѣлина, А. Н. Пыпина и М. С. Дринова; ко второй—всѣхъ остальныхъ. Несостоятельность этого дѣленія обнаруживается уже изъ того, что въ основу его положенъ только одинъ признакъ—воинственность древнихъ славянъ; кто стоялъ за воинственность—тотъ оказывается трезвымъ, кто—за кротость, тотъ не трезвымъ. Но проф. Собѣстіанскій забываетъ, что та обширная группа писателей, которыхъ онъ привлекаетъ къ ученой отвѣтственности, могла высказывать свое мнѣніе не подъ вліяніемъ Гердера, а опираясь на источники; разница же взглядовъ могла зависѣть отъ различія источниковъ, отъ неодинаковаго пониманія ихъ; кромѣ того, одни писатели говорили объ одномъ времени, другіе—о другомъ; одни объ однихъ славянахъ, другіе—о другихъ. Рѣдко кто изъ нихъ давалъ общую характеристику всего древняго славянства. По большей части они имѣли въ виду опредѣленныя событія, эпохи, племена и территоріи. Суровецкій, напр., имѣлъ въ виду гл. обр. поляковъ, Гильфердингъ, Котляревскій — Балтійскихъ славянъ

М. С. Дриновъ—южныхъ, Д. И. Илавайскій—русскихъ. Трезвыми писателями оказываются, по заявленію проф. Собѣстіанскаго, слависты XVII—XVIII вв. Проф. Собѣстіанскій не остановился передъ общеисторическими соображеніями о поступательномъ движеніи славянской исторіографіи вообще; вездѣ въ ней замѣчается прогрессъ, за исключеніемъ вопроса о характерѣ древнихъ славянъ: тутъ будто бы былъ регрессъ.

Разсмотримъ однако группу старыхъ славистовъ XVII—XVIII в., которыхъ проф. Собѣстіанскій выставляетъ намъ «трезвыми». Изъ нея прежде всего позволимъ себѣ удалить Болтина. Болтинъ очень почтенный, русскій историкъ или, правильнѣе говоря, критикъ; но какъ его проф. Собѣстіанскій помѣстилъ въ одну категорію съ Антономъ и другими изслѣдователями *древнеславянскаго* быта, мы рѣшительно не понимаемъ. Проф. Собѣстіанскій ссылается на его «Примѣчаніе на исторію др. и нын. Рос. Леклерка»; но тамъ ничего не говорится ни о характерѣ, ни о юридическомъ бытѣ древнихъ *славянъ*. Книга Болтина посвящена исключительно исторіи Россіи. Затѣмъ напрасно проф. Собѣстіанскій противополагаетъ Болтина націоналистамъ; онъ скорѣе былъ предтечею націоналистовъ, чѣмъ космополитовъ. Обратимся теперь къ сочиненію другого «трезваго» слависта Мавро Урбини и посмотримъ, чѣмъ онъ объясняетъ воинственность славянъ. Но прежде всего объяснимъ, о какихъ славянахъ говоритъ Мавро Орбини. О тѣхъ, кои «озлобляли оружіемъ своимъ мало не всѣ народы во вселеннѣй, разорили Персиду, владѣли Азіею и Африкою, бились съ Египтяны и съ великимъ Александромъ... владѣли Французскою, Англіей и уставили державство во Ішпаніи [1]). Отъ нихъ произошли вандалы, готы, авары, шведы, норманны, финны и т. п. [2]). Славяне произошли отъ сына Ноева Іафета, который, по завѣту отцовскому, былъ воиномъ и царемъ; вотъ почему славяне «изходящіе отъ Іафета всегда были во оружіи храбры и начальствовали надъ многими людьми [3]). Сначала они жили въ Скандинавіи, потомъ вышли оттуда и покорили всю Сарматію; это случилось въ 3790 году отъ сотворенія міра или за 1460 лѣтъ до Р. Х. [4]). Выйдя изъ Скандинавіи, они раздѣлились на отдѣльныя племена—Венетовъ, Антовъ, Шве-

---

[1]) Книга Історіографія. СПБ. 1722 г., введеніе стр. 3—4.

[2]) Іb 4.

[3]) Іb. стр. 3.

[4]) Іb. стр. 3.

довъ, Финновъ и пр. «Древній обычай у славянъ былъ, еже не жити никогда во единомъ мѣстѣ, но по пристойности попасовъ или яко непріятелей отбѣгаше или казалося имъ тѣсно, премѣняли жительство и преносили свои стяжанія живуще всегда подъ шатрами, воевателны, вольны и неукротимы. Во время цесаря Августа жили смѣшены между Ѳракіанъ, а потомъ овладѣли оружіемъ мало не всю Европу и великую часть Азіи и Аѳрики». Скифы и Сарматы также были славянами [1]), Таковы представленія Мавро Орбини о древнеславянской этнографіи, характерѣ и бытѣ. А проф. Собѣстіанскій называетъ его «трезвымъ» славистомъ!.. по истинѣ своеобразное представленіе о трезвости». Въ такомъ случаѣ къ трезвымъ славистамъ прошлаго вѣка проф. Собѣстіанскій только по забывчивости не отнесъ и нашего Тредьяковскаго, который также всюду видѣлъ славянъ и доказывалъ, что Сарматы=Царьметы (т. е. хорошіе стрѣлки изъ лука); Амазоны=Омужоны (т. е. мужественные), Британія=Броданія (отъ большихъ бородъ), Германія=Ярманія (отъ ярма), Италія=Удалія (удальцы отъ сѣвера), Европа=Яропа (яровой хлѣбъ). Ломоносовъ (въ своей «Древней Россійской исторіи». СПБ. 1766) также не распространяется о характерѣ и юридическомъ бытѣ древнихъ славянъ, но высказываетъ при этомъ слѣдующее положеніе, оставленное безъ вниманія проф. Собѣстіанскимъ: «разныя славянъ поколѣнія неоспоримо разнились обычаями, хотя во многомъ имѣли сходство. Кромѣ раздѣленія по мѣстамъ, разность времени отмѣняетъ поведенія» (стр. 17). Татищевъ точно также случайно попалъ въ число славистовъ. Такимъ образомъ, количество настоящихъ трезвыхъ славистовъ прежняго времени должно значительно сократиться; въ сущности останется одинъ Антонъ. Мало того — глубокой пропасти между воззрѣніями «трезвыхъ» и «нетрезвыхъ», которую предполагаетъ уже самое дѣленіе ихъ на эти двѣ категоріи, на самомъ дѣлѣ не оказывается. И тѣ, и другіе говорятъ часто объ однихъ и тѣхъ же чертахъ древнеславянскаго характера и быта. Отмѣтимъ различныя черты славянскаго характера, указываемыя историками-славистами. Антонъ отмѣчаетъ у древнихъ славянъ веселый нравъ, любовь къ музыкѣ, отсутствіе коварства и злости, гостепріимство, отсутствіе нищенства, воровства и человѣческихъ жертвоприношеній, стремленіе къ справедливости; «*плохо понятый характеръ ихъ*, говоритъ онъ, *былъ далеко не такъ суровъ, какъ о немъ протрубили*». Такъ говоритъ Антонъ, и проф. Собѣстіан-

[1]) Ib. стр. 4—5, 7.

скій не опровергаетъ этой характеристики ни въ цѣломъ, ни въ частяхъ; не говоритъ, чтобы Антонъ идеализировалъ славянскій характеръ; наоборотъ—обзываетъ его трезвымъ славистомъ и ставитъ въ примѣръ всѣмъ послѣдующимъ.

Суровецкій указываетъ на гуманность, гостепріимство и прямодушіе и считаетъ все это результатомъ ихъ любви къ земледѣлію. «Нетрезвый» славистъ говоритъ тоже самое, что и «трезвый». Основная мысль его реферата это та, что славяне *славный народъ;* и эту мысль проводили слависты XVII—XVIII вв.—Мавро Орбини, Ранчъ, даже Антонъ. Но прославились они, по мнѣнію Суровецкаго, не одними военными подвигами, а и мирной земледѣльческой культурой. «Когда этотъ народъ (Венеды), говоритъ Суровецкій, предававшійся раньше мирнымъ занятіямъ, выступилъ изъ своихъ первобытныхъ жилищъ съ оружіемъ въ рукахъ, то сразу измѣнилъ всю физіономію современной Европы и, двинувшись на восточную Имперію, потрясъ до основанія этотъ колоссъ». Спрашивается, можно ли утверждать, что Суровецкій представлялъ себѣ славянъ кроткими, какъ голуби, если о полякахъ, напримѣръ, онъ выражается такъ: «поляки съ самыхъ отдаленныхъ вѣковъ до нашихъ дней превосходили всѣ другіе соплеменные народы какъ многочисленностью, такъ и могуществомъ (благодаря своему мужеству).

Мысль о первоначальномъ мирномъ бытѣ славянъ, смѣнившемся военными подвигами, совершенно совпадаетъ не съ мнѣніемъ Гердера, а съ ученіемъ Антона, который высказалъ слѣдующее положеніе: «Нѣкогда покорные и заслоняемые другими народами, они вдругъ вырываются на свободу и предаютъ пламени большую часть Европы». (И. М. Собѣст., стр. 5—6). Въ другой своей статьѣ Суровецкій еще приписываетъ славянамъ стремленіе къ мирной колонизаціи, простоту нравовъ, склонность къ торговлѣ и отсутствіе человѣческихъ жертвоприношеній (въ послѣднемъ пунктѣ Суровецкій вполнѣ сходится съ Антономъ). И мирной колонизаціи, и земледѣльческаго быта профес. Собѣстіанскій не можетъ отвергнуть; о земледѣліи говорятъ не одни славянофилы, а почти всѣ изслѣдователи; о немъ свидѣтельствуютъ и письменные источники, и данныя языка, и данныя археологіи. Къ сожалѣнію, проф. Собѣстіанскій вовсе не пользуется ими, между тѣмъ какъ важное значеніе ихъ уже отмѣтилъ тотъ самый Суровецкій, статьи котораго проф. Собѣстіанскій неосновательно считаетъ априористическими. Требованія къ исторіи Суровецкій предъявляетъ очень

строгія и разумныя [1]). Прежде, говоритъ Суровецкій, довольствовались исключительно описаніемъ подвиговъ, истребительныхъ и жестокихъ войнъ; но въ мое время «всякій жаждетъ узнать людей, которые до него жили, хочетъ познакомиться съ обычаями, степенью просвѣщенія, развитія и нравственности своихъ предковъ, желаетъ изслѣдовать, откуда они черпали свои правила, вліявшія на улучшеніе ихъ общественности, какъ развивались у нихъ или падали полезныя науки» [2]). Это свидѣтельствуетъ о прогрессѣ въ области славянской исторіи сравнительно съ XVIII в. Суровецкій, такимъ образомъ, былъ истиннымъ предшественникомъ Шафарика и въ особенную заслугу ему нужно поставить то, что онъ впервые вѣрно оцѣнилъ значеніе мирной культурной дѣятельности славянскаго племени.

Въ такомъ же невѣрномъ освѣщеніи представилъ намъ проф. Собѣстіанскій и ученіе Шафарика. О значеніи «Слав. древн.» для *своего* времени мы говорили; теперь же только прибавимъ, что къ Суровецкому Шафарикъ относился критически; «любопытный читатель, говоритъ Шафарикъ, нѣкоторыя очень похожія на эти мысли, хоть разумѣется ни болѣе ни менѣе какъ догадки о прибытіи индоевропейскихъ племенъ въ Европу, въ которой еще прежде жили племена сѣвернаго поколѣнія, можетъ прочесть у Суровецкаго. (Sl. pocz. narslow., p. 177—195). Мы въ сочиненіи своемъ не смѣемъ отваживаться на эти и подобныя имъ возможности и вѣроятности» [3]). Намъ нужно также остановиться на *мнимыхъ* противорѣчіяхъ Шафарика. «Славянскія древности», говоритъ проф. Собѣстіанскій, представляютъ собой довольно рѣдкій образчикъ сочиненія, въ которомъ по однимъ и тѣмъ же вопросамъ высказываются по два противоположныхъ и взаимно другъ друга исключающихъ взгляда. Странный пріемъ этотъ особен-

---

[1]) Суровецкій основываетъ свои сужденія на источникахъ; такъ онъ поступаетъ, напримѣръ, въ вопросѣ о склонности славянъ къ земледѣлію (Изслѣд. нач. Нар. Слов., стр. 25); на основаніи извѣстія Тацита утверждаетъ, что у нѣкоторыхъ Германскихъ племенъ земледѣліемъ занимались женщины, старики, вообще неспособные къ труду (стр. 44). Даже въ пользу своего мнѣнія (несостоятельнаго) о неспособности къ войнѣ по причинѣ плохаго оружія приводитъ цитату изъ Прокопія (стран. 70).

[2]) Уже А. А. Котляревскій отмѣтилъ у Суровецкаго это желаніе оживить бытовыми подробностями, дополнить исторію славянъ новыми источниками, данными быта, преданій, религіи и вещественныхъ памятниковъ (Соч. А. А. Котляревскаго, изд. Ак. Н., т. 2-й, 1889, стр. 444).

[3]) Слав. древн. М. 1837, т. 1-й, кн. 3-я, стр. 265, прим. 1-е.

но рѣзко бросается въ глаза тамъ, гдѣ дѣло идетъ о характерныхъ чертахъ древняго славянства» (стр. 46). Затѣмъ идутъ примѣры. Послѣдуемъ за проф. Собѣстіанскимъ. Два взаимно исключающихъ другъ друга взгляда проф. Собѣстіанскій видитъ въ § 6 и § 23; въ 6 § указывается на поразительное сходство славянскаго быта съ бытомъ другихъ индоевропейскихъ народовъ. «Если мы теперь, говоритъ проф. Собѣстіанскій, отъ § 6 перейдемъ къ § 23, то здѣсь встрѣтимся съ мнѣніемъ прямо противоположнаго характера съ только что приведеннымъ и которое ставитъ читателя втупикъ.» Исторія и древности наши, говоритъ въ § 23 Шафарикъ, значительно отличаются отъ исторіи и древностей прочихъ европейскихъ народовъ, имено—ѳракійцевъ, грековъ, римлянъ, кельтовъ и германцевъ» (стр. 47).

На самомъ дѣлѣ противорѣчія здѣсь нѣтъ никакого: въ одномъ случаѣ (въ § 6) Шафарикъ указываетъ на принадлежность славянъ къ индоевропейской группѣ народовъ и, какъ на результатъ ея, на сходство ихъ быта съ бытомъ другихъ индоевропейцевъ; въ другомъ, наоборотъ, онъ пытается отмѣтить характерныя особенности быта однихъ славянъ. Тутъ нѣтъ ни малѣйшаго противорѣчія, ибо рядомъ со сходными чертами, какъ послѣдствіемъ общности происхожденія, существовали и несходныя. Шафарикъ стоитъ тутъ на вполнѣ научной почвѣ и его не понялъ только проф. Собѣстіанскій. Къ этому мы должны прибавить еще одну подробность, являющуюся типическою особенностью научнаго метода проф. Собѣстіанскаго: для того, чтобы подчеркнуть читателю это (мнимое) противорѣчіе у Шафарика, онъ пропускаетъ тѣ строчки, которыя разъясняютъ мысль автора и устраняютъ самый вопросъ о противорѣчіи. Мы возстановимъ эти пропущенныя проф. Собѣстіанскимъ мѣста у Шафарика; замѣтимъ при этомъ, что они находятся рядомъ съ выдержками проф. Собѣстіанскаго; пропущены нечаянно они быть не могли.

Послѣ первой своей фразы проф. Собѣстіанскій пропускаетъ слѣдующее мѣсто: «и въ этомъ отношеніи славяне многимъ ближе къ народамъ европейскимъ, нежели къ азіатскимъ того же племени, а съ этими послѣдними несравненно въ большемъ сродствѣ, чѣмъ съ народами сѣвернаго поколѣнія, хотя въ позднѣйшее время съ нѣкоторыми изъ нихъ не только сосѣдили, но даже и перемѣшались, напримѣръ, съ Чудью въ верховьяхъ Волги, съ Булгарами въ Мизіи» [1]). Затѣмъ слѣдуютъ примѣры сходства славянъ съ арійцами,

[1]) Слав. древ., М. 1837 г., т. 1-й, кн. 1-я, стр. 101.

приводимые и проф. Собѣстіанскимъ. Въ заключеніи опять высказывается выводъ въ такой именно формѣ, какъ формулировали его мы. «Все это и тому подобное, говоритъ Шафарикъ, если мы хочемъ справедливо и здраво судить, ведетъ насъ къ тому, что славяне въ 5-мъ вѣкѣ не были такъ далеки и чужды прочимъ европейцамъ, какъ это обыкновенно и ошибочно полагаютъ» [1]). И этого заключенія проф. Собѣстіанскій не приводитъ. Нѣтъ дѣйствительнаго противорѣчія и въ другихъ выдержкахъ, приводимыхъ проф. Собѣстіанскимъ изъ «Слав. древ.» Шафарика. Противорѣчія созданы самимъ проф. Собѣстіанскимъ, сдѣлавшимъ тенденціозную выборку текстовъ и умышленно пропустившимъ выдержки, ясно указывающія точку зрѣнія знаменитаго слависта. Проф. Собѣстіанскій говоритъ, что въ «Слав. древ.» Шафарикъ взялъ на себя рѣшеніе неразрѣшимой задачи: доказать въ одно и тоже время и воинственность славянъ, и мирное разселеніе ихъ по Европѣ» (стр. 56). Ничего такого на самомъ дѣлѣ нѣтъ. Шафарикъ, на основаніи широкаго знакомства съ источниками, выработалъ себѣ извѣстный, опредѣленный, свободный отъ противорѣчій взглядъ на особенности внутренняго быта отдѣльныхъ славянскихъ племенъ въ разные періоды ихъ исторіи. Мало того, и по вопросу о воинственности, какъ одной изъ чертъ ихъ характера, у него сложилось такое же опредѣленное возрѣніе, отличающееся цѣльностью и ясностью. Оно выражено Шафарикомъ въ томъ же 23 §, изъ котораго проф. Собѣстіанскій приводитъ и свои выписки; очевидно, и оно пропущено проф. Собѣстіанскимъ умышленно. Вотъ оно въ подлинномъ видѣ: «при всей наклонности къ спокойной жизни и мирнымъ занятіямъ древніе славяне не были вовсе неспособы къ воинственности, и отнюдь не должно думать, что бы въ ихъ родинѣ совершенно не происходило битвъ, чтобы они каждому насильнику безпрекословно подставляли шею свою въ неволю и ярмо. Напротивъ, славяне, когда требовала того нужда, умѣли такъ-же хорошо и мужественно сражаться, какъ и ихъ самые отважнѣйшіе непріятели; вся разница между ними и ихъ врагами въ томъ, что у нихъ война не составляла обыденнаго ремесла, подобно какъ у сарматовъ, готовъ, вандаловъ и др., но что оружіе они носили только для обороны, а не для истребленія. Если же разбойничьи толпы скиѳовъ, сарматовъ, германцевъ, гунновъ, аваровъ и др., хоть и немногочисленныя, но славившіяся воинственностью

[1]) Ibidem, стр. 104.

и ни о чемъ больше не помышлявшія, какъ только о битвахъ и грабежѣ, нашли средства покорить себѣ тѣ или другіе славянскіе народы, занимавшіеся мирными трудами, земледѣліемъ, ремеслами, торговлею, раздѣленные на безчисленное множество мелкихъ частей, безъ твердыхъ связей и единовластія, не очень заботившіеся о безопасности своихъ предѣловъ къ иноземцамъ, слишкомъ довѣрчивые и не подозрительные; зато и эти послѣдніе, опомнясь въ своемъ безгодьѣ, не замедлили собрать остальныя силы воедино, насладиться прежнимъ благоденствіемъ и изгнать незванныхъ гостей, разоряющихъ ихъ своимъ грабительствомъ, вонъ, за предѣлы своего плодоноснаго отечества» [1]). Здѣсь, очевидно, славяне—осѣдлые земледѣльцы противопоставляются гуннамъ и другимъ кочевникамъ, главнымъ занятіемъ которыхъ была война и грабежъ. Понятно, слѣдовательно, почему Шафарикъ говоритъ и о военныхъ подвигахъ славянъ, и о ихъ мирной культурной дѣятельности, не впадая въ противорѣчія съ собою. Совсѣмъ невѣрно проф. Собѣстіанскій освѣщаетъ и отношеніе Шафарика къ Карамзину. «Мы уже видѣли, говоритъ онъ, какъ строго осудилъ Шафарикъ Карамзина и другихъ русскихъ ученыхъ, не желавшихъ принять гипотезы о національныхъ особенностяхъ древнеславянскаго характера. По словамъ Шафарика, Карамзинъ былъ «въ древней исторіи славянъ неопытный и сбивчивый руководитель». Къ порицанію русскихъ ученыхъ, въ довольно рѣзкихъ выраженіяхъ, Шафарикъ возвращался нѣсколько разъ въ разбираемомъ нами трудѣ, упрекая ихъ въ отсутствіи патріотизма, легкомыслія и пристрастіи и называя ихъ характеристику древняго славянства выдумкой, клеветой, слѣпо позаимствованной у нѣмецкихъ ученыхъ прошлаго вѣка» (стр. 58). На самомъ дѣлѣ Шафарикъ высоко цѣнилъ трудъ Карамзина и, чтобы убѣдиться въ этомъ, намъ нужно только выписать цѣликомъ ту цитату, начало которой приводитъ проф. Собѣстіанскій. «Карамзинъ, говоритъ Шафарикъ, въ древней исторіи славянъ неопытный, сбивчивый руководитель, вышедши изъ нея на чисто русскую почву, сталъ дѣописателемъ, которому до сихъ поръ нѣтъ ровнаго между русами и нескоро найдется, судя по произведеніямъ непризнательныхъ его соотечественниковъ, которые, опираясь на его рамена и черпая изъ его сокровищницы, вовсе не стараясь о распространеніи и новомъ точнѣйшемъ изслѣдованіи источниковъ, *безразсудно силятся унизить заслуги великаго*

[1]) Слав. древ., т. 1-й, кн. 3-я, стр. 270—271.

мужа» [1]). Шафарикъ, возражая Карамзину, возстаетъ собственно противъ его мнѣнія о *дикости* древнихъ сѣверныхъ славянъ, результатомъ которой являлась будто-бы ихъ строптивость, непокорность. «Жаль, говоритъ Шафарикъ, что русскій исторіографъ..., слѣдуя превратной своей, или лучше Гебгардовской системѣ, витійствуетъ о строптивости и непокорности славянъ, происходившей будто бы отъ ихъ дикости и суровости (почему не наоборотъ? Ср. древн. грековъ»)[2]). Шафарикъ глубоко былъ убѣжденъ въ значительномъ развитіи культуры на Руси въ моментъ передъ призваніемъ князей и потому сильно возставалъ противъ всѣхъ, усвоившихъ себѣ противоположный взглядъ. «Тѣ ошибаются, говоритъ онъ, которые, увлекаясь примѣромъ Аделунга, Гебгарди и слѣпо подражающихъ имъ Добровскаго, Карамзина и другихъ новѣйшихъ русскихъ писателей, представляютъ себѣ древнихъ славянъ какими то африканскими дикарями и сомнѣваются въ этомъ призваніи, потому только, что оно обличаетъ образованные нравы, напротивъ утверждая, что образованные и сильные русы вооруженною и сильною рукою покорили и поработили себѣ звѣроподобныхъ и немногочисленныхъ славянъ» [3]). Въ доказательство Шафарикъ приводитъ выдержку изъ Добровскаго и Миллера и затѣмъ относительно Карамзина говоритъ слѣдующее: «Карамзинъ опять повторяетъ, что славяне и чудь, бывшіе де тогда еще дикарями, призвали Русовъ, какъ народъ образованнѣйшій, просвѣщеннѣйшій и т. д. (И. Г. Р. I, стр. 113)». Въ § 23 и въ другихъ мѣстахъ своей книги Шафарикъ приводитъ рядъ доказательствъ въ пользу сравнительно высокой культурности древнихъ славянъ. Можно сказать, что эта мысль проходитъ красною нитью черезъ всю книгу Шафарика. И его огромная заслуга заключается въ томъ, что онъ имѣлъ мужество выступить противъ господствовавшихъ въ западной наукѣ взглядовъ и притомъ выступить не съ голословными опроверженіями, а во всеоружіи той-же науки. Мысль о дикости русскихъ славянъ царила притомъ и въ русской исторіографіи, ибо никто не осмѣливался поднять своего голоса противъ отца нашей исторической критики многоученаго Шлецера, развившаго ее въ своемъ «Несторѣ». Нашъ великій исторіографъ Н. М. Карамзинъ подвергся вліянію идей Шлецера, какъ въ вопросѣ о дикости русскихъ

---

[1]) Слав. древн., т. 2-й, кн. 1-я, М. 1848, стр. 123—124, прим. 64-е.

[2]) Ibidem, стр. 121, прим. 61-е.

[3]) Ibidem, стр. 122.

славянъ до призванія Варяговъ, такъ и въ вопросѣ о самыхъ Варягахъ—Руси. Неудивительно, что Шафарикъ указалъ на это заблужденіе Карамзина. Его огорчало и раздражало то обстоятельство, что и столпы славянской науки, въ родѣ Добровскаго и Карамзина, приняли ученіе нѣмецкихъ историковъ, основанное на мнѣніи объ огромномъ культурномъ превосходствѣ Германцевъ передъ дикарями—славянами. И. Шафарикъ былъ правъ въ этомъ дѣлѣ: дальнѣйшія изслѣдованія (въ томъ числѣ, филологическія и археологическія) блистательно подтвердили его мысль. Мнѣніе же Шлецера, усвоенное и Карамзинымъ, о дикости русскихъ славянъ до призванія находитъ себѣ теперь только одного адепта въ лицѣ проф. Собѣстіанскаго. Невѣрное и неточное воспроизведеніе сущности излагаемыхъ ученій зависитъ гл. обр. отъ той прямолинейной классификаціи писателей, какую во чтобы то ни стало хочетъ провести проф. Собѣстіанскій. Мы видѣли, что ни Суровецкій, ни Шафарикъ не замѣчаютъ въ славянахъ исключительнаго господства голубиной кротости: они говорятъ и о воинственности ихъ. Наоборотъ, Карамзинъ, который, по словамъ проф. Собѣстіанскаго, трезво смотрѣлъ на славянскій характеръ и считалъ славянъ воинственными и жестокими, отмѣчалъ у нихъ, подобно «нетрезвымъ» славистамъ, и миролюбіе. «Извѣстіе Іорнанда о Венедахъ, безъ великаго труда покоренныхъ въ IV в. Готѳскимъ царемъ Эрманарихомъ, показываетъ, говоритъ онъ, что они еще не славились тогда воинскимъ искусствомъ. Послы отдаленныхъ славянъ Балтійскихъ, ушедшихъ изъ Баянова стана во Ѳракію, также описывали народъ свой тихимъ и миролюбивымъ» [1]). Карамзинъ отнесся съ полнымъ довѣріемъ къ разсказу Ѳеофилакта о гуслярахъ. Приведя его, онъ замѣчаетъ: «такое миролюбивое свойство Балтійскихъ славянъ во времена ужасовъ варварства, *представляетъ мыслямъ картину счастія, котораго мы обыкли искать единственно въ воображеніи.* Согласіе византійскихъ историковъ въ описаніи сего происшествія доказываетъ, кажется, его истину, утверждаемую и самими тогдашними обстоятельствами сѣвера, гдѣ славяне могли наслаждаться тишиною, когда германскіе народы удалились къ югу и когда разрушилось владычество Гунновъ» [2]). Говоря о пѣсняхъ славянъ, Карамзинъ высказываетъ слѣдующую мысль: «вѣроятно, что сіи пѣсни, мирныя въ первобытномъ

[1]) Ист. Гос. Рос., изд. Эйнерлинга. I, стр. 33—34.

[2]) Ibidem, стр. 15—16.

отечествѣ Венедовъ, еще не знавшихъ славы и побѣды, обратились въ воинскія, когда народъ ихъ приблизился къ имперіи и вступилъ въ Дакію; вѣроятно, что онѣ воспламеняли сердца огнемъ мужества, представляли уму живыя картины битвъ и кровопролитія, сохраняли память дѣлъ великодушія и были въ нѣкоторомъ смыслѣ древнѣйшею исторіей славянскою» [1]). Приведенныя выдержки (въ особенности двѣ первыя о Венедахъ) чрезвычайно близко подходятъ къ характеристикѣ Гердера и даютъ поводъ думать (вопреки мнѣнію проф. Собѣстіанскаго), что Карамзинъ не только не полемизировалъ съ Гердеромъ, а наоборотъ усвоилъ его мысль о кротости Венедовъ. Не даромъ онъ восхищался Гердеромъ и, посѣтивъ его во время своего извѣстнаго путешествія по Европѣ, написалъ слѣдующія прочувствованныя строки: «пріятно, милые друзья мои, видѣть, наконецъ, того человѣка, который былъ намъ прежде столько извѣстенъ и дорогъ по своимъ сочиненіямъ, котораго мы такъ часто себѣ воображали или вообразить старались. Теперь, мнѣ кажется, я еще съ большимъ удовольствіемъ буду читать произведенія Гердерова ума, воспоминая видъ и голосъ автора». Прибавимъ кстати, что и «Идеи» Гердера были переведены въ 1829 году на русскій языкъ [2]). Гердеровская характеристика славянства была извѣстна Карамзину, по признанію самого проф. Собѣстіанскаго. Мы впрочемъ не настаиваемъ на своемъ предположеніи о вліяніи Гердера на Карамзина (хотя оно имѣетъ даже большее основаніе, чѣмъ противоположное мнѣніе проф. Собѣстіанскаго); но мы подчеркиваемъ, что проф. Собѣстіанскій, умолчавъ о приведенныхъ нами выпискахъ изъ Карамзина, исказилъ его ученіе. Что касается другихъ чертъ славянскаго характера (кромѣ воинственности и жестокости), то здѣсь «трезвый» Карамзинъ ничѣмъ не отличается отъ «нетрезвыхъ» славистовъ. Изъ приведенныхъ самимъ г. Собѣстіанскимъ выписокъ видно, что Карамзинъ отмѣтилъ у славянъ *«природное добродушіе*, отсутствіе лукавства, злости, простоту нравовъ, *доброе обращеніе съ плѣнными* (назначался срокъ рабству), гостепріимство, рѣдкое въ другихъ земляхъ, цѣломудріе (стр. 33—34). Такимъ образомъ, онъ не отрицалъ у нихъ оригинальныхъ чертъ характера, не похожихъ на нѣмецкія. Наоборотъ, онъ самъ говоритъ въ одномъ мѣстѣ своего сочиненія: «Тогда (въ к. V-го и нач. VI в.) начинаютъ говорить о славянахъ историки

[1]) Ibidem, стр. 41—42.

[2]) См. А. Н. Пыпина „Гердеръ“ (Вѣст. Европы, 1890, мартъ, апрѣль, стр. 671).

византійскіе, описывая свойства, образъ жизни и войны, обыкновенія и нравы славянъ, *отличные отъ характера нѣмецкихъ и сарматскихъ племенъ»* (И. Г. Рос. изд. Эйн., I, стр. 11).

Сдѣлавъ Гердера виновникомъ всѣхъ заблужденій славянской науки XIX в., (незаслуженно) проф. Собѣстіанскій, по своему обыкновенію, умолчалъ о благотворномъ его вліяніи на эту послѣднюю, не смотря на то, что оно было отмѣчено уже уважаемымъ А. Н. Пыпинымъ. Вотъ какъ А. Н. Пыпинъ опредѣляетъ значеніе Гердера для славянской этнографіи: «если мы будемъ отыскивать первые начатки новѣйшаго глубокаго интереса къ изученію народныхъ памятниковъ, то исходнымъ пунктомъ явится въ особенности Гердеръ: никто въ XVIII в. не понялъ этого вопроса такъ широко, никто почти пророчески не угадалъ будущихъ запросовъ и выводовъ науки. Послѣ Гердера понятны наши романтики народности 30-хъ годовъ, какъ Срезневскій, Бодянскій, Максимовичъ и болѣе поздніе изслѣдователи и горячіе партизаны народной поэзіи, какъ Буслаевъ и Аѳанасьевъ; къ Гердеру вообще сводятся источники новѣйшаго фольклоризма, такъ широко распространяющагося въ современныхъ литературахъ зап. Европы; имя Гердера произносилось съ сочувствіемъ и благодарностью начинателями славянскаго возрожденія... Въ «народныхъ пѣсняхъ» Гердеръ помѣстилъ переводъ нѣсколькихъ сербскихъ эпическихъ пѣсенъ, а именно Радослава, знаменитую «жалостную пѣсню» объ Асанъ-агиницѣ, пѣсню о прекрасной переводчицѣ и пѣсню о Милошѣ Кобиличѣ Вукѣ Бранковичѣ... За тѣмъ въ «идеяхъ» Гедреръ посвятилъ славянамъ небольшую главу (кн. XVI, IV), гдѣ высказалъ сочувствіе къ этому племени и надежду, что оно будетъ имѣть лучшее будущее. Это было замѣчено славянскими патріотами к. XVIII и нач. XIX в., какъ рѣдкое въ нѣмецкой литературѣ выраженіе сочувствія къ подавленному и пренебрегаемому племени, дѣлавшему тогда первыя слабыя попытки къ національному возрожденію, тѣмъ болѣе что они находили союзника въ имени знаменитаго писателя. Колларъ, въ знаменитой поэмѣ Slavy Dcera, отвелъ мѣсто Гердеру въ ряду друзей славянства и посвятилъ ему два сонета. Поэтъ преклоняется съ благоговѣніемъ передъ могилой Гердера»: «ты, говоритъ онъ, наперекоръ обычаю, былъ первымъ защитникомъ и возвышеннымъ хвалителемъ славянъ и зато прими отъ насъ честь и благодарность» [1]).

---

[1]) А. Н. Пыпина. Гердеръ (Вѣст. Евр. 1890 г., мартъ—апрѣль, стр. 667—668).

Точно также неточно, неполно и односторонне излагаетъ и освѣщаетъ проф. Собѣстіанскій ученія о юридическомъ бытѣ. Мы видѣли уже, какъ онъ преувеличиваетъ значеніе Ж. Ж. Руссо; онъ былъ, по словамъ проф. Собѣстіанскаго, истиннымъ виновникомъ ученія о демократическомъ бытѣ древнихъ славянъ; славянская же школа XVIII в. имѣла на этотъ счетъ здравыя научныя понятія и была чужда подобныхъ взглядовъ. Между тѣмъ оказывается, что и въ XVIII в. одинъ славянскій ученый (Рачъ), книга котораго осталась неизвѣстна проф. Собѣстіанскому, говорилъ слѣдующее: «правленіе у нихъ гражданское не было монархическое или единовластное, но демократическое, стрѣчь не единъ судія общая дѣла отправлялъ, но всѣ въ томъ участницы были....; ниже могло правленіе сіе инымъ образомъ водимо быти, когда народы тіи были волни, никоему начальству не подлежащіи, храбри же и неукротимы, самоволни же и самовластни; потому частная дѣла и обыди всякъ за себе отмщалъ и отправлялъ, *общества же цѣлаго касающаяся общимъ совѣтомъ расправляли*». И весьма важно отмѣтить, что свое мнѣніе Рачъ основываетъ не на чьемъ либо мнѣніи, а на источникѣ первой руки—на извѣстіи Прокопія [1]). Онъ могъ неправильно понимать свой источникъ, но во всякомъ случаѣ его мнѣніе нельзя назвать апріорнымъ.

Изложеніе ученій русскихъ славянофиловъ насъ совершенно не удовлетворяетъ послѣ трудовъ А. Н. Пыпина, К. Н. Бестужева-Рюмина, Д. Я. Самоквасова, Н. И. Костомарова (о К. Аксаковѣ), проф. Кояловича, проф. Завитневича и др., которые (исключая 1-го) проф. Собѣстіанскій совершенно игнорируетъ. Едва ли удобно было послѣ всѣхъ этихъ работъ, достаточно познакомившихъ съ содержаніемъ славянофильскихъ ученій, ограничиваться однѣми выписками изъ ученій; гораздо лучше было бы вмѣсто обширныхъ выписокъ сжато, своими словами, опредѣлить сущность мнѣній и ихъ ученыя основанія. Но проф. Собѣстіанскій не съумѣлъ даже представить ученій въ должной перспективѣ и отвелъ первенствующее мѣсто тѣмъ теоріямъ, которыя въ исторіи изученія русской общины занимаютъ менѣе важное положеніе; о Бѣляевѣ же и Лешковѣ онъ говоритъ только въ примѣчаніяхъ къ своей книгѣ. Едва ли нужно прибавлять, что тотъ историкъ, который не остановился внимательно на трудахъ

[1]) Рача. Исторія разныхъ славенскихъ народовъ. 1794, стр. 57.

Бѣляева и Лешкова, не можетъ сказать о себѣ, что онъ познакомилъ своихъ читателей съ теоріей общиннаго быта русскихъ славянъ.

Такимъ образомъ, послѣ всего сказаннаго мы должны повторить, что *книга проф. Собъстіанскаго не имѣетъ и историко-литературнаго интереса.*

Д. И. Багалѣй.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Археологическія раскопки близъ г. Лубенъ, полт. г., въ урочищѣ Лысая Гора.[1)]

Несомнѣнно, что территорія къ востоку отъ средняго теченія р. Днѣпра издревле, еще до образованія Русскаго государства, была населена племенами, имѣвшими своеобразную культуру, особаго рода религіозныя вѣрованія, обычаи, обширныя торговыя связи съ отдаленными народами Востока и Юга. Почти каждый годъ появляются все новыя и новыя данныя, добытыя путемъ археологическихъ раскопокъ, которыя проливаютъ намъ нѣкоторую долю свѣта на отдаленныя отъ насъ вѣками прошлыя времена лѣвобережнаго края Днѣпра. Правда, матеріалъ по этой части еще далеко не разработанъ; добыты только немногочисленныя и разрозненныя данныя по этому вопросу, но и этотъ матеріалъ весьма важенъ для исторіи юга Россіи, такъ какъ онъ даетъ намъ возможность, на основаніи найденныхъ предметовъ, пополнить хотя отчасти недостающія страницы первоначальной исторіи южной Россіи.

[1)] Настоящая работа моя составлена отчасти на основаніи лично видѣннаго мною во время раскопокъ на Лысой Горѣ, отчасти благодаря сообщеніямъ о нихъ владѣлицы Лубенскаго музея, Е. Н. Скаржинской, по иниціативѣ и на средства которой производились всѣ раскопки кургановъ Лысой Горы, за исключеніемъ трехъ или четырехъ изъ нихъ, въ сѣверной части горы, раскопанныхъ самостоятельно г. Каминскимъ въ 1881 г. Второй разъ раскопки были произведены въ 1883 г. Живо интересуясь археологіей, Е. Н. Скаржинская подолгу присутствовала на раскопкахъ, руководила работами и, съ теченіемъ времени, предполагала издать въ свѣтъ полный отчетъ или дневникъ всего того, что было добыто въ курганахъ на Лысой Горѣ. Судьбѣ, однако, угодно было иначе распорядиться всѣми этими благими желаніями.

На лѣвой сторонѣ Днѣпра, за исключеніемъ черниговской губерніи, гдѣ производились археологическія изысканія профессоромъ Самоквасовымъ, почти до послѣдняго времени, не было систематически правильныхъ, научныхъ раскопокъ древнѣйшихъ кургановъ, разбросанныхъ въ огромномъ количествѣ по всей территоріи полтавской губерніи и группирующихся въ болѣе значительномъ количествѣ по берегамъ рѣкъ, впадающихъ въ Днѣпръ. А между тѣмъ, съ каждымъ годомъ разрушительная сила времени, съ одной стороны, и безъ устали работающій все на большемъ и большемъ пространствѣ нашихъ степей плугъ земледѣльца, съ другой—уничтожаютъ мало по малу драгоцѣнные памятники древнѣйшей исторіи нашего отечества. Благодаря тому, что мѣстное общество мало интересуется исчезающими съ теченіемъ времени памятниками старины нашей, въ храмъ науки немного попадаетъ археологическихъ предметовъ и еще менѣе—спеціаль-

---

Дѣло въ томъ, что Е. Н. Скаржинская, неотлучно, по цѣлымъ днямъ присутствовавшая при раскопкахъ, уполномочивала, въ ея отсутствіе, вести всѣ работы по части раскопокъ на Лысой Горѣ завѣдывающаго Лубенскимъ музеемъ, преподавателя Ѳ. И. Каминскаго. Г. Каминскій, руководившій, по порученію Е. Н. Скоржинской раскопками въ ея отсутствіе, дѣйствительно аккуратно велъ дневникъ и заносилъ въ него всѣ мелочи, встрѣчавшіяся при раскопкахъ. Впослѣдствіи времени, по окончаніи раскопокъ, г. Каминскій, удрученный болѣзнью, не когъ скоро составить по своему дневнику чистоваго отчета о раскопкахъ Е. Н. Скаржинской, и дѣло затянулось. Окончилось оно тѣмъ, чт. г. Каминскій умеръ, а дневникъ, веденный имъ по порученію Е. Н. Скаржинской, погибъ въ огнѣ, и так. образомъ исчезли безслѣдно всѣ детали нахожденія предметовъ Лысой Горы, хотя самые предметы сохранились и находятся въ настоящее время въ музеѣ Е. Н. Скаржинской, въ д. Кругликѣ, Луб. у., Полт. г. Не предвидя такого исхода, Е. Н. Скаржинская, сѣтовала о неудачѣ того дѣла, для котораго она лично сама такъ долго трудилась, не жалѣя ни средствъ, ни времени, и, зная, что я часто бывалъ на раскопкахъ Лысой Горы, обратилась ко мнѣ съ просьбой, не могу ли я сообщить ей кое-чего относительно найденнаго на Лысой Г. матеріала, чтобы пополнить так. образомъ тѣ свѣдѣнія о немъ, какія остались въ памяти у нея самой. Съ большой охотой отозвался я исполнить просьбу Е. Н. Скаржинской и на основаніи сохранившихся у меня замѣтокъ о раскопкахъ я и приступилъ къ описанію послѣднихъ. Кромѣ того, трудъ мой, составленъ, какъ я уже говорилъ выше, отчасти по личнымъ моимъ наблюденіямъ раскопокъ Лысой Горы, отчасти на основаніи сообщеній о вихъ Е. Н. Скаржинской. Краткія замѣтки о раскопкахъ на Лысой Горѣ были сообщены мною въ началѣ 80-хъ годовъ профессору Кіев. университета, В. Б. Антоновичу, который и прочелъ ихъ въ одномъ изъ засѣданій „Общества Нестора Лѣтописца“ въ 1883 году.

ныхъ сообщеній по поводу послѣднихъ. Если какой либо археологическій матеріалъ и доходитъ туда, то это бываетъ, по большей части, случайно, часто даже безъ точнаго указанія о мѣстонахожденіи предметовъ и самой обстановки ихъ находки. Печальная истина эта могла бы стать еще болѣе грустной, если бы къ сохраненію памятниковъ прошедшей жизни человѣка не было сдѣлано никакихъ усилій, не было выказано никакихъ заботъ. Къ счастью, свѣтъ науки, теплящійся въ нѣкоторыхъ уголкахъ нашей земли, сохраняетъ для исторіи кое-какіе цѣнные предметы, обреченные безъ такого участія на конечную гибель въ весьма непродолжительномъ времени. Невнимательность, равнодушіе и невѣжество погубили уже не мало весьма интересныхъ и цѣнныхъ для исторіи края памятниковъ прошлой жизни нашего отечества. Можно смѣло сказать, что многія изъ уцѣлѣвшихъ и бывшихъ въ нашихъ рукахъ драгоцѣнныхъ страницъ древней нашей исторіи, при такихъ неблагопріятныхъ условіяхъ, исчезли безвозвратно, не оставя послѣ себя никакого слѣда. Правда, кое-что сохранилось и сохраняется еще въ отдѣльныхъ рукахъ, имѣя интересъ при жизни владѣльца собранныхъ археологическихъ предметовъ, но затѣмъ такая коллекція, послѣ смерти его, весьма часто выбрасывается, какъ ненужный хламъ, и цѣнный историческій матеріалъ погибаетъ. Историкъ дорожитъ самыми незначительными крохами археологическаго матеріала, которыя случайно попадаютъ ему подъ руку. Интересъ возрастаетъ еще болѣе, если археологическій матеріалъ, помимо указанія на мѣстность, гдѣ онъ былъ найденъ, переданъ съ точными по возможности замѣтками и рисунками о нахожденіи и расположеніи этихъ предметовъ древности. Это уже весьма цѣнный матеріалъ для возсозданія картины древнѣйшей культуры страны. Полтавская губернія, вообще бѣдная по части изысканій и археологическихъ раскопокъ, имѣетъ однако, нѣсколько такихъ работъ, выполненныхъ тщательно и добросовѣстно. Въ числѣ этихъ работъ можно указать на два изслѣдованія, произведенныя въ бассейнѣ р. Сулы, на правомъ ея берегу, въ верхнемъ и среднемъ теченіи этой рѣки, возлѣ гг. Роменъ и Лубенъ, полтавской губерніи. Объ эти раскопки, произведенныя тщательно и

осторожно, не успѣли, однако, вполнѣ порадовать науку. Если первая работа, исполненная г. Мазараки (раскопки возлѣ гор. Роменъ), дала подробное изслѣдованіе заключавшагося въ курганахъ археологическаго матеріала, то вторая, произведенная вначалѣ г. Каминскимъ, а затѣмъ Е. Н. Скаржинской (на Лысой горѣ, возлѣ г. Лубенъ), веденная весьма тщательно, потеряла въ значительной степени свой научный интересъ. Благодаря, однако, заботамъ Е. Н. Скаржинской, принимавшей личное участіе въ раскопкахъ кургановъ Лысой горы и производившей всѣ эти раскопки на свой счетъ, фактическій матеріалъ, таившійся въ курганахъ, сохраненъ [1]), но точное описаніе нахожденія каждой вещи, вмѣстѣ съ ея расположеніемъ и отношеніемъ къ другимъ вещамъ и къ странамъ свѣта, потеряны навсегда, такъ какъ дневникъ, куда заносилось все это вмѣстѣ съ схематическими рисунками, погибъ въ огнѣ, а самъ его составитель, г. Каминскій, которому было поручено вести дневникъ, умеръ, не успѣвъ издать своей работы при жизни.

Въ виду того, что я весьма часто находился при раскопкахъ и видѣлъ многое изъ открытаго тамъ, мнѣ кажется, нелишнимъ будетъ дать хотя краткое описаніе добытаго изъ кургановъ Лысой горы археологическаго матеріала, т. к., въ противномъ случаѣ, интересный матеріалъ этотъ потеряетъ для науки значительную долю своей цѣны, оставаясь безъ всякаго почти освѣщенія касательно расположенія отысканныхъ тамъ предметовъ.

Недалеко отъ г. Лубенъ, верстахъ въ трехъ къ югу, внизъ по теченію р. Сулы, на правомъ ея берегу, находится возвышенность, извѣстная у мѣстныхъ жителей подъ именемъ Лысой горы. Возвышенность эта представляетъ собою ничто иное, какъ часть высокаго праваго берега р. Сулы, остающагося таковымъ на всемъ почти протяженіи этой рѣки,—часть, отрѣзанную отъ возвышеннаго плато праваго берега рѣки узкою, но глубокою

---

[1]) Онъ помѣщается въ прекрасномъ музеѣ, въ д. Круглицѣ, имѣніи Е. Н. Скаржинской. Я слыхалъ, что Е. Н. Скаржинская намѣрена выстроить музей въ г. Лубнахъ, и онъ станетъ, такимъ образомъ, изъ частнаго музея общественнымъ.

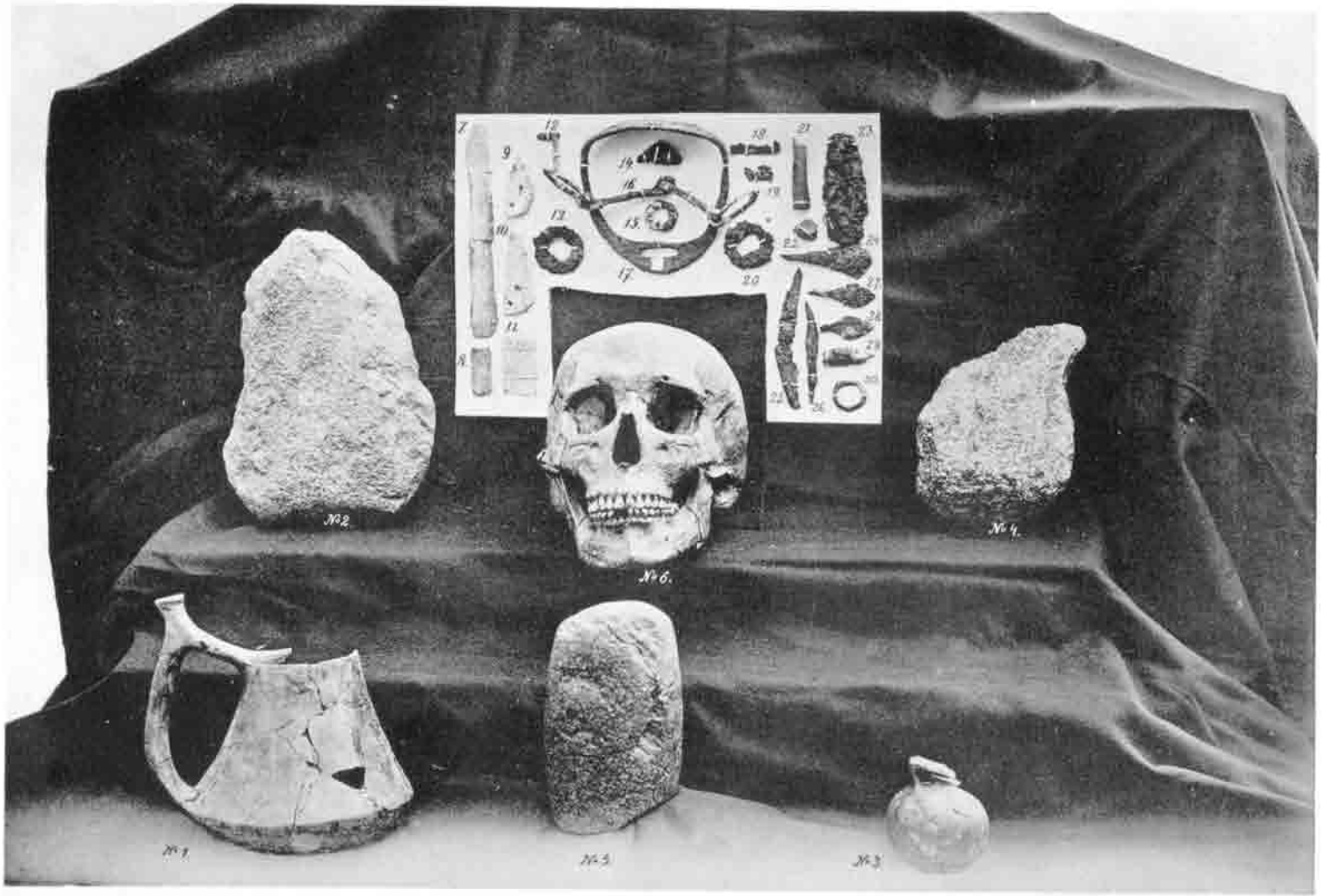

№2
№6.
№4.
№1
№3
№5

Табл. II.

ОБРАЗЦЫ ЧЕРЕПКОВЪ ЛЫСОГОРСКИХЪ.

длиною. Есть нѣкоторое основаніе предполагать, что долина эта, отрѣзывающая Лысую гору отъ остальной возвышенности, судя по равномѣрному слою чернозема, образовалась въ глубокой древности. Лысая гора соединяется съ остальной, возвышенной (правой) стороной рѣки узкимъ, нѣсколько ниже прилегающаго плато перешейкомъ, который ежегодно отъ дѣйствія дождей разрушается все болѣе и болѣе, и скоро наступитъ время, когда Лысая гора будетъ стоять совершенно одиноко, окруженная со всѣхъ сторонъ долинами. По своему виду Лысая гора представляетъ гребень, довольно узкій на вершинѣ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ не болѣе 4—5 сажень,—гребень, который круто спускается къ сторонѣ р. Сулы и немного отлого—къ сторонѣ западной долины, окружающей эту гору. Лысая гора стоитъ не надъ самою р. Сулою, но нѣсколько поодаль отъ послѣдней, приблизительно саженяхъ въ 30—40 отъ берега этой рѣки. Пространство между берегомъ р. Сулы и горою представляетъ собою террасу, волнистаго, неправильнаго строенія, подходящую къ самой подошвѣ Л. горы, которая высится здѣсь почти отвѣсною крутою стѣною. Высота Лысой горы по отвѣсному спуску будетъ приблизительно 25—30 саженей. Обрывъ горы состоитъ изъ желтой глины, между тѣмъ какъ вершина горы и склоны ея къ долинѣ покрыты слоемъ чернозема, хотя не особенно толстымъ.

Все пространство горы лишено всякой растительности, отчего, вѣроятно, явилось и самое названіе этого урочища. Однако, позднѣйшія изслѣдованія на Лысой горѣ констатировали, что гребень ея въ древности былъ покрытъ деревьями: при раскопкахъ на этой горѣ найдены были остатки корней деревьевъ, весьма значительныхъ по своему объему.

На вершинѣ Лысой горы, на ея гребнѣ, находилось около 14—15 кургановъ разной величины. Всѣ курганы не особенно велики по объему и по высотѣ: найменьшій изъ нихъ будетъ приблизительно аршина въ 2 высоты отъ основанія его; найбольшій—около 2-хъ саженъ высоты и соотвѣтственно болѣе значительнаго объема. Курганы расположены частью рядомъ, т. е. цѣпью, частью группой, при чемъ наибольшій и по высотѣ, и по объему курганъ находится посреди малыхъ, которые груп-

пируются въ такомъ незначительномъ разстояніи вокругъ большаго кургана, что почти сливаются съ нимъ. На горѣ встрѣчаются курганы, стоящіе особнякомъ, отдѣльно отъ прочихъ. Затѣмъ, помимо кургановъ, находящихся на самой Лысой горѣ, есть еще нѣсколько кургановъ, расположенныхъ на той возвышенности, отъ которой оторвана Лысая гора. Послѣднее обстоятельство можетъ служить подтвержденіемъ тому предположенію, что эти стоящіе изолировано курганы нѣкогда входили въ рядъ кургановъ Лысой горы и составляли съ ними одну группу, разорванную уже впослѣдствіи [1]).

Раскопки были начаты г. Каминскимъ въ 1881 г. съ кургановъ, расположенныхъ въ сѣверной части горы, ближе къ такъ называемому перешейку. Первымъ раскопанъ тотъ курганъ, который обозначенъ на планѣ подъ № 11-мъ. Курганъ находился надъ самымъ обрывомъ, и въ недалекомъ будущемъ, если бы не былъ раскопанъ, онъ сползъ бы внизъ, снесенный мало по малу дождевыми водами. Труды по раскопкѣ увѣнчались успѣхомъ. Въ результатѣ раскопокъ, на самомъ днѣ кургана, котораго насыпь состояла изъ чернозема, перемѣшаннаго съ глиной, найдено было два сосуда. Одинъ изъ нихъ представлялъ собою грушевидную кружку, сдѣланную изъ темной глины, коричневаго цвѣта, тщательной и чистой работы; кружка эта, расширяющаяся у основанія, снабжена особой характерной ручкой, выдающейся гораздо выше надъ отверстіемъ сосуда. Кружка сдѣлана съ помощью гончарнаго колеса; высота ея 3 вершка; она отлично сохранилась. Кружка стояла передъ пирамидальнымъ камнемъ, поставленнымъ въ основаніи кургана вертикально [2]).

Типъ сосудовъ подобной формы неоднократно встрѣчался въ курганахъ, относящихся къ Скиѳской эпохѣ [3]).

---

[1]) На вершинѣ почти каждаго кургана находилось углубленіе. Можно думать, что углубленія эти произошли отъ заваловъ пустыхъ мѣстъ, оставленныхъ при покойникахъ. Слѣды отверстій замѣчались также и у подошвы нѣкоторыхъ кургановъ съ западной стороны.

[2]) Надо замѣтить, что основаніе, составляющее дно нѣкоторыхъ кургановъ, представляетъ твердую, какъ бы убитую, утрамбованную плотно какую-то особую глину краснаватаго цвѣта, которую съ трудомъ беретъ желѣзная кирка. Благодаря такому условію, предметы, находящіеся здѣсь, отлично сохранились.

[3]) Грушевидной формы сосуды были найдены между прочимъ въ Перепетыхѣ.

Другой сосудъ, найденный въ томъ же курганѣ, гдѣ и кружка, представляетъ небольшой совершенно круглый, съ горлышкомъ наверху, шарообразный флакончикъ. Сосудъ сдѣланъ изъ терракоты оранжево-желтаго цвѣта; весьма тщательно отдѣланный, онъ украшенъ снаружи, на пояскѣ, изображеніемъ тигровъ или леопардовъ, въ промежуткахъ между которыми находились розетки. Краска, какой изображены животныя, темная, хорошо сохранившаяся. Надо полагать, что сосудъ этотъ назначался для сохраненія благовоннаго масла или же духовъ. Высотою сосудъ всего въ три дюйма. Флакончикъ этотъ найденъ въ курганѣ тоже передъ пирамидальнымъ камнемъ, котораго вершина была изогнута нѣсколько въ сторону [1]).

Другихъ вещей, заслуживающихъ особаго вниманія, на сколько я помню, не было найдено. Остается еще прибавить, что на днѣ кургана находился рядъ камней, расположенныхъ кольцомъ, да въ самой насыпи встрѣчались черепки битой посуды съ разнообразной орнаментировкой—пальцемъ, веревочкой, перомъ, тростникомъ и проч. Черепки были грубаго типа, сдѣланные большей частью безъ помощи гончарнаго колеса; глина для черепковъ содержала въ себѣ иногда присутствіе значительнаго количества рѣчнаго гравія.

Во второмъ курганѣ [2]), находящемся вблизи только что описаннаго, найдено было 2 покойника, положенныхъ каждый въ отдѣльной ямѣ, вырѣзанной въ твердой глинѣ. Бронзовыя стрѣлы, разбросанныя при умершихъ, характерной формы сосуды, остатки копій и проч. указываютъ намъ также на скіоскій погребальный культъ. Здѣсь же, кромѣ того, былъ вырытъ желѣзный кинжалъ, изображенный на таб. II, рис. 18. Въ третьемъ курганѣ [3]), заключавшемъ въ себѣ остатки трупа пре-

[1]) Къ описанію кургана № 11: относятся слѣдующія вещи:

a) Таб. II, рис. 13—кремневая стрѣлка изъ насыпи кургана.

d) Таб. I, рис. 1 и 2. Грушевидная кружка и камень, передъ которымъ она стояла.

c) Таб. I, рис. 3 и 4. Терракотовая вазочка и камень, передъ которымъ она стояла.

[2]) На планѣ № 10-й.

[3]) На планѣ № 9-й.

даннаго сожженію умершаго, найденъ былъ каменный, діоритовый, молотъ, не оконченный, но съ намѣченнымъ для отверстія углубленіемъ [1]). Здѣсь, также какъ и въ близь-лежащемъ курганѣ, встрѣчались орнаментированные черепки и кремневыя стрѣлы, характерной формы, куски черныхъ сосудовъ и проч. Три слѣдующихъ кургана [2]), съ которыхъ начались раскопки 1883 года, заключали въ себѣ не мало интересныхъ вещей—лопатчатыя желѣзныя стрѣлы, предметы украшенія и проч. Погребенный въ одномъ изъ этихъ кургановъ [3]), по всей вѣроятности былъ убитъ въ борьбѣ: между задними ребрами его найденъ обломокъ копья; на подбородкѣ слѣды пораненія кости. Характерно также содержаніе этого кургана, совершенно отличнаго отъ другихъ кургановъ Лысой Горы. Насыпь имѣла около $1^1/_2$ аршина высоты и нѣсколько аршинъ въ поперечникѣ.

Послѣ снятія насыпи, на днѣ ея оказалось пятно ямы, на сѣверномъ краѣ котораго (по правую руку покойника) находились: лошадиная голова, нога и стремя (см. таб. I, рис. 17); голова съ большой пробоиной между лѣвымъ глазомъ и ухомъ, съ удилами (таб. I, рис. 16) въ зубахъ и чернымъ отпечаткомъ уздечки на правой половинѣ нижней челюсти. Яма расположена съ В. на З; длина ея около $3^3/_4$ арш., ширина $1^1/_4$ арш. На глубинѣ $1^1/_4$ арш. яма заложена дубовыми вершковыми досками, положенными концами на выступъ земли въ головахъ и ногахъ; подъ досками яма и короче и уже. Въ ней лежалъ круглоголовый покойникъ, въ 2 арш. 6 вершк. ростомъ, вытянутъ на спинѣ, головой на В., ногами—на З; правая рука на нижней части живота, лѣвая—вдоль туловища. По бокамъ находились также 2 дубовыя доски; подъ покойникомъ досокъ не было. Въ землѣ, которою засыпана была яма, надъ досками, найдена бронзовая пряжка (таб. I, рис. 30). При покойникѣ были слѣдующіе предметы: съ лѣвой стороны гвоздевидное остріе (т. I, р. 29), три плоскихъ желѣзныхъ стрѣлы (т. I,

---

[1]) Смот. табл. I, рис. 5, на котор. изображенъ діоритовый молотокъ.

[2]) На планѣ №№ 8. 7 и 6.

[3]) На планѣ № 7.

рис. 28, 27 и 24), толстое шило (т. I, р. 26), ножикъ (т. I, р. 25), брусокъ изъ тончайшаго песчаника (т. I, р. 11), двѣ костяныя пластинки, (рис. 9 и 10) съ орнаментомъ изъ кружечковъ, съ точками въ центрѣ; въ пахахъ—три желѣзныхъ кольца (таб. I, рис. 13, 20 и 15), быть можетъ, пряжки—при нихъ сохранились кусочки ткани; у праваго бока—куски кожи (таб. I, рис. 18) отъ истлѣвшей сумочки, въ которой находились—завернутое въ тряпочку кресало (т. I, рис. 23), кремень (т. I, р, 22), остатки вдвое скрученной нитки, прикипѣвшей къ кресалу, костяная трубка (т. I, р. 21) и мѣдная пластинка съ дырочкой (т. I, р. 19). Затѣмъ, у праваго же бока: длинная до 4 вершковъ, съ одной стороны округлая, съ другой—плоская кость (т. I, р. 7) отъ какого-то истлѣвшаго предмета, б. м. лука. Наконецъ, въ груди покойника между задними дугами реберъ, ущемленъ обломокъ копья (т. I, р. 14). Рисунокъ 6-й, таб. I, представ. черепъ со слѣдами пораненія на подбородкѣ. Ни углей, ни сосудовъ при покойникѣ не было, но у подошвы насыпи, на сѣвер. сторонѣ ея, замѣтно незначит. углубленіе, въ которомъ на глубинѣ $^3/_4$ арш. оказалась глиняная миска съ густымъ рядомъ дырочекъ по вѣнцу. (Эти подробности обязательно сообщены мнѣ Е. Н. Скаржинской).

Но самымъ важнымъ, обильнымъ по количеству и разнообразію предметовъ, по характернымъ особенностямъ погребенія покойниковъ, представляется „большой курганъ (№ 4-ый)“ вмѣстѣ съ окружающими его со всѣхъ сторонъ меньшими курганами. Въ земляной насыпи кургана находилась масса битыхъ черепковъ съ разнообразными украшеніями на внѣшней сторонѣ ихъ; здѣсь встрѣчается орнаментировка: перомъ, ногтемъ пальца, веревочкой, зубчатой лопаткой, ракушкой и проч. Интересно, что нѣкоторые изъ черепковъ представляются стертыми, искуственно-закругленными, другіе имѣютъ нарочно оставленныя отверстія по вѣнцу и проч. Громадное количество черепковъ этихъ дало возможность собрать ихъ въ большомъ числѣ и съ разнообразными рисунками. Орнаменты, встрѣчающіеся на Лысогорскихъ черепкахъ, по своему рисунку, очень походятъ на

орнаменты черепковъ извѣстныхъ въ Западной Европѣ [1]). Профессоръ Иностранцевъ отыскалъ подобный типъ черепковъ въ Россіи, при раскопкахъ вблизи Ладожскаго озера.

Въ курганѣ, въ разныхъ мѣстахъ, отыскано множество всевозможнаго рода каменныхъ орудій и кремневыхъ осколковъ: стрѣлъ, наконечниковъ копій и пр. [2]), и въ томъ числѣ осколокъ тыльной части каменнаго полированнаго молота и песчаниковая плитка съ остатками растиравшейся красной краски. Внутри этого большого кургана, на значительной глубинѣ, найдено было нѣсколько, около 7 или 8, человѣческихъ скелетовъ, большинство которыхъ плохо сохранилось. Относительно странъ свѣта скелеты лежали такъ: почти всѣ они обращены головой на востокъ; только нѣкоторые изъ скелетовъ обращены головой къ другимъ скелетамъ. Измѣренія череповъ, насколько можно было прослѣдить по уцѣлѣвшимъ экземплярамъ, показали, что покойники краніологически могутъ быть относимы къ долихоцефаламъ (длинноголовымъ). Расположеніе скелетовъ въ большомъ курганѣ было слѣдующее. Въ серединѣ кургана находилось особаго рода земляное возвышеніе, поверхъ котораго лежалъ слой какого-то буроватаго порошка. Слой этотъ представлялъ собой какъ бы подстилку въ могилѣ покойника [3]). На подстилкѣ находились обуглившіяся части, собственно—нѣсколько кучекъ центральнаго скелета, остатки котораго расположены были, однако, въ правильномъ порядкѣ скелета, съ отсутствіемъ только нѣкоторыхъ его частей. Интересно при этомъ замѣтить, что въ маломъ курганѣ [4]), непосредственно лежавшемъ къ сѣверу отъ большого, найдены были какъ бы недостающія части вышеназваннаго скелета. Можно полагать поэтому, что покойникъ былъ сожженъ въ этомъ маломъ курганѣ, а отсюда уже его кости,

---

[1]) Подобный орнаментъ черепковъ попадается въ Вестъ-Кеннстѣ, въ Англіи, въ курганахъ, относящихся къ каменному вѣку. *Лебокъ.* Доистор. вр., 111.

[2]) Образецъ найденныхъ въ эт. кург. стрѣлъ см. т. II, рис. 12.

[3]) Г. Каминскій передавалъ мнѣ, что подстилка съ четырехъ сторонъ была какъ бы обита какимъ то бронзовымъ украшеніемъ, чѣмъ-то въ родѣ кусковъ бронзовой ленты.

[4]) На планѣ № 5.

въ раздробленномъ и пережженномъ видѣ, были перенесены въ большой курганъ. Судя по находкамъ предметовъ кургана центральный покойникъ этотъ былъ какъ будто убитъ кремневой стрѣлой: въ кучѣ костей, соотвѣтствующихъ мѣстоположенію сердца, между пластинками панцыря, найдена кремневая стрѣла съ надломленнымъ концемъ (см. т. II, рис. 10). При покойникѣ находилась въ безпорядкѣ куча желѣзныхъ пластинокъ, окислившихся въ землѣ и очевидно сильно прожженныхъ на огнѣ. Пластинки эти, длиною дюйма въ полтора, а шириною—въ дюймъ, составляли собою чешуйчатый желѣзный панцырь и нашивались, какъ кажется, на кожаную одежду, слѣды которой сохранились подъ нѣкоторыми пластинками. На пластинкахъ ясно видны слѣды дырочекъ, служившихъ для прикрѣпленія чешуй къ одеждѣ. Такихъ пластинокъ панцыря собрано изъ этого мѣста значительное количество [1]). Тутъ же, вмѣстѣ съ остатками панцыря, найдено около 100 бронзовыхъ, трегранныхъ стрѣлъ безъ крючка [2]), остатки кожанаго съ позолотой колчана, выкрашеннаго въ ярко-красный цвѣтъ, бронзовая крестовидная серьга и кольцо изъ электрума [3]). Въ землѣ, около центральнаго скелета, находились также прекрасно выдѣланныя кремневыя стрѣлы [4]). Въ наружномъ слоѣ насыпи больш. кургана найденъ серповидный желѣзный ножъ, б. м. древній серпъ [5]), и затѣмъ нѣсколько кремневыхъ стрѣлъ. На востокъ отъ этого центральнаго покойника, который, по всей вѣроятности, былъ лицемъ знатнымъ, судя по обстановкѣ его погребенія, покоился другой скелетъ вмѣстѣ съ ребенкомъ. Скелетъ помѣщался въ овальной ямѣ, въ утробномъ положеніи лицемъ на полдень. Надъ скелетомъ лежала кремневая стрѣла, прикрытая опрокинутой черной миской [6]). Въ скорченномъ же положеніи былъ и скелетъ младенца,

---

[1]) Образцы пластинокъ такого чешуйчатаго панцыря изображены на таб. II, рис. 1.

[2]) Табл. II, рис. 2.

[3]) Таб. II, рис. 16 и 17.

[4]) Таб. II, рис. 7, 8 и 9.

[5]) Таб. II, рис. 3 и рис. 11.

[6]) Миска эта изображена на таб. II, рис. 5.

обращеннаго лицемъ къ вышеназванному покойнику. На скелетѣ взрослаго находились, кромѣ того, куски сильно прожженной глины, вмѣстѣ съ углями. Оба скелета прекрасно сохранились, благодаря той глинѣ, гдѣ они помѣщались. Нѣсколько влѣво отъ скелета съ младенцемъ помѣщался въ такой же ямѣ, какъ и другіе покойники, скелетъ человѣка, повидимому старика, со сросшимся и искривленнымъ, какъ у горбатыхъ, позвоночнымъ столбомъ. Въ сѣверной части большого кургана открыто было 2 не вполнѣ сохранившихся скелета съ глиняными сосудами при нихъ грубой работы, поставленными въ головахъ покойниковъ. Одинъ только сосудъ грушевидной формы, найденный здѣсь, отличается болѣе тонкой работой [1]); затѣмъ, нѣсколько къ западу отъ этихъ двухъ скелетовъ, найденъ еще одинъ, обращенный головой, также какъ и другіе, на востокъ, а лицемъ—къ югу. Тутъ же, въ курганѣ находились: каменныя стрѣлы, разныя каменныя орудія, точильный камень изъ сланца, песчаниковая плитка—терка съ находящимися на ней явными слѣдами растиравшейся красной краски (бурый желѣзнякъ) и проч. [2]). Необходимо также прибавить, что при нѣкоторыхъ покойникахъ, какъ въ этомъ курганѣ, такъ и въ другихъ, встрѣчались слѣды остатковъ бересты.

Къ сѣверу отъ большаго кургана росположены 2 другихъ [3]), меньшихъ по размѣру. При раскопкѣ этихъ кургановъ, помимо встрѣчающихся во множествѣ орнаментированныхъ черепковъ вышеназваннаго рисунка, оказалось, что среди каждого изъ кургановъ находилось нѣсколько возвышенное, довольно плотно утрамбованное, смазанное сверху глиной мѣсто; глина эта очень крѣпка, отламывается кусками; при чемъ въ изломѣ видно, что верхняя часть глины краснѣе (вѣроятно, отъ дѣйствія огня) нижней, плотно приставшей къ землѣ. На этомъ возвышеніи, рядомъ съ углями, попадаются остатки обожженныхъ костей. Верхній слой глины носилъ, насколько можно было судить по наружному осмотру, слѣды пропитавшаго его

[1]) См. т. II, рис. 6.

[2]) См. т. II, рис. 4.

[3]) На планѣ № 5 a. и № 5 b.

какого то вещества, оказавшаго своеобразное вліяніе на лежащую подъ нимъ глину. Интересно замѣтить, что куски той же самой, или же совершенно подобной обожженной глины встрѣчаются разбросанно въ другихъ курганахъ, вмѣстѣ съ фрагментами обожженныхъ костей и черепковъ. Въ насыпи кургана отысканъ бронзовый сплавъ, бронзовая пуговица и какое-то кремневое орудіе съ отполированнымъ краемъ.

Еще дальше къ сѣверу, въ 2-хъ курганахъ, одинаковой почти величины съ только что названными, по снятіи земли сверху кургана приблизительно на глубину 1-го аршина, найденъ былъ скелетъ лошади, положенной на бокъ; въ глубинѣ же кургана покоилось два человѣческихъ скелета, изъ которыхъ одинъ былъ обращенъ головой на востокъ, а другой—на западъ. При одномъ изъ вышеназванныхъ скелетовъ находилось значительное количество бронзовыхъ стрѣлъ, трегранныхъ, отлично отточенныхъ и хорошо сохранившихся; при другомъ скелетѣ, хотя и были бронзовыя стрѣлы, но уже количествомъ значительно меньше, чѣмъ при первомъ. Кромѣ того, тутъ же, при одномъ изъ скелетовъ было отыскано нѣсколько сосудовъ, по своей формѣ и цвѣту сходныхъ съ вышеописанной кружкой грушевидной формы. Затѣмъ, у колѣнъ покойника лежали каменная терка съ пестомъ, на которыхъ были ясно видны слѣды красной краски (бурый желѣзнякъ). Нѣсколько кремневыхъ предметовъ и черепки въ насыпи дополняютъ собою содержимое этихъ кургановъ.

Въ курганѣ, находящемся на сѣверо-западъ отъ большого кургана, непосредственно у подошвы послѣдняго, открыта возвышенная площадка съ такимъ же характернымъ свойствомъ обожженной глины въ своей верхней части, какъ и въ 2-хъ вышеописанныхъ курганахъ. Тутъ же вырыто было нѣсколько глиняныхъ сосудовъ грубой работы, разставленныхъ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ площадки. Ни одинъ почти сосудъ не сохранился цѣлымъ: они сильно изломаны, и иногда такъ, что, не смотря на самыя тщательныя наблюденія, невозможно отыскать недостающихъ кусковъ. При нѣкоторыхъ сосудахъ находились небольшія частицы угля, который встрѣчался и въ насыпи кургана.

Въ другомъ курганѣ, лежащемъ на юго-западъ отъ большого [1]), находился скелетъ лошади, вокругъ котораго было разбросано нѣсколько орнаментированныхъ черепковъ и небольшая часть камней; при лошади лежали удила и, кажется, на сколько я помню, стремя.

Затѣмъ, значительный интересъ представляютъ курганы южной части Лысой Горы, расположенные нѣсколько на склонѣ ея. Они не особенно велики; нѣкоторые едва замѣтны надъ поверхностью земли; числомъ ихъ—четыре или пять.

Здѣсь, въ одномъ изъ кургановъ [2]) найдено два скелета, которые вообще прекрасно сохранились, за исключеніемъ череповъ, нѣсколько попортившихся отъ давленія земли. Не смотря на это, весьма легко опредѣлить типъ ихъ. Черепы относятся къ разряду такъ называемыхъ доликоцефаловъ (длинноголовыхъ) [3]).

Скелеты своимъ положеніемъ напоминаютъ какъ бы спящихъ людей: обѣ руки ладонями положены подъ лѣвую щеку, ноги поджаты къ животу. Одинъ изъ скелетовъ головой обращенъ на востокъ, другой—головой къ первому. Интересно и загадочно вмѣстѣ съ тѣмъ, что при одномъ изъ скелетовъ оказалось три руки. Нѣтъ-ли здѣсь подтвержденія разсказу Геродота о томъ, что скиѳы отсѣкали при жертвоприношеніяхъ правыя руки плѣнныхъ вмѣстѣ съ плечомъ и отбрасывали ихъ на нѣкоторое разстояніе отъ труповъ?

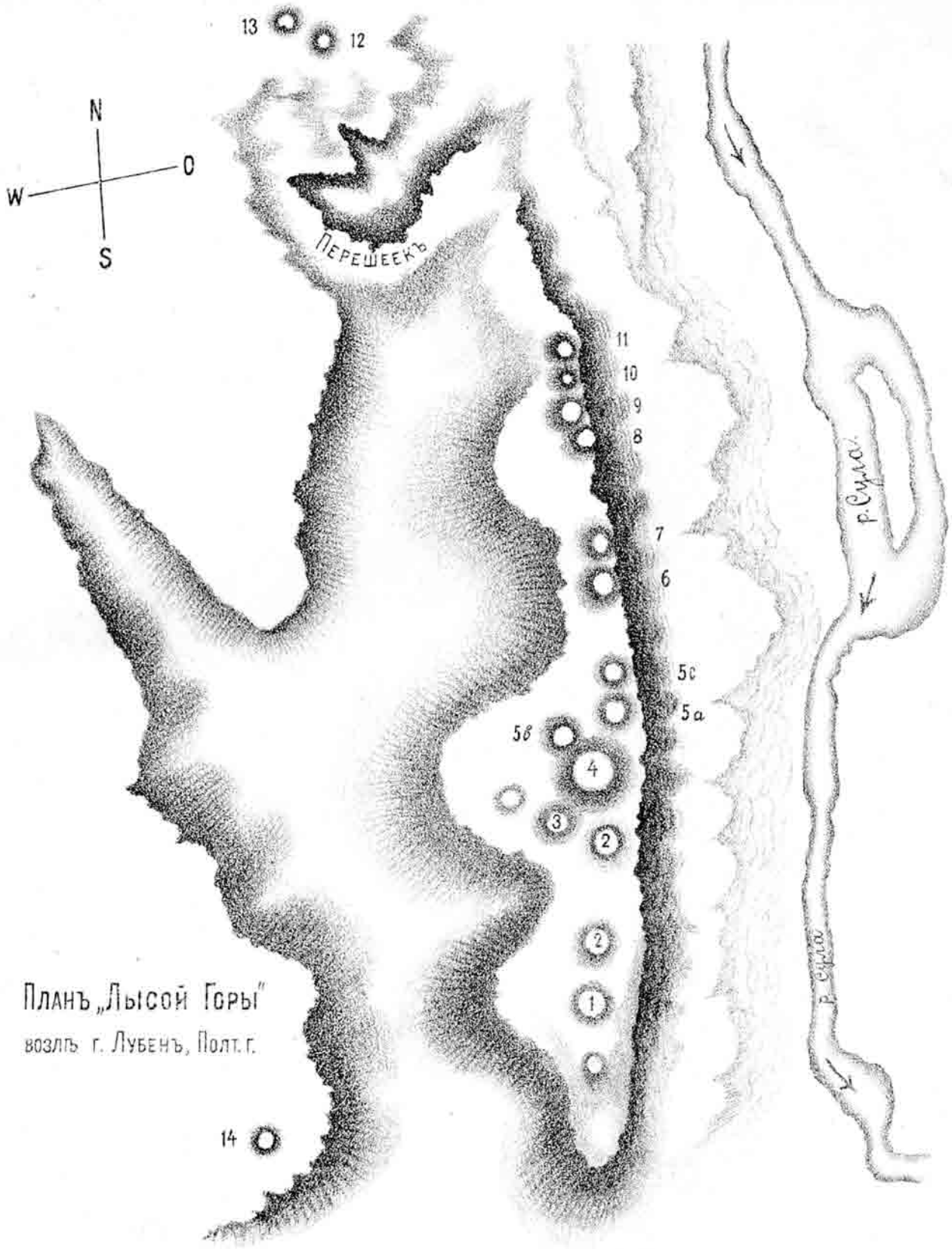
Въ насыпи одного изъ этихъ южныхъ кургановъ [4]) найдена была разбитая амфора, судя по остаткамъ ея довольно значительнаго размѣра; она сдѣлана изъ глины желто-оранжеваго цвѣта. Значительное число частей амфоры позволяетъ опредѣлить форму и величину ея. Въ настоящее время она прекрасно реставрирована. Судя по цвѣту и формѣ, амфора имѣетъ много

[1]) На планѣ № 3.

[2]) На планѣ № 2.

[3]) Одинъ изъ скелетовъ прекрасно сохранился благодаря особенно твердой глинѣ, въ которой онъ былъ положенъ. Чтобы сохранить наглядность положенія, въ какомъ былъ найденъ скелетъ, онъ былъ вырубленъ вмѣстѣ съ окружавшей его твердой глинистой почвой, и въ настоящее время сохраняется въ такомъ видѣ въ музеѣ Е. Н. Скаржинской, въ д. Кругликѣ, Лубен. у., Полт. г.

[4]) На планѣ № 1.



План „Лысой Горы"
возлѣ г. Лубенъ, Полт. г.

общаго съ амфорами, находимыми на югѣ Россіи, въ предѣлахъ прежняго Босфорскаго царства. Въ насыпи кургана попадались черепки, частью орнаментированные, частью безъ украшеній, вообще грубой работы.

Остается сказать нѣсколько словъ о черепкахъ, которые попадались при разрытіи кургановъ. Помимо грубыхъ, неискусно сдѣланныхъ и неукрашенныхъ, а также помимо орнаментированныхъ извѣстнымъ способомъ [1]), въ насыпяхъ кургановъ, въ разныхъ мѣстахъ, но больше всего возлѣ покойниковъ, встрѣчаются остатки битой посуды другого типа, болѣе тонкой работы. По своему виду, они принадлежатъ къ терракотовымъ издѣліямъ свѣтло-оранжеваго цвѣта; на разбитыхъ кускахъ нѣкоторыхъ изъ такихъ сосудовъ довольно ясно замѣтны украшенія въ видѣ какихъ-то длинныхъ, узкихъ листьевъ, исполненныхъ темной (коричневой или же черной) краской. Въ одномъ изъ кургановъ удалось отыскать остатки лопнувшаго отъ огня терракотоваго сосуда, при чемъ оказалось, что болѣе крупная часть этого сосуда находилась въ жертвенномъ отдѣлѣ, надъ могилой покойника (центральнаго); мелкія же части—въ другой ямѣ,

[1]) Орнаментированные извѣстнымъ способомъ (см. выше) черепки встрѣчаются, помимо Лысой Горы, и въ другихъ мѣстахъ, иногда въ довольно значительномъ количествѣ. Я встрѣчалъ ихъ: возлѣ Исачекъ (м. Лубенскаго уѣзда), въ Гонцахъ (село Лубен. у.), на Засульѣ (село Луб. у.), въ такъ называемыхъ пещаныхъ кучугурахъ по берегу р. Сулы; возлѣ дер. Солоницы, вблизи с. Песокъ (Луб. у.) и въ другихъ мѣстахъ. Интересно замѣтить, что черепки, съ орнаментомъ, вполнѣ сходнымъ съ тѣмъ, какой встрѣчается на Лысой Горѣ, были находимы г. Каминскимъ на берегу р. Сулы, въ слоѣ чернозема, на глубинѣ полуаршина и больше. Въ виду того, что орнаменты одного характера съ битыми черепками встрѣчаются и на цѣльныхъ сосудахъ, даже на донникахъ ихъ и на коническихъ застежкахъ, положенныхъ при покойникѣ, нельзя-ли вывести заключенія, что извѣстнаго рода орнаментъ служилъ знакомъ принадлежности тому или другому лицу или же общественному союзу. Лицо или союзъ могли опредѣлить для своихъ подданныхъ сосуды съ извѣстной орнаментаціей. Исходя изъ такого взгляда, можно думать, что каждый, принадлежавшій къ извѣстной группѣ, долженъ былъ имѣть или носить и свидѣтельства этой принадлежности, то есть—черепки съ извѣстнымъ орнаментомъ, отчего и являются въ насыпи округленные, просверленные, какъ бы стертые отъ тренія черепки. Естественно отсюда, что когда умиралo лицо, которому принадлежали другія лица, то въ могилу ставили сосудъ, бросали застежки съ извѣстнымъ орнаментомъ и бросали туда и черепки съ такой же орнаментаціей; связь съ умершимъ такимъ образомъ прекращалась.

при скелетѣ покойника, рядомъ съ обожженными косточками и углями, взятыми, очевидно изъ какого-то мѣста жертвенной части.

Что касается кургановъ, лежащихъ внѣ Лысой Горы, но недалеко отъ нея [1]), я ничего не могу сказать опредѣленнаго, такъ какъ не присутствовалъ во время раскопокъ ихъ. На сколько помню, г. Каминскій передавалъ мнѣ, что въ двухъ лежащихъ на сѣверъ отъ перешейка курганахъ онъ встрѣтилъ явные слѣды жертвеннаго кострища съ характерными остатками сожженныхъ костей, углей и другихъ предметовъ. Кромѣ того, въ насыпи одного изъ этихъ кургановъ были найдены дубовые столбы въ цѣльное дерево, расположенные овалomъ или кругомъ сожженныхъ костей, углей и другихъ предметовъ. Нижняя часть столбовъ входила въ материкъ.

Одиноко стоящій курганчикъ [2]), на возвышеніи по ту сторону долины, къ западу отъ южныхъ кургановъ Лысой Горы, не содержалъ въ себѣ ничего интереснаго, кромѣ битыхъ черепковъ въ насыпи да нѣсколькихъ камней, очевидно носившихъ слѣды участія рукъ человѣческихъ въ ихъ отдѣлкѣ [3]).

Остается еще прибавить, что возлѣ Лысой Горы, по берегу рѣки Сулы, но значительно выше черты даже самаго высокаго стоянія водъ весенняго разлива, подъ слоемъ ила и пепла, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ открыты были слѣды человѣческихъ стоянокъ, обозначенныхъ слоями угля, костей и остатками битой посуды съ орнаментомъ и безъ него, болѣе грубаго типа.

Сказанное мною далеко не исчерпываетъ собою всего того, что добыто во время раскопокъ на Лысой Горѣ. Весь собранный матеріалъ хранится въ настоящее время въ д. Кругликѣ, въ музеѣ Е. Н. Скаржинской, и можетъ послужить къ болѣе подробному ознакомленію съ эпохой создателей курганныхъ насыпей Лысой Горы. Въ заключеніе всего, на основаніи найденныхъ предметовъ и ихъ обстановки, можно прійти къ тому выводу, что курганы Лысой Горы принадлежатъ къ типу такъ называемой скиѳской эпохи.

Василій Ляскоронскій.

---

[1]) На планѣ № 12 и 13.

[2]) На планѣ № 14

Александръ Алексѣевичъ Ѳедотовъ-Чеховскій (1806–1892 гг.).

(НЕКРОЛОГЪ).

1-го іюля текущаго года скончался послѣ тяжкой и продолжительной болѣзни бывшій профессоръ университета св. Владиміра *А. А. Ѳедотовъ-Чеховскій*, имѣя отъ роду ровно $86^1/_2$ лѣтъ. Большую часть своей жизни покойный провелъ въ Кіевѣ, занимая не только должность профессора университета, но состоя въ то же время членомъ мѣстнаго, существовавшаго тогда цензурнаго комитета, гласнымъ думы, членомъ по воинской повинности и по крестьянскимъ дѣламъ присутствій, и не переставая работать для науки сначала по своей профессорской обязанности, а потомъ въ должности помощника завѣдывающаго центральнымъ архивомъ при университетѣ; извлекаемые оттуда матеріалы по исторіи южно-русскаго права онъ частью помѣщалъ въ „Кіевской Старинѣ“, частью же издавалъ на собственныя средства.

Александръ Алексѣевичъ вполнѣ принадлежитъ XIX вѣку: онъ родился на 6-мъ году отъ его начала (1 января 1806 г.) и умеръ, не доживъ лишь $7^1/_2$ лѣтъ до его конца. Отецъ А. А. (о. Алексѣй Ѳедотовъ) былъ послѣднимъ духовникомъ императора Александра I, во время пребыванія его въ Таганрогѣ, а дѣдъ—сельскимъ священникомъ воронежской губерніи; здѣсь у старика былъ небольшой хуторъ, въ которомъ онъ хозяйничалъ и въ которомъ любилъ проводить каникулярное время его горячо любимый единственный внукъ. По заведенному обычаю, отецъ опредѣлилъ А. А. въ духовную семинарію родной губерніи, пред-

полагая направить его по пути, по которому и самъ шелъ; при поступленіи въ учебное заведеніе, молодой А. А., по просьбѣ отца и съ разрѣшенія воронежскаго епископа Епифанія, былъ записанъ подъ двумя фамиліями: отца и матери (Чеховской, дочери священника волынской епархіи). О ходѣ первоначальнаго образованія А. А. намъ извѣстно очень немного. Въ то время, когда онъ вступилъ въ школу, послѣдняя была очень сурова; понятія „ученіе“ и „наказаніе“ продолжали еще быть тождественными. Причиной жестокости, по мнѣнію А. А., кромѣ характера той эпохи вообще, было еще и то обстоятельство, что семинарское воспитаніе находилось въ рукахъ чернаго духовенства, безбрачнаго и потому не знавшаго нѣжнаго отцовскаго чувства. Но А. А. ни-разу не пришлось испытать на себѣ тяжести учительскаго внушенія: отъ перваго и до послѣдняго класса онъ былъ лучшимъ ученикомъ семинаріи, а вліяніе родителей и обычныя съ ихъ стороны праздничныя приношенія начальству и наставникамъ устраняли излишнюю ихъ придирчивость къ ученику. Особенно хорошо овладѣлъ въ семинаріи А. А. древними языками: греческимъ и латинскимъ, такъ что свободно, безъ словаря, могъ читать въ подлинникѣ творенія отцевъ церкви; вслѣдствіе этого, будучи еще ученикомъ высшихъ классовъ семинаріи, А. А., за недостаткомъ учителей, былъ назначенъ преподавателемъ этихъ языковъ въ низшихъ классахъ. По окончаніи семинаріи въ 1827 г., А. А. продолжалъ съ прежнимъ успѣхомъ начатое богословское образованіе въ С.-Петербургской духовной академіи, но окончить ее А. А. не удалось по слѣдующему обстоятельству. Въ то время графомъ М. М. Сперанскимъ предпринято было изданіе „Полнаго Собранія Русскихъ Законовъ“ (1830 г.) и „Свода Законовъ“ (1832 г.), при этомъ обнаружился недостатокъ въ ученыхъ юристахъ, а потому были приняты мѣры къ поднятію уровня юридической науки въ Россіи. Съ этой цѣлью изъ духовныхъ академій были выбраны лучшіе студенты и прикомандированы ко II-му отдѣленію Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи, гдѣ подъ надзоромъ и руководствомъ самого гр. Сперанскаго молодые студенты получали предварительную юридическую под-

готовку, дополняя ее слушаніемъ лекцій въ С.-Петербургскомъ университетѣ, а затѣмъ, по выдержаніи испытанія, отправлялись для усовершенствованія въ законовѣдѣніи въ Берлинскій университетъ. Первая партія студентовъ отправлена была въ сентябрѣ 1829 г.; въ нее, между прочимъ, вошли изъ бывшихъ потомъ въ Кіевѣ профессоровъ К. А. Неволинъ, С. О. Богородскій и С. Н. Орнатскій; въ замѣнъ отправленныхъ были избраны еще нѣсколько лицъ, изъявившихъ готовность посвятить себя изученію юриспруденціи; въ числѣ ихъ былъ и А. А. 11 сентября 1829 г. онъ былъ прикомандированъ ко II-му отдѣленію Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи и отсюда, уже по предварительной подготовкѣ, отправленъ по Высочайшему указу 4-го октября 1831 г. въ Берлинъ, вмѣстѣ съ нѣсколькими товарищами, съ которыми до конца жизни онъ находился въ самыхъ дружескихъ и сердечныхъ отношеніяхъ, какъ свидѣтельствуетъ о томъ сохранившаяся переписка ихъ съ А. А. (профессора Харьковскаго университета Куницынъ и Платоновъ). Въ Берлинскомъ университетѣ въ это время курсъ римскаго права читалъ Фридрихъ-Карлъ фонъ-Савиньи, глава и одинъ изъ основателей исторической школы права. Русское правительство поручило ему надзоръ и руководство въ занятіяхъ своихъ студентовъ. Вліяніе его лекцій навсегда опредѣлило направленіе работъ А. А., для котораго соч. Савиньи: „System des römisches Rechts“ служило настольной книгой и руководствомъ при разработкѣ римскаго и русскаго гражданскаго права, ставшаго спеціальнымъ предметомъ изученія и изслѣдованій А. А. Разработку римскаго права онъ началъ, такъ сказать, съ самаго основанія, избравъ для своей докторской диссертаціи: „*Законы двѣнадцати таблицъ*“, древнѣйшій законодательный памятникъ римскаго права, въ которомъ выражается первая попытка сплоченія на почвѣ права отдѣльныхъ частей націи въ одно государство. Представленная въ рукописи для защиты въ С.-Петербургскій университетъ, работа молодаго ученаго была встрѣчена весьма сочувственно, и на диспутѣ одинъ изъ оппонентовъ замѣтилъ, что въ сочиненіи А. А. каждая глава есть отдѣльная монографія, заслуживающая искомой степени. Работа эта была начата еще

въ Берлинѣ и, быть можетъ, по мысли и подъ руководствомъ Савиньи. Защита диссертаціи состоялась 4-го сентября 1835 г., т. е. почти черезъ годъ послѣ возвращенія А. А. и его товарищей (въ октябрѣ 1834 г.) изъ заграничной командировки, а въ началѣ 1836 года послѣдовало назначеніе А. А. въ Харьковскій университетъ на должность экстраординарнаго профессора по каѳедрѣ римскаго права; къ этому періоду дѣятельности А. А. относится его трудъ: *„Romanos servitutes non modo non extare, imo ne extare quidem potuisse in juro rossico“*, прочтенный имъ, какъ рѣчь, въ торжественномъ собраніи Харьковскаго университета 30 августа 1837 г. Пребываніе въ Харьковѣ А. А. было не продолжительно. Въ 1838 году начато передвиженіе кіевскихъ профессоровъ-поляковъ въ восточные русскіе университеты, а на ихъ мѣста были назначены русскіе ученые. Въ Кіевѣ каѳедру римскаго права занималъ родной братъ извѣстнаго польскаго поэта А. Н. Мицкевичъ, которому и пришлось обмѣняться своимъ мѣстомъ съ А. А. Дѣятельность покойнаго съ переходомъ въ Кіевъ значительно расширилась. Перейдя въ 1843 г. съ каѳедры римскаго права на каѳедру русскихъ законовъ общихъ, особенныхъ и мѣстныхъ, А. А. продолжалъ чтеніе лекцій и по римскому праву до 1846 г., когда эту каѳедру занялъ его ученикъ, К. А. Митюковъ; кромѣ того, ему пришлось читать еще въ теченіе 1842—43 и въ 1850 гг. международное право. Какъ членъ университета, А. А. исполнялъ много разъ порученія своего начальства: два раза былъ деканомъ юридическаго факультета (въ 1840—41 и въ 1848—49 гг.); между прочимъ ему пришлось принимать отъ проф. Траутфетера насажденный имъ ботаническій садъ. Въ послѣдніе годы, работая въ архивѣ, окна котораго выходятъ въ садъ, А. А., любуясь имъ въ минуты отдыха, вспоминалъ то далекое время, когда молодыя деревца были еще только посажены, и ему нужно было провѣрить метрическую, такъ сказать, запись о рожденіи каждаго изъ нихъ.

Изъ ученыхъ трудовъ А. А. къ этому періоду слѣдуетъ отнести рѣчь: *„О формѣ и содержаніи правыхъ грамотъ“*, напечатанныхъ Археографической Коммиссіей. Рѣчь эта была про-

чтена имъ въ торжественномъ собраніи университета 10 октября 1848 года; другимъ капитальнымъ трудомъ было изданіе въ двухъ томахъ „*Актовъ, относящихся до гражданской расправы древней Руси*“ (томъ I, Кіевъ, 1860 г.; въ немъ 110 актовъ на 407 стран.; томъ II, Кіевъ, 1863; въ немъ 73 акта на 830 стр.). Акты эти собраны были А. А. въ его поѣздку съ ученою цѣлью въ С.-Петербургъ и Москву въ 1853 и потомъ изданы на собственный счетъ; указатели и оглавленія къ нимъ вышли въ свѣтъ въ 1884 г. [1]).

Въ бытность свою профессоромъ университета А. А. состоялъ цензоромъ Кіевскаго Цензурнаго Комитета. Намъ пришлось слышать отъ А. А. любопытный разсказъ о случаѣ изъ его цензорской службы, случаѣ тѣмъ болѣе интереснымъ, что онъ касается литературной дѣятельности покойнаго Н. И. Костомарова и не занесенъ имъ въ свою автобіографію. Избранный въ профессора кіевскаго университета Н. И. Костомаровъ предпринялъ изданіе матеріаловъ по исторіи Малороссіи; именно, онъ извлекъ „изъ „Полнаго Собранія Законовъ“ всѣ акты, касающіеся отношеній русскихъ государей къ южной Руси и особенностямъ ея строя. Перепечатка не противорѣчила цензурному уставу; когда же рукопись поступила на разсмотрѣніе А. А., онъ не нашелъ возможнымъ разрѣшить ее къ печати на томъ основаніи, что хотя перепечатка отдѣльныхъ актовъ и могла быть допущена, но собранные вмѣстѣ, эти акты, безъ указанія поводовъ къ ихъ изданію, имѣли такой характеръ, который строго преслѣдуется уставомъ. Одинъ изъ членовъ цензурнаго комитета настаивалъ на разрѣшеніи, но А. А. остался все-таки непреклоннымъ; раздраженный отказомъ, Н. И. объявилъ, что онъ посылаетъ рукопись въ Спб. цензурный комитетъ и увѣренъ, что она найдетъ тамъ болѣе снисходительный пріемъ. Дѣйствительно, печатаніе сборника разрѣшено было въ Спб.; но когда книга уже была отпечатана и готовилась къ

[1]) Кромѣ того, по смерти своего товарища и друга С. О. Богородскаго, профессора Кіевскаго университета, А. А. принялъ на себя редакцію изданныхъ университетомъ лекцій покойнаго: „*Очеркъ исторіи уголовнаго законодательства въ Европѣ съ начала XVIII в.*“ (т. I—II, Кіевъ. 1862, in 8, XVI+655, XVIII+438).

выходу изъ типографіи, на нее наложено было самое строгое запрещеніе. Встрѣтясь послѣ этого съ А. А., Костомаровъ первый подошелъ къ нему, извинился за свою горячность и выразилъ сожалѣніе, что не послушалъ его совѣта. Въ комитетѣ также скоро было получено увѣдомленіе о задержаніи Сборника; и тотъ изъ членовъ, который настаивалъ на разрѣшеніи Костомарову, теперь подшучивалъ надъ А. А.: „счастье ваше, А. А., что не разрѣшили печатанія, а то быть бы теперь бычку на веревочкѣ".—И этимъ я былъ бы обязанъ вамъ, любезный коллега—замѣтилъ ему А. А. Въ должности цензора А. А. пробылъ болѣе десяти лѣтъ (съ 22 декабря 1839 года по 25 января 1851 г.); имя его часто можно встрѣтить на книгахъ, печатавшихся въ 40-хъ годахъ.

Въ октябрѣ 1861 г. А. А. вышелъ въ отставку послѣ 30 лѣтъ службы; но это не значило для него прекращеніе труда, а напротивъ было переходомъ къ живой практической дѣятельности и притомъ въ тотъ моментъ, когда спросъ на образованныхъ людей, а еще болѣе съ юридическимъ образованіемъ, былъ огромный. А. А. былъ избранъ въ члены комитета по введенію въ краѣ уставныхъ грамотъ. Вспоминая объ этой службѣ своей, А. А. всегда жаловался на массу непріятностей, которыя приходилось ему выносить изъ-за защиты интересовъ крестьянъ противъ стремленія польскихъ помѣщиковъ обдѣлить своихъ прежнихъ „подданныхъ" землей.

Въ это же самое время А. А. принялъ дѣятельное участіе и въ дѣлахъ города, и особенно горячо хлопоталъ о введеніи въ Кіевѣ взаимнаго отъ огня страхованія. Но эти заботы А. А. объ устройствѣ пожарной части въ Кіевѣ не были единственнымъ дѣломъ служенія его городу: онъ исполнялъ и многія другія обязанности по порученію городской управы въ теченіе 20 лѣтъ, пока былъ въ силахъ; но въ мартѣ 1880 года, будучи уже 74-лѣтнимъ старикомъ, онъ подалъ въ управу заявленіе объ увольненіи, о чемъ было доложено и думѣ, которая въ засѣданіи 27 марта опредѣлила: уволивъ А. А. отъ возлагаемыхъ на него обязанностей, выразить ему признательность за понесенные труды на пользу города.

Казалось бы, кипучая практическая дѣятельность должна была подавить въ А. А., при его преклонныхъ лѣтахъ, стремленіе къ умственному труду и вызвать естественную потребность въ отдыхѣ и покоѣ. Но нѣтъ,—его духъ былъ еще бодръ; 70-ти лѣтъ онъ вступаетъ въ должность помощника завѣдывающаго центральнымъ архивомъ при университетѣ св. Владиміра (съ 26 октября 1876 г.); здѣсь онъ проявляетъ то же въ высокой степени честное отношеніе къ дѣлу, какъ и на другихъ поприщахъ дѣятельности: являясь ежедневно къ 9 часамъ утра, онъ просиживалъ, не отрываясь отъ работы, до 3-хъ, и нерѣдко проводилъ надъ разборомъ древнихъ актовъ и праздничные дни. При занятіяхъ въ архивѣ, А. А. предпринялъ нѣсколько весьма важныхъ научныхъ трудовъ: 1) онъ старательно прослѣдилъ примѣненіе на практикѣ перваго и втораго литовскаго статута и отступленія отъ него, въ періодъ 1529—1588 г., а также отмѣчалъ варіанты текста обоихъ статутовъ, по крайней мѣрѣ въ тѣхъ частяхъ, которыя можно было встрѣтить въ актовыхъ книгахъ. Избранный для чтенія А. А. періодъ времени важенъ въ томъ отношеніи, что тогда въ юго-западной Россіи происходило введеніе въ дѣйствіе перваго кодекса законовъ, замѣнявшаго, если и не вполнѣ, обычное право, кодекса, который былъ признанъ вскорѣ недостаточнымъ и замѣнился дополненнымъ новымъ. 2) Читая древніе акты, А. А. выдѣлялъ изъ массы ихъ такіе, въ которыхъ наблюдалъ признаки развитія понятій гражданскаго и уголовнаго права, развитіе судоустройства и судопроизводства; такихъ актовъ имъ отобрано было до $1^1/_2$ сотни, которые и переданы имъ для изданія въ кіевскую археографическую коммиссію, если она найдетъ возможнымъ таковое. 3) А. А., читая древніе акты, не могъ также не обратить вниманія на отсутствіе въ нашей учебно-вспомогательной литературѣ точнаго и обстоятельнаго словаря древнихъ актовыхъ словъ и выраженій, такъ какъ ни одинъ изъ существующихъ словарей рѣшительно не удовлетворяетъ своему назначенію, не будучи примѣненъ къ мѣстнымъ нуждамъ; нѣтъ необходимости говорить, что работа эта требуетъ долгаго труда и что при другихъ оффиціальныхъ занятіяхъ и личныхъ научныхъ интересахъ она не могла быть доведена

А. А. до конца и оставлена имъ для продолженія своимъ молодымъ преемникамъ. Отдавшись весь изученію южно-русской исторіи и права, А. А. горячо привѣтствовалъ появленіе въ Кіевѣ нашего историческаго журнала и помѣщалъ на его страницахъ важнѣйшіе историческіе документы. Такъ, имъ были напечатаны: 1) „*Инструкція гетмана Даніила Апостола малороссійскимъ судамъ*“ (1887, январь); 2) „*Бракоразводный казусъ конца XVI ст.*“ (ibid.); 3) „*Каштелянъ брацлавскій Василій Загоровскій въ полонѣ у татаръ*“ (ibid., февраль); и 4) „*Волынская полоненница XVI ст. и ея „орменскій“ обожатель*“ (ibid., май). Въ то же время А. А. къ юбилею университета въ 1884 г. собралъ, самъ переписалъ и издалъ на собственныя средства: „*акты греческаго Нѣжинскаго братства*“, заключающіе въ себѣ не только грамоты греческихъ іерарховъ и кіевскихъ митрополитовъ относительно церковнаго быта, но и универсалы гетмановъ, касающіеся самоуправленія братства. Своевременно „Кіевская Старина“ познакомила въ рецензіи г. В. А. своихъ читателей съ этимъ интереснымъ и важнымъ изданіемъ.

Но съ особеннымъ интересомъ А. А. занялся въ два послѣдніе года своей службы собираніемъ „*матеріала для біографіи Лубенскаго полковаго судьи Василія Стефановича*“, одного изъ выдающихся и образованныхъ малорусскихъ юристовъ прошлаго столѣтія, предсѣдателя коммиссіи по переводу „книгъ правныхъ“, изданныхъ раньше покойнымъ проф. А. Ѳ. Кистяковскимъ подъ заглавіемъ: „Права, по которымъ судится малорусскій народъ“; объ участіи Стефановича въ этомъ трудѣ до сихъ поръ ничего не было извѣстно, и собранные А. А. матеріалы проливаютъ свѣтъ на этотъ темный вопросъ, а также указываютъ на состояніе образованія среди высшихъ классовъ малороссійскаго шляхетства. Матеріалъ въ непродолжительномъ времени появится на страницахъ VII-ой книги „Чтеній въ обществѣ Нестора-лѣтописца, гдѣ онъ печатается подъ редакціей проф. М. Ф. Владимірскаго-Буданова. Нашъ перечень трудовъ А. А. былъ бы не полонъ, если бы мы не упомянули о томъ десяткѣ „описей“ къ актовымъ книгамъ Центральнаго Архива, которыя сдѣланы

имъ по обязанности. Важность этихъ описей заключается не только въ подробной передачѣ содержанія документа, съ сохраненіемъ характерныхъ выраженій оригинала, но также и въ томъ, что они нерѣдко снабжаются справками историческими, юридическими, хронологическими и лексиконными.

Не смотря на усердные архивные отшельническіе труды, жажда практической дѣятельности не переставала томить неутомимаго А. А. и въ этотъ періодъ его жизни, третій—архивный, если можно такъ выразиться; теперь онъ внимательно слѣдитъ въ качествѣ члена за дѣятельностью кіевскаго Свято-Владимірскаго братства, какъ по обращенію иновѣрцевъ въ православіе, такъ и за успѣхами дѣтей въ братской школѣ; для послѣдней онъ не мало жертвовалъ книгъ религіозно-нравственнаго содержанія, чтобы дать новокрещеннымъ духовную пищу, по крайней мѣрѣ, на время пребыванія ихъ въ братствѣ.

Съ постояннымъ стремленіемъ къ знанію, съ любовью къ труду, въ А. А. соединялись высокій нравственный, глубоко проникнутый духомъ Евангелія, идеалъ, прямота характера, рѣдкая доброта,—словомъ, тѣ качества души, которыя сразу сближали съ нимъ всякаго и привязывали навсегда къ не мудругихъ. Мы просмотрѣли сохранившіяся письма А. А.; многія изъ нихъ заключаютъ въ себѣ или просьбы о ходатайствѣ и хлопотахъ или выраженія благодарностей за исполненіе этихъ просьбъ. Эти письма—лучшее доказательство доброты его сердца и готовности прійти на помощь ближнему.

Высокія нравственныя качества А. А. дали ему многихъ друзей, какъ по школѣ, такъ и по службѣ; въ числѣ ихъ А. А. считалъ высокопреосвященнаго Леонтія, недавно почившаго митрополита Исидора, который относился къ нему особенно радушно; преосвященнаго Порфирія Успенскаго, бывшаго викаріемъ Кіевской митрополіи, товарища А. А. по академіи; узы

тѣсной дружбы связывали его со многими профессорами не только Кіевскаго университета, но и Харьковскаго, какъ напр.: проф. Платоновъ, Куницынъ и друг.; въ числѣ почитателей А. А. были многіе изъ его слушателей въ университетѣ, занимавшіе потомъ высокіе посты въ судебномъ вѣдомствѣ и ведшіе по временамъ дружескую переписку съ А. А.

И. Каманинъ.

Документы, извѣстія и замѣтки.

„Вымороченный человѣкъ“. *(Случай изъ временъ крѣпостного права*[1]). Въ 1835 г. *дворовый человѣкъ капитана турецкихъ войскъ* Балабана, Василій Заварзинъ, подалъ кіевскому губернскому прокурору прошеніе, въ которомъ заявилъ, что онъ «находится въ услуженіи у Балабана неизвѣстно по какимъ правамъ, такъ какъ онъ не знаетъ, имѣетъ-ли Балабанъ на него законныя укрѣпленія и предъявлялъ-ли правительству актъ о принадлежности его съ женою; что Балабанъ желаетъ имѣть его во услуженіи далѣе, а можетъ быть со временемъ завезть за-границу; онъ же, *опасаясь, дабы не подвергнуться какой-либо законной отвѣтственности*, проситъ учинить о немъ надлежащее разслѣдованіе».

Произведенное по этому поводу слѣдствіе выяснило, что Заварзинъ былъ дворовымъ человѣкомъ помѣщика орловской губерніи трубчевскаго уѣзда с. Лопушни маіора Толбузина и достался ему по наслѣдству отъ отца его по раздѣльному акту съ родными его братьями и сестрами. Назадъ тому лѣтъ 15 *женою Толбузина* переданъ въ услуженіе поручику 21 егерскаго полка Жуковскому (въ дѣлѣ упоминается, впрочемъ, свидѣтельство о продажѣ Заварзина Жуковскому Толбузинымъ). Заварзинъ нѣсколько лѣтъ служилъ своему новому хозяину, сопровождая его въ служебныхъ разъѣздахъ; во время одного изъ подобныхъ передвиженій въ подольской губ. ямпольскаго уѣзда въ с. Петросѣ онъ женился на шляхтянкѣ Прасковіи Порохницкой. Наконецъ лѣтъ 7 тому назадъ Жуковскій умеръ въ г. Чаусахъ могилевской губ. Заварзинъ же, оставшись безъ всякаго письменнаго вида, пересланъ изъ г. Брянска въ Кіевъ и уже болѣе 5 лѣтъ находится

[1]) „Старыя дѣла“ К. Ц. Архива. Дѣло объ ищущемъ свободы изъ владѣнія капитана турецкихъ войскъ Балабана человѣкѣ Василіи Заварзинѣ.

въ услуженіи у Балабана, который считаетъ его своимъ крѣпостнымъ. Балабанъ въ удостовѣреніе своихъ правъ представилъ только *свидѣтельство на свободное проживаніе въ Россійской Имперіи* и заявилъ, что Заварзинъ достался ему послѣ смерти его воспитанника, поручика Жуковскаго, не оставившаго никакихъ по себѣ родственниковъ.

Кіевскій уѣздный судъ, разсмотрѣвъ это дѣло 28 іюня 1835 г., постановилъ: «означеннаго Заварзина до явки оказаться еще могущихъ какихъ либо родственниковъ умершаго Жуковскаго, *въ теченіи десятилѣтняго срока*, не признавая его свободнаго состоянія человѣкомъ, *оставить онаго только въ должномъ къ Балабану повиновеніи и послушаніи за установленную по обыкновенію награду*, по истеченіи котораго срока и за неявкою никакихъ родственниковъ умершаго Жуковскаго останется онъ *какъ вымороченный* (sic) вольнымъ избрать себѣ родъ жизни, а до того времени, дабы не оставался прописаннымъ по ревизіи, обязать Балабана подать о немъ ревизскую сказку за наслѣдниками Жуковскаго и уплатить казенныя подати».

Уѣздный стряпчій А. П. Мануиловъ подалъ на это рѣшеніе апелляціонную жалобу, въ которой заявлялъ, что рѣшеніе уѣзднаго суда «есть вовсе неправое и съ существомъ дѣла и законами несогласное», такъ какъ 1) Балабанъ не состоялъ ни въ какомъ родствѣ съ Жуковскимъ, а потому не можетъ быть его наслѣдникомъ; 2) Балабанъ ни духовнымъ завѣщаніемъ ни другимъ какимъ либо актомъ не назначенъ на распоряженіе человѣкомъ Заварзинымъ; 3) наслѣдники Жуковскаго уже были вызываемы, но не явились и потому назначенный судомъ десятилѣтній срокъ для явки ихъ есть неумѣстный и излишній, противорѣчащій законамъ о публикаціи; 4) предположенная уѣзднымъ судомъ записка Заварзина за наслѣдниками Жуковскаго, не только неизвѣстными, но даже, какъ видно, не существующими, ни съ чѣмъ не сообразна, тѣмъ болѣе, что и самъ Балабанъ, не будучи дворяниномъ Россійской Имперіи не можетъ владѣть крестьянами и не иначе можетъ имѣть у себя въ услуженіи людей, какъ по узаконеннымъ паспортамъ на общемъ основаніи.

Кіевская палата гражданскаго суда согласилась съ мнѣніемъ стряпчаго Мануилова и 7 марта 1838 г. рѣшила предоставить Заварзину избрать родъ жизни свободнаго состоянія. Заварзину выдана была копія этого рѣшенія, по которой онъ и проживалъ въ Кіевѣ. Тѣмъ не менѣе дѣло еще не кончилось, потому что рѣшеніе не было объявлено Балабану. Когда же въ ноябрѣ 1841 года кіевская полиція сообщила, что Балабанъ умре, палата постановила «предписать кіев-

ской полиціи указомъ, чтобы она, удостовѣрясь со всею аккуратностью, *нѣ осталось ли послѣ смерти Балабана какихъ наслѣдниковъ и гдѣ они находятся*, донесла палатѣ немедленно; при томъ буде таковые находятся въ Кіевѣ, то обязала ихъ подпискою явиться въ палату въ семидневный срокъ для слушанія рѣшенія». Полиція въ апрѣлѣ 1842 г. донесла, что наслѣдниковъ Балабана въ Кіевѣ не оказалось. Палата, не удовлетворившись этимъ отвѣтомъ, постановила вызвать наслѣдниковъ посредствомъ публикаціи въ Сенатскихъ Вѣдомостяхъ и только, по истеченіи законнаго срока, уже въ 1843 году, т. е. чрезъ 8 лѣтъ послѣ начала дѣла, Заварзинъ былъ признанъ свободнымъ.

В. Щербина.

„Правная грамота" православнаго священника 1777 года.

Извѣстно, что конецъ XVIII в. въ Польшѣ былъ временемъ наибольшаго угнетенія «диссидентовъ», между которыми значительное большинство составляло православное населеніе ю. з. края. Еще въ 1732 г. противъ диссидентовъ изданы были чрезвычайно суровыя постановленія. Хотя въ 1768, по требованію русскаго правительства, постановленія эти были отмѣнены, но послѣ перваго раздѣла Польши «русское правительство сдѣлало значительныя уступки общественному мнѣнію польской шляхты въ отношеніи религіознаго вопроса» и согласилось, по трактату 1775 г., какъ на ограниченіе политическихъ правъ диссидентовъ (исключеніе ихъ изъ сената и министерствъ, почти полное исключеніе изъ сейма), такъ и на ограниченіе свободы вѣроисповѣданія (запрещеніе публичныхъ похоронъ употребленіе колоколовъ при церквахъ) и нѣкоторыхъ другихъ правъ. «Распространеніе шляхтичами уніи и изгнаніе ими послѣднихъ православныхъ духовныхъ должно было теперь продолжаться съ полнымъ успѣхомъ и достичь давно желанной цѣли» [1]).

Въ статьѣ г. Храневича, помѣщенной въ сентябрьской книжкѣ «Кіевской Старины», сообщается, на основаніи архивныхъ документовъ, множество фактовъ, рисующихъ положеніе православнаго духовенства ю. з. края въ эту эпоху. Въ дополненіе къ этимъ фактамъ считаемъ нелишнимъ привести слѣдующій документъ, найденный нами въ одномъ изъ дѣлъ Кіев. центр. архива.

---

[1]) Архивъ ю.-з. Россіи, часть I, томъ IV—предисловіе В. Б. Антоновича.

Michał na Visziczu y Jarosławiu Hrabia, Swiętego Panstwa Rzymskiego Xiąze Łubomirski, Woiewodzic Kijowski, Pułkownik Regimentu pieszego Ostrogskiego, Orderu S. Huberta Kawaler, na Dubnie, Smiłey, Zabotynie y Innych Pan y Dziedzic.

Poniewaz Poddani moi Dziedziczni Dobr wsi Jablonowki klucza Zabotynskiego mieszkancy Supplikowali o to abym Konctantego Iwanowicza, Parocha przy Cerkwi Swiętego Jana Bogusława, utrzymał, przeto, zostawując Poddanstwu względem Religii Wolnosc do nieiakiego Czasu, poki Najasnieysza Rzecz-Pospolita iakowego nie uczyni rozrządzenia, temuz swiaszczennikowi przy tey Parochiy umieszczeniasię, obowiązkow Religii swoey sprawowania y wszelkich z teyze Parochii uzytkow partycypowania dozwalam. Ostrzega się zas ninieyszym dokumentom, aby pomieniony Swiaszczennik zadney z Dworzem Dziedzicznym y Gromadą nie czynioł klotni, y aby zadney, krom własney Dziedziczney nie szukał Protekcyi pod niewaznoscią tegoz pozwolenia. Ktory dokument dla większy wagi y pewnosci Ręką moią Własną podpisuię 26 octobris 1777 roku, w zamku moim Dziedzicznym Zabotynskiem. Przydaiesię do tey Parochii Grontu wyrobianego w kazdą Rękę po dni pięc, iakoz sianozęc podług proporcyi. Co wszystko ma byc od zwierchnosci umiarkowane bez krzywdy iednak poddanych.—M. X. Lubomirski. L. S. [1])

Грамота эта, очевидно, замѣняла собою обычную презенту, но презента обыкновенно и служила презентой, т. е. представленіемъ

[1]) Михаилъ на Вышичѣ и Ярославѣ графъ, священной римской Имперіи князь Любомирскій, Воеводичъ Кіевскій, полковникъ пѣхотнаго Острожскаго полка, кавалеръ ордена Св. Губерта, господинъ и наслѣдственный владѣтель Дубна, Смѣлы Жаботина и иныхъ.

Такъ какъ мои наслѣдственные подданные, жители с. Яблоновки, Жаботинскаго ключа, просили, чтобы я оставилъ священникомъ при церкви св. Іоанна Богослова Константина Ивановича, то, оставляя за подданными свободу вѣроисповѣданія до нѣкотораго времени, пока Найаснѣйшая Рѣчь Посполитая не учинитъ какого-либо распоряженія, дозволяю этому священнику занять тотъ приходъ, исполнять то, къ чему обязываетъ его религія, и пользоваться всѣми доходами. Причемъ настоящимъ документомъ предостерегаю, чтобы упомянутый священникъ не вступалъ ни въ какія пререканія съ владѣльческимъ дворомъ и грамадою и не искалъ никакой протекціи, кромѣ какъ у владѣльца; въ противномъ же случаѣ настоящее позволеніе теряетъ силу. Документъ сей для большаго значенія и достовѣрности подписываю собственною моею рукою 26 октября 1777 года въ наслѣдственномъ моемъ замкѣ Жаботинскомъ.—Придается къ этому приходу обработанной земли въ каждую руку по 5 дней и пропорціонально тому сѣнокосъ. Все это должно быть опредѣлено властями, но безъ обиды для подданныхъ—М. К. Любомирскій. М. П.

отъ помѣщика высшей духовной власти, рекомендаціею желаемаго помѣщикомъ кандидата; въ настоящемъ же документѣ помѣщикъ утверждаетъ священника своею властью. Интересны также оговорки относительно временнаго характера вѣротерпимости и относительно исканія чужой протекціи.

В. Щербина.

Индульгенція. Въ архивѣ мидской церкви, ровенскаго уѣзда, волынской губерніи, хранится небезъинтересный въ историческомъ отношеніи документъ прошлаго вѣка, показывающій, къ какимъ средствамъ прибѣгало уніатское духовенство для увеличенія доходовъ своихъ, мѣстами очень бѣдныхъ, церквей. Вотъ подлиный текстъ документа:

«Кипріанъ Стецкій Божіею и Святаго престола апостольскаго благодатію екзарха митрополіи кіевскія, галицкія и всея Россіи, луцкій и острогскій епископъ».

«Всѣмъ, обще и особенно, кому принадлежитъ, а имянно: пречестнѣйшимъ, пречестнымъ, честнымъ мірскаго и монашескаго чина, всякаго достоинства и степене, пресвитеромъ извѣстно творимъ: понеже мы имѣемъ власть въ цѣлихъ луцкой и острогской діецезіяхъ привиліовати олтари, единъ, въ единокоейждо церкви, и тѣмъ отпусты на воспомоществованіе душамъ о надеждѣ воскресенія и жизни вѣчныя представившимся, да казней чистительныхъ свобождаются, надавати: намъ отъ святѣйшаго господина Пія Божіимъ промысломъ папы тоѣ имене ѕ҃ (данъ въ Римѣ року ҂аѱо҃ѳ, дня ки҃ августа) милостивно дану; по силѣ тоей-же власти, единъ олтарь въ парохіальной церкви *Мидцкой* подъ именемъ *Живоначальной Тройцы* водружонъ *Престолъ Великій* къ сему же намѣренію о имени Божіемъ означаемъ и къ томужъ отпусты присовокупляемъ, сице де когда либо священникъ мірскій и коего либо чина, собранія и оустава правильнаго литургію оусопшихъ о души всякого правовѣрнаго, о надеждѣ воскресенія и жизни вѣчнаго оусопшаго на означенномъ Великомъ Престолѣ сице о насъ оупривиліованномъ совершати будетъ, душа та отъ сокровища церкве помощь получитъ ко прощенію и Господа Нашего Іисуса Христа и Преблагословенныя Приснодѣвы Маріи и всѣхъ святыхъ заслугами, ей помоществующими отъ чистительныхъ мукъ свободится симъ писаніемъ *на десять годовъ*, отъ вышепомянутаго дне ки҃ августа числячи служити имущимъ. Въ достовѣрность

сихъ: и прочая. Дадеся въ Рожищахъ, дня к҃, мѣсяца октоврія ҂аѱо҃д року.

Кипріанъ епископъ.

Миколай Любовичъ Судовъ придвор. епископскихъ епар. луц. острог. и апостольскій писаръ.

Мидская церковь существуетъ съ половины прошлаго вѣка. Не смотря на привиллегіи великаго престола, она никогда не обладала достаточными матеріальными средствами, какъ объ этомъ можно судить по даннымъ церковнаго архива. Мидскіе отпусты и индульгенціи не нашли для себя сочувствія въ народѣ.

Ѳ. К—ій.

Вирши про панщину. Въ ровенскомъ уѣздѣ, волынской губерніи, сохранилась въ простонародьи такая *«байка про старе житье»*:

Вже прошлы ты несчастны часы,
Якъ колысь у неволи люде булы;
Паны былы, забывалы,
До сорочки обдыралы,
Що хотилы зъ хаты бралы,
А хто чого не дававъ,
Зъ того шкуру дралы.
Хоть бы мужыкъ и згинувъ,
А мусывъ даты десятыну.
Зналы паны добре зъисты,
Да въ костелахъ въ лавкахъ систы:
На лавкахъ соби посядають
Зъ паненками розмовляють.
Досыть грошей воны малы,
Й по Парижамъ розъизжалы,
Зъ золотымы пидковкамы
Пидъ конскимы копытамы.
Нашу виру зневажалы,
Церквы жидамъ отдавалы,
Насъ зъ собакамы ривнялы.
Экономы зъ нагайкамы
Тялы хлопа канчукамы,
Щей лякалы рекрутамы.
Приказувалы оссаулы:

— «Гоны хлопа шибчей пули,
«Гоны хлопа на панщину!
«А якъ хочешь—лупы въ спыну!
Охъ, пришлы вже тыи лита,
Не забуть намъ того лыха!

Царь нашъ русскій змылувався,
За те луже добре взявся,
Щобы волю хлопамъ даты
Изъ рукъ лядьскихъ одобраты.
Ляхи тутъ-ся зажурылы,
Чорный трулъ [1]) воны надилы.
Ляхи свыты надивають
Воны въ тымъ-ся не встыдають,
«Бо то буйство—не подлежность,
«За те бендзе намъ хвалебность».
Въ чорныхъ сукняхъ воны ходять,
По костелахъ Бога молять:
— «Верны вольность и отчизну,
«Верны люде и панщизну!»
Нема ляху вже прошлого,
Нема йому й быты кого....
Першъ бувало на маіувку,
А тепера на мандрувку.
Мужикъ зъ дручкомъ, та за паномъ;
Панъ крычавъ—той не вважае,
Дручкомъ спыну винъ ровняе.
— «А почекай но ты пане,
«Побалакай но ты зъ хамомъ,
«Тра зъ тобою эквитуватысь...
«Теперъ мужикъ деликатный,
«За хлибъ за соль тоби вдячный»...
Дочекався мужикъ того—

Зловывъ за чубъ пана свого,
Звязавъ йому назадъ руки
Отдавъ його на покуты...

Записано въ м. Степани, ровенскаго уѣзда, со словъ крестьянина, слышавшаго эти „вирши“ въ с. Шпановѣ того-же уѣзда.

Ѳ. К—ій.

[1]) Трауръ.

Реестръ заслуги музыки войсковой року 1711 октоврія. Довбышови—110 золотыхъ, Сурмачеви—110 золотыхъ, Данылови трубачови—110 золотыхъ, Семенови слипому трубачови—50 золотыхъ, Лукьянови трубачови—15 копъ, Даныловому сынови слипому—10 копъ, а всей музыци войсковой окромъ грошевой платы поставъ сукна дарму всимъ шести человикамъ черезъ рокъ давати. Записано сіе по указу Его Милости пана Іоанна Леонтьевича Черняка полковника полтавскаго для памяти (Мѣсская полтавская книга, стр. 306 на обор. Изъ рукописей проф. А. Ѳ. Кистяковскаго).

Этотъ маленькій документъ довольно любопытенъ, ибо даетъ понятіе какъ о составѣ полковой козацкой музыки въ нач. XVIII в., такъ и о ея содержаніи.

Въ полтавскомъ полку было всего 6 музыкантовъ: одинъ довбышъ (бившій въ литавры, а, м. б., въ барабанъ), одинъ сурмачъ, трое трубачей и шестой, игравшій на неизвѣстномъ инструментѣ, быть можетъ, также на трубѣ, а, м. б., на бандурѣ, такъ какъ онъ (былъ слѣпой, хотя впрочемъ и одинъ изъ трубачей также былъ слѣпой). Документальное свидѣтельство о слѣпыхъ музыкантахъ въ козацкихъ малороссійскихъ войскахъ заслуживаетъ полнаго вниманія съ нашей стороны; оказывается, что слѣпыхъ оффиціально принимали въ полковую службу въ качествѣ музыкантовъ и выдавали имъ жалованье наравнѣ съ зрячими.

Сообщилъ **Дм. Багалѣй.**

Московскій Историческій музей. Географическая выставка 1892 года. Попавъ въ Москву недѣли черезъ 2 послѣ открытія тамъ географической выставки, я невольно заинтересовался ею и рѣшилъ осмотрѣть. Любопытнаго тутъ оказалось немало и приходилось просто подгонять себя при осмотрѣ, такъ какъ я располагалъ однимъ только днемъ для этого. Помимо общаго интереса къ ней, я направилъ свое вниманіе, главнымъ образомъ, на то, что далъ югозападный край, Малороссія, и теперь постараюсь подѣлиться своимъ впечатлѣніемъ, отсылая къ газетнымъ и журнальнымъ отчетамъ лицъ, интересующихся работами изъ другихъ областей Россіи. Повторяю, что на осмотръ всей выставки мною былъ употребленъ одинъ день, т. ч. навѣрно на ней осталось и незамѣченное мною, но общее впечатлѣніе по интересующему насъ вопросу—вѣрно. Осмотрѣна выставка была 21-го августа, послѣ чего могли прибавиться новые

экспонаты. Географическая выставка открыта въ первой половинѣ августа и расположена въ 9-ти залахъ, обставленныхъ и декорированныхъ подъ руководствомъ представителей того или другаго научнаго, общественнаго учрежденія, доставившаго свои экспонаты. Это у насъ первая попытка дать, по возможности, полную картину состоянія землевѣдѣнія Россіи. Вы тутъ находите не только результаты работъ по различнымъ отраслямъ землевѣдѣнія, но и характеристику тѣхъ средствъ и условій, при которыхъ совершались работы, иллюстрированныя фотографическими снимками, моделями, и, наконецъ, фотографіи представителей этихъ работъ.

При самомъ даже бѣгломъ осмотрѣ выставки, вамъ бросается въ глаза очень характерная черта ея,—какъ и вообще многихъ начинаній,—это чрезвычайная неравномѣрность распредѣленія экспонатовъ, какъ по отношенію къ территоріи, такъ и къ отдѣльнымъ отраслямъ землевѣдѣнія. На ряду съ самыми детальными и многочисленными работами, относящимися къ одной области, мы находимъ большіе пробѣлы цѣлаго ряда другихъ, заслуживающихъ не меньшаго вниманія. Такъ, «вопросу» о соединеніи Каспійскаго и Аральскаго морей отведена цѣлая зала (9-я), наполненная разнообразными экспонатами... Что же нашелъ по вопросамъ, непосредственно касающимся программы «Кіев. Старины», увидите сами, слѣдуя за мною изъ залы въ залу.

1-я зала наполнена, главнымъ образомъ, работами военнаго вѣдомства, представляя значительную коллекцію военныхъ картъ Россіи, начиная съ самыхъ отдаленныхъ временъ и кончая работами 92-го года. Преобладающее число экспонатовъ касается Азіатской Россіи. Помимо общихъ картъ Руси, захватывающихъ, значитъ, и югъ, мы встрѣчаемъ тутъ 3 плана сторожевыхъ линій въ южной Россіи съ 14-го по 18-й в., 3 карты южныхъ областей Р., «составленныхъ во время присоединенія Малороссіи»; карту Украины, составленную въ царствованіе Анны Іоанновны. Затѣмъ, съ лѣвой стороны той же залы повѣшена карта городищъ Черниговской губ., составленная г. Самоквасовымъ. Тутъ же находится старинный планъ сраженія подъ Полтавою 1709 г. Въ концѣ этой залы на столѣ разложены изданія различныхъ отдѣловъ, «Рус. Имп. Географическаго Общества»; особенно много выставлено отдѣлами Кавказскимъ, Сибирскимъ, трудовъ же бывшаго Юго-Западнаго отд. мы ни чего немогли найти.

Во 2-й залѣ мы находимъ экспонаты министерствъ морского и путей сообщенія, и Главн. Управленія почтъ и телеграфовъ. Работы самыя разнообразныя: карты путей сообщенія, виды и фотографіи ихъ работъ, труды гидрографическихъ экспедицій и пр. пр.

На столѣ въ нѣсколькихъ папкахъ лежитъ подробный планъ Днѣпра. На стѣнѣ съ лѣвой стороны отъ входа виситъ довольно большая карта 3-хъ Днѣпровскихъ пороговъ: Кодацкаго, Сурскаго и Лоханскаго, а около нея виситъ 10 фотографій Ненасытецкаго порога съ разныхъ сторонъ. Работа хорошая, но, какъ сами видите, это какіе-то островки, случайныя присылки изъ интересующихъ насъ уголковъ Руси.

3-я зала заключаетъ экспонаты Горнаго, Лѣсного департ. и департ-а земледѣлія и сельской промышленности, изданія центральнаго статистическаго комитета, нѣкоторыхъ земствъ и работы отдѣльныхъ лицъ по относящимся сюда вопросамъ. Тутъ изслѣдованіе Малороссіи входитъ кой-гдѣ въ общія карты Россіи; спеціальныхъ работъ нѣтъ. Изъ земствъ одно только Полтавское представило болѣе 50.ти томовъ своихъ изданій по изслѣдованію Полтавской губерніи и различнымъ вопросамъ текущей земской статистики.

Слѣдующія двѣ залы (4-я и 5 я) заключаютъ въ себѣ экспонаты географическаго кабинета Московскаго Универ. и межеваго вѣдомства; для нашей задачи мало интересны. Кромѣ стереоскопическихъ видовъ Днѣпра, Подоліи да сборника кружка студентовъ естественниковъ Харьк. Унив-а, тутъ указать не начто.

6-я зала представляетъ наибольшій интересъ для публики, благодаря этнографическому матеріалу. Помимо разнообразныхъ экспонатовъ отъ Москвы и Петербурга, дающихъ наглядную картину жизни этихъ городовъ прежде и теперь, не мало тутъ матеріала, относящагося къ различнымъ областямъ Россіи. Тутъ вы найдете типы, виды Кавказа, Сибири, Твери, Ярославля и др.;—этнографическую карту Пермской губ. Не мало здѣсь предметовъ по этнографіи Бѣлоруссіи (отъ Романова, Добровольскаго и др.); помимо фотографіи, цѣлая бытовая обстановка ихъ (отъ Романова); инородцамъ удѣлена тоже достаточная сравнительно, доля вниманія. Кромѣ всего этого имѣется нѣсколько щитовъ экспонатовъ по этнографіи Сербіи, Греціи, Чехіи, Герцеговины и др.

Посреди зала, на одномъ изъ щитовъ залы съ надписью: «виды западной Россіи» размѣщено небольшое число фотогр. снимковъ Кіева, въ центрѣ которыхъ большая, роскошная фотографія съ надписью: «малороссійскіе кобзари». Вы, дѣйствительно, видите группу слѣпцовъ—кобзарей съ очень типичными физіономіями, въ тѣхъ позахъ, въ которыхъ располагаются они при исполненіи своихъ пѣсенъ. Здѣсь же виситъ нѣсколько типовъ Галичанъ, пришедшихъ «на заработки»,

виды Подоліи и типы малороссовъ съ Подлясья (Сѣдлицкой и Гродненской губ.); послѣднія (16 фотогр.)—отъ г. Янчука.

На одной изъ стѣнъ расположено нѣсколько этнографическихъ картъ Россіи. Особенный интересъ представляетъ «карта южно-русскихъ нарѣчій и говоровъ, составленная въ 71 году по указанію Чубинскаго и Михальчука». Въ общемъ экспонаты, относящіеся до юго-западнаго края, Малороссіи по исполненію хороши, но число ихъ слишкомъ мало, они совершенно теряются среди массы другихъ предметовъ...

Слѣдующія двѣ залы наполнены работами, изданіями различныхъ картографическихъ заведеній, учебными пособіями.

О послѣдней залѣ (9-й) сказано съ самаго начала.

Вотъ и все. Подводя итогъ всего замѣченнаго нами, съ грустью можемъ резюмировать такъ: чрезвычайная скудость экспонатовъ изъ интересующихъ насъ областей! Какъ же объяснить такое явленіе, что цѣлый край, и край обширный, съ тремя университетами въ своихъ предѣлахъ, почти ничего не далъ хотя бы для поверхностнаго уясненія того, что съ детальною подробностью обрисовано во многихъ изъ нашихъ окраинъ на той же самой выставкѣ?!

Причинъ такого явленія не мало, но одна изъ нихъ теперь является особенно наглядною. Это—отсутствіе особаго отдѣла Географическаго Общества, который бы имѣлъ въ виду изученіе даннаго края. И такъ, о такомъ цѣнномъ органѣ, какъ бывшій юго-западный отдѣлъ Геогр. Общ—а, можно пожалѣть, а частнымъ лицамъ, изучающимъ этой край и такъ мало давшимъ выставкѣ, можно сдѣлать даже упрекъ. Еще два слова. Я подвелъ итогъ выставкѣ и по интересующему вопросу нашелъ ее неудовлетворительною. Также точно можете и вы не удовлетвориться моей замѣткой, не найдя въ ней почти ничего, кромѣ перечисленія предметовъ въ извѣстномъ порядкѣ. Но... моя цѣль представить фактическое доказательство моего общаго вывода, изъ котораго слѣдуетъ дальнѣйшій выводъ для лицъ, могущихъ примѣнить его на будущее время. Подробный и обстоятельный разборъ экспонатовъ былъ бы интересенъ тогда, еслибы они, вмѣстѣ взятые, давали что нибудь цѣлое, систематичное, а не представляли изъ себя что-то случайно—попавшее и такъ растерявшееся въ массѣ предметовъ, что его надо выискивать, «открывать» на выставкѣ! [1]).

Сл. Ук.

---

[1]) Желающіе подробнѣе ознакомиться съ бывшей въ Москвѣ Географической выставкой могутъ найти перечень всего въ недавно изданномъ „Каталогѣ выставки“ М. 1892 г. (I—XVI; 1—140 стр. и отд. приложеніе „Каталогъ выставки г. С.-Петербурга“, 1—12 стр.).—Ред.

Интересный приказъ о благопристойности духовенства въ началѣ прошлаго вѣка. Варлаамъ Ванатовичъ, милостію Божіею православній архіепископъ киевскій і галицкій і Малыя Росіи.

Всѣмъ обще духовнаго чина правителемъ катедри нашой кіевской, а іменно пречестнимъ отцемъ протопопамъ: кіевскому, козелецкому нѣжинскому, борзенскому, конотопскому, вороницкому, глуховскому, івановскому, честнимъ намѣстникомъ, презвитеремъ, діакономъ і всему причту духовному ознаймуемъ, пастирско приказуемъ и пилно імѣти хощемъ, даби вси священници, от вишняго до нижняго, отселѣ хранили на себѣ, яко служители Божіи и престолу Господню выну предстоящіи, всякое благообразие; понеже доносится намъ, что за давностию посѣщенія архиерейскаго епархіи кіевской зѣло развратишася заднѣпрскіе попи і в безчинія уклонішася, а имянно: чтобъ одѣяніе ихъ верхнее въ возможности, хотя убогое, но чистое, і не краткое, з рукавами широкими было, и едино черной всячески, а не иной краси, якоже духовний Регламентъ повелѣваетъ в 28 пунктѣ 24 прибавленія; не ходили простовласи, не важили бъ ся по стогнах и по путям спать, не пили бъ по кабаках и по корчмахъ, не шумѣли бъ ходя по улицях пяніи, не сварилися бъ на обѣдах по мужиччу, не храбровали бъ во бояхъ кулачнихъ і прочіи би безчинія и неблагообразія не показовали, от них же миру всѣ происходятъ соблазны. Такожде і шапки не инимъ образомъ дѣлали бъ, но якоже обичай есть іереомъ—бобровие, з вершками черними, імѣли бъ; а в мирскихъ одѣяниях і шапках з духовнихъ членовъ отсели никтоже да не дерзнет ходити; і не носили б леверендъ [1]) на опашкахъ, з чого показуется великое неистовство и кичение, весма іерейскому чину не приличное. Аще кто сему регламенталному і нашему указу пастирскому з духовних членовъ ослушнимъ явится і станет противо указу ходити, з такового повелѣваемъ протопопамъ і намѣстникомъ за первимъ примѣтомъ і постереженіемъ штрафной послини брати по рублю, за другимъ—по два, за третимъ—по три, за четвертимъ—по чотыри рублѣ, а за пятимъ—таковаго, яко презирателя і прислушника пастирскаго нашего указу, в катедру нашу для жестокого і не поблажного наказанія приказуемъ протопопамъ і намѣстникомъ присилат без всякои поблажки и утайки, подъ лишеніемъ сана. Ітакъ вы, протопопи і намѣстницы зо всѣмъ духовенствомъ, скоро сей нашъ пастирский указъ получите, і вы бъ оний по всѣмъ цер-

[1]) Reverenda—одежда духовныхъ; здѣсь разумѣется ряса.

квамъ своимъ промулзовавши (?), во всемъ подлугъ онаго непремѣнно исправлялися, опасаяся на себе лишения чести и жестокаго штрафу; і всякъ би протопопъ, з сего себѣ списка списавши і по всѣмъ попамъ своимъ разославши, вездебы къ двереме церковнимъ поприбивати приказал, даби никто невидениемъ не одговоривался. А штрафніе денги собирати праведно і совѣстно, в единъ ковчежецъ, з запискою, і при доношеніи своемъ въ катедру присилат. Данъ в катедри архиепископской Свято-Софійской кіевской, іануария 20, року 1724.

Звишменований архиепископъ кіевскій рукою власною.

Да при сим же нашомъ указѣ вамъ, протопопамъ и намѣсникомъ, властию нашею архиерейскою повелѣваемъ, даби всякъ протопопъ іли намѣстникъ въ своей протопопіи по всѣмъ церквамъ особно всякаго прихода самое точно число, а не именованіе нарожденихъ младенцовъ, також вѣнчающихся і погрѣбаемихъ людей отъ ануарія прошедшаго 1723 до сего настоящаго 1724 году по того жъ ануарія первое число з матрикъ перечни исписавши начисто, якъ хто возможетъ, найскорае присилали въ катедру, подлинние о томъ метричніе книги всякъ би приходскій священикъ у себя імѣлъ того ради, чтобъ какъ із святѣйшаго правителствующаго синода о томъ ревѣзия (будетъ), імѣли бъ чимъ подлено ответствовать і невидѣніемъ никтожъ не отговаривался бъ.

Сообщилъ **О. Л.**

Первые кіевскіе нотаріусы (1765—68). Учрежденіе въ Кіевѣ должности публичнаго нотаріуса вызвано было интересами великороссійскаго купечества, проживавшаго въ Кіевѣ, Первымъ нотаріусомъ былъ мценскій купецъ Василій Лукьяновъ сынъ Москвитиновъ, отецъ котораго служилъ прикащикомъ у калужскаго купца Семена Матвѣевича Афончикова, давно уже проживавшаго своимъ дворомъ въ Кіевѣ. Юношей 24 лѣтъ Василій Москвитиновъ, женившись на дочери Афончикова, добылъ себѣ въ С.-Петербургѣ въ Декабрѣ 1765 г. указъ Комерцъ-Коллегіи о назначеніи его нотаріусомъ въ Кіевъ. Но служить въ этой должности пришлось ему очень не долго. Въ 1767 году его подвелъ подъ ответственность извѣстный кіевскій дѣлецъ прошлаго вѣка, бывшій кіевскій сотникъ, а тогда отставной полковый осаулъ Павелъ Гудимъ. У этого послѣдняго имѣлись на значительную сумму векселя мѣщанина Петра Жура-

ховскаго, съ которымъ онъ по торговымъ дѣламъ велъ тяжбу, доходившую до Пр. Сената. Москвитиновъ, въ нарушеніе вексельнаго устава, протестовалъ векселя Жураховскаго, когда имъ прошелъ уже срокъ, причемъ приходилъ къ свидѣтелямъ на домъ, убѣждалъ ихъ подписаться на протестѣ, и вообще допустилъ въ угоду Гудиму цѣлый рядъ неправильностей, при которыхъ потерпѣлъ и казенный интересъ. По жалобѣ Жураховскаго и по представленію Кіев. Губ. Канцеляріи, послѣдовалъ указъ Комерцъ-Коллегіи отъ 25 іюля 1767 г. объ отрѣшеніи Москвитинова отъ должности и о назначеніи на его мѣсто другаго по усмотрѣнію Кіев. Губ. Канцеляріи. Послѣдняя порѣшила препроводить Москвитинова подъ конвоемъ въ Мценскій магистратъ «для учиненія съ нимъ по законамъ». [1])

Для отрѣшеннаго отъ должности Москвитинова начался цѣлый рядъ злоключеній! Нанявъ для себя и для своихъ конвойныхъ извощика, онъ доѣхалъ только до Семиполокъ, а здѣсь извощикъ умеръ. Похоронивъ своего извощика и взявши о смерти его удостовѣреніе отъ мѣстнаго священника, Масквитиновъ на тѣхъ же лошадяхъ пріѣхалъ въ Нѣжинъ, гдѣ на постояломъ дворѣ три великороссіянина опознали лошадей знакомаго имъ извощика и „по сумнительству“ представили Москвитинова къ городничему. Послѣ снятаго съ него въ Нѣжинскомъ градскомъ судѣ допроса, онъ былъ отправленъ съ провожатыми въ Кіевъ въ Губ. Канц. Изъ м. Броваровъ его конвоировалъ одинъ только козакъ, котораго онъ, перешедши р. Днѣпръ, угостилъ въ кабакѣ на Невольницкой пристани и убѣдилъ вернуться во свояси, давши ему 10 коп. и расписку отъ себя въ томъ, что де онъ, Москвитиновъ, въ К. Г. К. принятъ. Не являлясь въ Губ. Канц., Москвитиновъ сталъ устраивать въ Кіевѣ свои дѣла и черезъ нѣсколько дней поѣхалъ въ Москву къ брату своему Спиридону и пробылъ тамъ до февраля мѣсяца слѣдующаго 1768 г. Получивши затѣмъ, благодаря поручительству брата, паспортъ изъ Мценскаго магистрата на 10 мѣсяцевъ, онъ ѣздилъ по разнымъ мѣ.

---

[1]) К. Г. Канцелярія, видимо, не знала, гдѣ собственно должна судиться Москвитиновъ и подписавшіеся на протестѣ свидѣтели, и, представляя произведенное по этому дѣлу слѣдствіе въ Комерцъ-Коллегію, просила дальнѣйшихъ распоряженій, но Ком. Коллегія отвѣтила, „что бъ та К. Г. Канц. о всемъ представляемомъ и ею требуемомъ разсмотрѣніе и рѣшеніе учинила сама, ибо оная тѣ[illegible] законы имѣетъ, каковые и Камерцъ-Коллегія, къ тому жъ вексельныя дѣла и разсмотрѣнію не до Ком.-Кол., но до Глав. Магистрата принадлежатъ, понеже въ Ком. Кол. судятся по векселямъ одни только англійскіе купцы, а болѣе никто“.

стамъ и, наконецъ, прибылъ въ Кіевъ, разсчитывая взять съ собой жену, но здѣсь былъ арестованъ, посаженъ на гауптвахту, откуда однако тою же ночью бѣжалъ, и только послѣ поѣздки въ Васильковъ былъ вновь задержанъ знакомымъ канцеляристомъ Губ. Канц. и представленъ въ Губ. Канц. 19 Сентября 1768 г. Дальнѣйшая судьба этого перваго кіевскаго нотаріуса неизвѣстна.

Между тѣмъ, по удаленіи Москвитинова отъ должности, поступили въ Губ. Канц. прошенія о назначеніи на его мѣсто отъ двухъ проживавшихъ въ Кіевѣ великороссійскихъ купцовъ: калужскаго—Бориса Кашина и орловскаго—Никиты Пирошкова. Оба они представставили одобрительныя свидѣтельства отъ торговавшихъ въ Кіевѣ великороссійскихъ купцовъ. На аттестатѣ Кашина было 28 подписей, а у Пирошкова 19. [1])

28 Августа 1767 г. Губ. Канц. опредѣлила нотаріусомъ Пирошкова, и 30-го Августа онъ б. приведенъ къ присягѣ священникомъ церкви преп. Ѳеодосія Дм. Барзаковскимъ. Въ указѣ К. Г. К., данномъ Пирошкову, идетъ обращеніе къ нему съ мѣст. *ты*: «опредѣлить *тебя*... привесть *тебя* къ присягѣ».

И этотъ второй нотаріусъ служилъ очень недолго: и году не прошло, какъ онъ «за слабостію здоровья» [illegible]нести обязанности нотаріуса не пожелалъ и объ увольненіи отъ должности подалъ прошеніе въ Губ. Канц. Но послѣдняя, не давая ему увольненія, обратилась по этому поводу съ запросомъ въ Глав. Магистратъ, а какой послѣдовалъ отвѣтъ изъ дѣла невидно. Пирошковъ же 17-го іюля 1768 г. вторично подалъ о своемъ увольненіи прошеніе, заявляя, что де онъ назначенъ былъ по собственному желанію и по опредѣленію Г. Канц., а не Глав. Магистрата, а потому и указу отъ этого послѣдняго ждать не резонъ.

---

[1]) Многіе изъ этихъ купцовъ имѣли собственные дворы въ Кіевѣ, но числились въ великороссійскихъ городахъ и жили по годовымъ паспортамъ. Желавшіе выбрать Кашина и подписавшіе ему одобреніе были слѣдующіе купцы: *калужскіе*—Кирилъ Рѣшетниковъ, Петръ Быльцовъ, Федоръ Грековъ подписалъ вмѣсто Григ. Болотина, Левъ Сонинъ, Степ. Мамонтовъ, Никита Быльцовъ, Ларіонъ Ивановъ, Петръ Котуновъ, Иванъ Рѣшетниковъ, Степ. Струговщиковъ, Петръ Макаровъ, Фед. Полежаевъ, Иванъ Ивановъ, Лазарь Воротынцевъ, Андрей Быльцевъ, Степ. Каратаевъ, Дм. Пашковъ, Никифоръ Турищевъ, Алексѣй Шемякинъ и Мих. Золотаревъ; *тульскіе*—Ѳедосей Бѣлобородовъ и Павелъ Бубновъ; *путивльскіе*—Николай Калачниковъ, Артамонъ Молчановъ и Петръ Рыжковъ; *вологодскій*—Матв. Винокуровъ, *елисавецкой* (Елисаветградскій) Авр. Долженковъ, *московскій*—Ашлярнъ, за котораго расписался Василій Часновъ.

Во время своего исправленія должности нотаріуса Пирошковъ въ Декабрѣ 1767 г. потребовалъ, чтобы Губ. Канц. обязала великороссійскихъ купцовъ являться къ нему по очереди по два человѣка „для свидѣтельства протесту векселей и подписанія". По этому поводу Губ. Канц. предписала Полиц. Конторѣ сообщить точную вѣдомость, сколько именно великороссійскихъ купцовъ живетъ *въ верхнемъ городѣ и печерскомъ* форштатѣ. По представленной въ февралѣ 1768 г. вѣдомости оказалось такихъ купцовъ въ верхн. городѣ 3 (въ томъ числѣ и самъ Пирошковъ, жившій въ наемномъ домѣ), въ форштатѣ 5 и на крещатикѣ 1. Всѣ они, кромѣ Пирошкова, жили въ собственныхъ домахъ. Очевидно, вся остальная масса великороссійскаго купечества жила на подолѣ, хотя это и нарушало привилегіи кіевскаго магистрата. Это, конечно, хорошо было извѣстно и Губ. Канцеляріи, которая въ своемъ ордерѣ Полиц. Конторѣ игнорировала жительствовавшихъ на подолѣ великороссіянъ, предписывая вызывать къ нотаріусу только тѣхъ, кто жилъ въ тѣхъ частяхъ города, въ которыхъ имѣли право жить великороссійскіе купцы. Въ репортѣ Полиц. Конторы читаемъ: «а хотя показанный нотаріусъ Пирошковъ въ Полиц. Конторѣ объявилъ, что въ нижнемъ городѣ Кіево-Подолѣ великороссійскихъ купецкихъ людей имѣется жительствомъ своими дворами и въ наймахъ у кіевскихъ мѣщанъ довольное число, но токмо о описаніи и присылкѣ вѣдомости о помянутыхъ живущихъ на подолѣ купцахъ и о опредѣленіи ихъ къ помянутому нотаріусу Пирошкову къ протесту векселей и подписанію съ прочими въ томъ указѣ не изображено, и К. П. Контора безъ указу К. Г. Канцеляріи описать не смѣетъ.»

Надо думать, что такое обязательство являться къ нотаріусу въ роли дежурныхъ свидѣтелей и не могло осуществиться: и стѣснительно, и обидно было это для зажиточныхъ купцовъ, которые избирали въ нотаріусы людей «маломочныхъ» и смотрѣли на нихъ просто, какъ на своихъ наемныхъ писарей.

А. А.

Библіографія.

Хрестоматія по исторіи Западной Россіи. Учебное пособіе для учениковъ старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ Ар. Турцевичъ, преподаватель Виленской I-й гимназіи и Виленской римско-католической семинаріи. Вильно. 1892 г.

П. Полевой. Русская исторія съ портретами и картами въ текстѣ. Курсъ элементарный. С. Петербургъ. 1892 г.

При составленіи и изданіи «Хрестоматіи по исторіи западной Россіи» г. Турцевичъ имѣлъ цѣлью лишь удовлетворить нужду въ такомъ пособіи мѣстной средней школы, стоящей въ особыхъ спеціальныхъ условіяхъ, созданныхъ исторіей юго-западнаго края. Но несомнѣнно, что трудъ составителя принесетъ не малую пользу среднимъ учебнымъ заведеніямъ и всей Россіи вообще. Мы не видимъ, собственно говоря, рѣзкой разницы въ положеніяхъ (что касается преподаванія русской исторіи) гимназій всей Россіи, и для общерусской исторіи мы имѣемъ или многотомные труды, или отдѣльныя монографіи по спеціальнымъ вопросамъ или эпохамъ. Такимъ образомъ, трудъ г. Турцевича имѣетъ болѣе широкое значеніе, чѣмъ придаетъ ему самъ составитель, которому всякій, интересующійся успѣхомъ преподаванія отечественной исторіи, долженъ принесть искреннюю благодарность.

Составлена «Хрестоматія», на нашъ взглядъ, во всѣхъ отношеніяхъ хорошо. Статьи, помѣщенныя въ ней, принадлежатъ, по бо́льшей части, самымъ выдающимся нашимъ ученымъ. Тамъ, гдѣ это было необходимо, сокращенія и передѣлки сдѣланы весьма удачно. Статьи, составленныя самимъ г. Турцевичемъ на основаніи спеціальныхъ работъ, отличаются легкимъ и яснымъ изложеніемъ. Особенную благодарность слѣдуетъ принести составителю за включеніе

въ составъ Хрестоматіи историческихъ памятниковъ. Таковы: Судебникъ Казимира Ягайловича, Литовскій Статутъ, инвентари, рѣчь посла Древинскаго, письмо Льва Сапѣги Іосафату Кунцевичу и другіе. По нашему мнѣнію, только ознакомленіе съ первоисточниками, хотябы лишь съ главнѣйшими, даетъ возможность учащемуся представить себѣ картину жизни народа прошедшихъ вѣковъ. Ужъ одно то обстоятельство, что, читая памятникъ, мы слышимъ какъ-бы живыхъ людей говорящими своимъ языкомъ, имѣетъ громадное значеніе. Никакое историческое изложеніе, никакое научное изслѣдованіе не произведетъ на молодую душу такого сильнаго впечатлѣнія, какъ прочтеніе письма Сапѣги или рѣчи посла Древинскаго. Исходя изъ этой мысли, мы считали-бы не лишнимъ, если-бы г. Турцевичъ привелъ цѣликомъ два-три выдающихся мѣста изъ русско-литовскихъ лѣтописей.

Всѣ главнѣйшіе вопросы западно-русской исторіи, всѣ важнѣйшія эпохи ея, можно сказать, нашли себѣ отвѣтъ и выраженіе въ хрестоматіи Г. Турцевича; тѣмъ не менѣе мы позволимъ себѣ высказать нѣсколько замѣчаній о составѣ этой безусловно хорошей книги. Первая статья («Сѣверо-западная Русь подъ властью русскихъ князей») и вторая («Юго-западная Русь подъ властью русскихъ князей») взяты изъ изданія Батюшкова: «Бѣлоруссія и Литва» и «Волынь» и принадлежатъ перу профессора Петрова. Мы ничего не можемъ сказать противъ нихъ уже по одному тому обстоятельству, что въ данный моментъ разбираемъ не ихъ, а «Хрестоматію», но предполагаемъ, что составитель поступилъ бы цѣлесообразнѣе во многихъ отношеніяхъ, если бы воспользовался не указанными уже готовыми статьями, а спеціальными монографіями, которыя, особенно по исторіи юго-западной Россіи, имѣются, какъ напр.: Андріяшева, Дашкевича, Молчановскаго, Грушевскаго и др. Далѣе. Намъ кажется, что слѣдовало бы нѣсколько больше удѣлить мѣста Ливамъ, т. е, сдѣлать тоже, что и въ отношеніи Литвы. Послѣдней посвящены три вступительныя главы: «Древняя Литва», «Литовская миѳологія», «Бытъ древнихъ литовцевъ». О бытѣ ливовъ въ Хрестоматіи г. Турцевича мы не находимъ ничего, потому что нѣсколькихъ строкъ, посвященныхъ этому вопросу въ «Исторіи Ливоніи съ древнѣйшихъ временъ» г. Чешихина, нельзя принимать въ разсчетъ. Намъ, конечно, понятна причина, почему составитель обратилъ бо́льшее вниманіе на бытъ литовскаго племени, но вмѣстѣ съ тѣмъ кажется несовсѣмъ вѣрнымъ взглядъ г. Турцевича на важность роли ливовъ въ исторіи сѣверо-западной Россіи, не говоря уже о финскомъ племени вообще.

Въ настоящее время ливовъ нѣтъ (есть горсть), а между тѣмъ въ то время этотъ народъ занималъ почти все пространство, занятое теперь латышами. Уже этотъ одинъ вопросъ настолько интересенъ, что долженъ былъ-бы найти себѣ мѣсто въ «Хрестоматіи». Затѣмъ отношенія ливовъ въ частности и финскаго племени вообще къ Руси были настолько тѣсны, что это племя заслуживаетъ бо́льшаго вниманія. Оставивъ статьи изъ «Исторіи Ливоніи» г. Чешихина или въ томъ видѣ, какъ они и теперь есть въ Хрестоматіи, или въ нѣсколько сокращенномъ, слѣдовало-бы предпослать хоть одну общую статью, посвященную быту эстовъ и ливовъ (и финновъ вообще) на основаніи трудовъ Кастрена, Видемана, Коскинена, Бэра и др.

Относительно выбора статей нельза спорить, тѣмъ болѣе, что всѣ онѣ вполнѣ удовлетворяютъ своему назначенію. Но все-таки намъ кажется нѣсколько непонятнымъ, почему статьи о Гедыминѣ, Ольгердѣ и Кейстутѣ взяты не изъ монографій Антоновича, а изъ Исторіи Россіи Иловайскаго; почему такъ мало мѣста отведено протестантскому движенію въ Литвѣ? Совершенно оставлены безъ вниманія работы Любовича. Весьма интересныя и назидательныя картины изъ исторіи просвѣщенія и протестантскаго движенія въ западной Россіи можно-бы извлечь изъ статей Ор. Левицкаго, печатавшихся въ журналѣ «Кіевская Старина».

Все сказанное нами о желательныхъ пополненіяхъ «Хрестоматіи» г. Турцевича, о выборѣ статей и ихъ замѣнѣ другими—все это нисколько не убавляетъ значенія разсматриваемаго труда. «Хрестоматія по Исторіи Западной Россіи» является цѣннымъ вкладомъ въ нашу богатую не качественно, а лишь количественно, учебную литературу.

Переходя теперь къ «Русской Исторіи» г. Полевого, мы должны сказать, что издана она довольно изящно, по изложенію и выбору матерьяла удовлетворяетъ цѣли быть учебникомъ въ III классѣ, хотя учебникъ могъ-бы быть и нѣсколько менѣе подробенъ, особенно не мѣшало-бы сократить число рѣчей и великихъ словъ дѣйствующихъ лицъ, тѣмъ болѣе, что они не вездѣ точно приведены. Но признавая разсматриваемую книгу удовлетворяющею своему назначенію, мы не можемъ однакоже не высказать своихъ pia desideria относительно нѣкоторыхъ фактическихъ пополненій и измѣненій. Намъ кажется, напримѣръ, что можно бы учебникъ и не начинать фразой: «тысячу лѣтъ тому назадъ, т. е. въ IX в. по Рождествѣ Христовѣ, нынѣшнее обширное и могущественное Россійское государство еще не существовало». Дѣло

въ томъ, что въ IX в. оно уже существовало, если мы даже возьмемъ лѣтописную дату *862* г., и что наука русской исторіи въ настоящее время пришла къ выводу, что Русское государство образовалось раньше 862 г., хотя на вопросъ «когда?» и нельзя дать отвѣта. Къ этому приводятъ работы ученыхъ и норманской школы. Впрочемъ, это обстоятельство не имѣетъ особой важности. Гораздо важнѣе неясности, недомолвки, неточности и пропуски, которые мы находимъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ учебника.

Прежде всего необходимо, чтобы для ребенка такого возраста, какъ ученикъ III класса, было все ясно, точно, опредѣленно. Разсчитывать на то, что преподаватель-де добавитъ недосказанное, не слѣдуетъ: въ классѣ можно дѣлать добавленія, чтобы придать уроку болѣе интереса, но все, что нужно для яснаго пониманія изучаемаго предмета, все это должно быть въ самомъ учебникѣ. Такъ напр., на стр. 22 авторъ говоритъ: «такъ называемая Ливонія». Почему «Ливонія», какъ образовался Ливонскій орденъ —ничего этого въ учебникѣ нѣтъ. Полевой, видимо, самъ чувствовалъ, что отвѣтить на эти вопросы надо, а потому на 33 стр. устроилъ надъ текстомъ маленькое примѣчаніе съ этою цѣлью.

Ученикъ на 22 стр. будетъ запоминать «такъ называемую Ливонію» и долженъ догадаться, что черезъ 11 страницъ есть объясненіе сему выраженію. Вообще у автора народы падаютъ съ неба: являются печенѣги, половцы, татары, литва; всѣ они выростаютъ, какъ грибы, на равнинѣ восточной Европы. Почему также къ хазарамъ прилагается эпитетъ «хищные»—для насъ непонятно: исторія хазаръ достаточно извѣстна, и по отношеніямъ своимъ къ нашимъ предкамъ они заслуживаютъ лучшей памяти. Замѣтимъ еще, что печенѣги при Святославѣ были уже народъ не новый, ибо явились при Игорѣ. Обращаютъ на себя вниманіе и нѣкоторыя неточности. Такъ въ XII вѣкѣ показаны отдѣльно княжества Черниговское и Сѣверское, а между тѣмъ обособленности между ними не было: въ такомъ случаѣ надобы уже раздѣлить княжества Рязанское и Муромское. Затѣмъ, хотя родъ св. Ѳеодосія происходилъ изъ г. Василіева, но пришелъ онъ въ Кіевъ изъ Курска, о чемъ и слѣдовало сказать. Неизвѣстно, какой былъ князь Мстиславъ Удалой. Да ихъ было на Калкѣ цѣлыхъ три, и они заслуживаютъ быть упомянутыми. Калкская битва происходила не въ 1224 г., а въ 1223. Интересно намъ также, почему такъ подробно разсказано объ осадѣ Пскова Баторіемъ, и такъ сжато передано о взятіи Казани. По крайней мѣрѣ на нашъ взглядъ второе событіе

имѣетъ громадное значеніе въ Русской исторіи, а первое никакого. Если говорить о нравственно-воспитательномъ значеніи этихъ событій, то они не уступаютъ одно другому въ этомъ отношеніи. Намъ кажется также, что разсказъ объ уніяхъ люблинской и церковной долженъ быть нѣсколько подробнѣе. Что особенно поразило насъ въ разбираемомъ учебникѣ, такъ это полнѣйшее несоотвѣтствіе между современнымъ состояніемъ русской исторической науки и изложеніемъ исторіи смутнаго времени г. Полевого. Мы, какъ раньше при разборѣ учебниковъ, такъ и теперь держимся того мнѣнія, что матерьялъ для умственной работы воспитанника долженъ даваться свѣжій, незалежалый, то есть, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ предлагается современной наукой, какой-бы отрасли знанія это ни касалось. Заканчиваемъ нашъ краткій отчетъ пожеланіемъ пересмотра разсматриваемаго учебника, который, не смотря на всѣ указанные недостатки, имѣетъ и положительныя качества.

П. Г.

Aleksander Czołowski. Z przeszłości Jesupola i okolicy. Lwów, 1890. (Ал. Чоловскій. Изъ исторіи Езуполя и окрестностей). Стр. 163, in--16.

Въ незначительной по объему монографіи г. Чоловскаго (появившейся первоначально въ журналѣ «Przewodnik naukowy i literacki») весьма добросовѣстно и умѣло сгруппированы всѣ данныя для исторіи галицкаго с. Чешибисы, впослѣдствіи г. Езуполя, какія удалось автору извлечь изъ напечатанныхъ уже актовъ и мѣстныхъ архивовъ. Исторія незначительнаго села, возникшаго вѣроятно не ранѣе 14 в. на правомъ берегу Днѣстра въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Галича, какъ въ фокусѣ отражаетъ въ себѣ судьбы галицкаго Покутья, извѣстныя уже въ общихъ чертахъ, но требующія детальной разработки. Своевременность и польза подобныхъ изысканій, число которыхъ замѣтно возрастаетъ, не требуютъ поясненій.

Сопоставленіе названія села съ Бессами Птоломея и Биссами-Печенѣгами принадлежитъ, какъ кажется, къ разряду догадокъ неудачныхъ и во всякомъ случаѣ безплодныхъ. Корнесловіе Чешибисовъ не требуетъ, повидимому, углубленія въ туманную даль вѣковъ. Впрочемъ, эта слабая сторона работы г. Чоловскаго не играетъ особой роли, тѣмъ болѣе, что авторъ пользуется случаемъ для сообщенія любопытныхъ мѣстныхъ повѣрій о чертяхъ, вѣдьмахъ, вовкулакахъ, ве-

летняхъ, о провалившемся монастырѣ, колокола котораго и теперь еще слышны въ глубинѣ земной, поглотившей во времена оны впавшихъ въ грѣхъ роскоши черицовъ. Переходя къ эпохѣ исторической, авторъ просто и безхитростно разсказываетъ о дѣяніяхъ владѣльцевъ Езуполя и приводитъ немало новыхъ данныхъ для характеристики мѣстнаго быта и экономическихъ отношеній на протяженіи четырехъ вѣковъ. Длинной вереницей проходятъ передъ читателемъ вельможные Бучацкіе, Тенчинскіе, Зборовскіе, Потоцкіе, Яблоновскіе, картины пограничныхъ и внутреннихъ междоусобій и разбоевъ, какой-то судорожной, безтолковой сутолоки, наряду съ менѣе кричащими фактами кровавыхъ усилій мѣстнаго насенія, искавшаго опорныхъ пунктовъ для мирнаго труда и для защиты собственнаго существованія. Въ мастерскомъ пересказѣ г. Чоловскаго, судьбы Чешибисовъ—Езуполя полны глубокаго, захватывающаго интереса, если при чтеніи исторіи этой пограничной крѣпостцы не забываешь общей исторіи Галичины въ связи съ исторіей поглотившаго русскую окраину польскаго государства,—таково свойство безпритязательной манеры изложенія, образчикъ которой представляетъ монографія г. Чоловскаго. Въ концѣ книги издано нѣсколько неизвѣстныхъ доселѣ актовъ, относящихся къ исторіи Езуполя.

Современнаго положенія города и окрестныхъ селъ авторъ почти не касается, не слѣдуя въ этомъ отношеніи примѣру историка сосѣдняго Станиславова г. Шарловскаго (см. Кіев. Стар. 1891 г. февр.). Г. Чоловскій меланхолически отмѣчаетъ лишь, что характеръ поселенія нынѣ измѣнился: исчезли замковыя стѣны, населеніе увеличилось, мѣщане превратились въ мужиковъ, повсюду пустилъ корни пришлый еврей, благосостояніе далеко не бросается въ глаза, и только остатки стѣнъ, слѣды рвовъ и валовъ, могилы на окрестныхъ поляхъ да повѣсть селянина напоминаютъ давно минувшее. Книга г. Чоловскаго даетъ основаніе припомнить, что и въ давно минувшемъ «благосостояніе» далеко не било въ глаза.

Н. М.

Изданія общества юго-западныхъ желѣзныхъ дорогъ:—

Экономическое изслѣдованіе района Новоселицкихъ вѣтвей. Съ приложеніемъ плана вѣтвей и 196 таблицъ (Кіевъ, 1890). Стр. 289, in—4.

О постройкѣ Херсонскихъ вѣтвей. Съ приложеніемъ 10 верстной карты района вѣтвей и 49 таблицъ (Кіевъ, 1891). Стр. 89+34, in—4.

Въ приведенныхъ изданіяхъ (не имѣющихся въ продажѣ) сгруппированы главнымъ образомъ цифровыя данныя, выясняющія значеніе проектированныхъ рельсовыхъ путей для грузоваго и пассажирскаго движенія въ районахъ и, въ зависимости отъ этого, степень выгодности предположенныхъ сооруженій. Чисто практическая задача обоихъ сборниковъ не лишаетъ ихъ однако и общаго интереса, особенно если принять въ разсчетъ чрезвычайную скудость точно провѣренныхъ и научно разработанныхъ данныхъ для характеристики экономической жизни юга Россіи и, въ частности, губерній не—земскихъ. Редакторы сборниковъ воспользовались всѣми изданными уже оффиціальными и частными матеріалами, но кромѣ того, большимъ подспорьемъ служили данныя, собранныя непосредственно отъ волостныхъ правленій, опросы мѣстныхъ торговцевъ и земледѣльцевъ, донесенія желѣзнодорожныхъ агентовъ, выписки изъ книгъ и документовъ мѣстныхъ торговыхъ и промышленныхъ фирмъ и конторъ, и т. п. Безъ сомнѣнія, свѣдѣнія волостныхъ правленій, собранныя по листамъ, не могутъ отличаться точностью, но и они были подвергнуты провѣркѣ въ случаяхъ явныхъ несообразностей. Точно также и сообщенія городскихъ управъ весьма часто оказывались прямо невѣроятными, что отнюдь не ускользнуло отъ вниманія редакторовъ, употребившихъ немало труда на провѣрку и систематизацію собранныхъ такимъ образомъ матеріаловъ.

Районъ изслѣдованія обнимаетъ уѣзды хотинскій, сорокскій, бѣлецкій, оргѣевскій, балтскій, ольгопольскій, ямпольскій, могилевскій, ушицкій, каменецъ-подольскій, уманскій, звенигородскій, чигиринскій, гайсинскій, елисаветградскій, ананьевскій, тираспольскій и одесскій. Кромѣ подробныхъ данныхъ о ввозѣ и вывозѣ грузовъ разнаго рода и размѣрѣ пассажирскаго движенія, для уѣздовъ района Новоселицкихъ вѣтвей приведены указанія на главные торговые пункты и ихъ обороты по ввозу и вывозу, ярмарки и базары, фабрики и заводы. Статистическимъ перечнямъ въ обоихъ изданіяхъ предпосланы подробныя техническія и топографическія описанія районовъ и, по возможности, геологическіе очерки мѣстности. При

сводкѣ цифровыхъ данныхъ редакторами обращено, конечно, особенное вниманіе на сельскохозяйственную производительность, какъ самую интересную для предпріятія. Въ подробныхъ таблицахъ указано распредѣленіе земель каждой волости по угодьямъ, роду засѣваемыхъ хлѣбовъ, по количеству мѣръ зерна, высѣваемаго на десятинѣ, среднему сбору съ десятины; размѣръ производства, сбыта и потребленія хлѣбныхъ продуктовъ въ каждой волости выдѣленъ въ спеціальныя таблицы. Подобная же система принята редакторами и для характеристики всѣхъ другихъ отраслей мѣстныхъ производствъ и распредѣленія послѣднихъ. Значеніе торговыхъ пунктовъ въ отношеніи ввоза, вывоза и внутренняго оборота по возможности выражено въ точныхъ цифрахъ, сгруппированныхъ въ рядѣ таблицъ.

Изъ этого простого перечня можно заключить о разносторонности задачъ, предстоявшихъ редакторамъ, и обширности исполненныхъ по такой программѣ предварительныхъ работъ.

Особенною обстоятельностью отличается изслѣдованіе района Новоселицкихъ вѣтвей, исполненное подъ руководствомъ инженера К. Завадскаго. Помимо указанныхъ выше подробныхъ цифровыхъ данныхъ, въ этомъ сборникѣ сообщаются нѣкоторыя историческія справки и приводятся общія характеристики не только природы и условій производительности, но и живыхъ людей. Въ послѣднемъ отношеніи болѣе всего удѣлено вниманія сѣвернымъ уѣздамъ бессарабской губерніи. Условія сельскаго хозяйства части подольской губерніи, входящей въ описываемый районъ, какъ аналогичныя, г. Завадскій счелъ излишнимъ характеризовать особо, во избѣжаніе повтореній. Приводимыя въ книгѣ наблюденія общаго характера мало утѣшительны. Въ системѣ обработки земель и въ орудіяхъ производства улучшеній или вовсе не видно, или они ничтожны; крестьянскія земли уже достаточно истощены и ухудшаются съ каждымъ годомъ; площадь луговъ и пастбищъ быстро сокращается; огородничество, садоводство, винодѣліе, шелководство не развиваются; табаководство (введеніе котораго въ Бессарабіи въ началѣ XVII в. приписываютъ малороссійскимъ поселенцамъ) постепенно приходитъ въ упадокъ и быстро сокращается; пчеловодство ничтожно; истребленіе лѣсовъ, до изданія лѣсоохранительнаго закона, сдѣлало гигантскіе шаги; скотоводство, съ давнихъ временъ составлявшее главное занятіе жителей Бессарабіи, значительно сократилось, вывозъ скота (исключая свиней) ничтоженъ; овцеводство не развивается и не даетъ значительнаго заработка крестьянскому населенію; фабричная и завод-

ская промышленности находятся на низкой степени развитія. Заработки отъ побочныхъ промысловъ уменьшаются еще отъ невыгодныхъ условій сбыта и зависимости отъ спекулянтовъ разнаго рода, особенно евреевъ. «Для молдаванъ и малороссовъ—сообщаетъ г. Завадскій—табаководство не особенно выгодно, такъ какъ они находятся въ рукахъ евреевъ. Поэтому, главнымъ образомъ, табаководствомъ въ хотинскомъ уѣздѣ занимаются греки и армяне, которые умѣютъ обходить и евреевъ» (стр. 70). «Табаководство почти прервало всякія связи съ хозяйствомъ, вышло изъ рукъ поселянъ и стало спекулятивнымъ. Такъ напр., въ 1886 году въ хотинскомъ уѣздѣ изъ числа всѣхъ плантацій только 12% обрабатывалось самими владѣльцами ихъ, а 88% сдавалось въ аренду. Въ числѣ арендаторовъ 87% было евреевъ... Съ образованіемъ спекулятивныхъ плантацій и отдѣленіемъ ихъ отъ хозяйства, если и увеличился спросъ на рабочія руки, то—взрослыхъ рабочихъ; главный же источникъ выгоды крестьянина (трудъ дѣтей и женщинъ на табачныхъ плантаціяхъ) изсякъ, ибо лично свой трудъ онъ и безъ того можетъ продать или полезно помѣстить во всякомъ другомъ дѣлѣ. Сравнительно большой спросъ на трудъ крестьянина, какъ *рабочаго* на чужой плантаціи, не вознаграждаетъ ему той потери, которую онъ понесъ, какъ *предпринимателя*, въ формѣ предпринимательской прибыли. Это потеря не только его личная, но и потеря всего края, потому что получавшаяся имъ предпринимательская прибыль не отчуждалась изъ страны, какъ это происходитъ въ большинствѣ случаевъ въ настоящее время, когда главнымъ спекулирующимъ табачною культурою предпринимателемъ является еврей, нисколько съ хозяйствомъ края не связанный». Для поднятія табаководства въ Бессарабіи, по мнѣнію г. редактора сборника, слѣдуетъ лишь допустить пріемъ обществомъ на коммиссію, съ выдачею ссудъ, даже самыхъ мелкихъ партій табака, исключительно отъ владѣльцевъ плантацій, а не отъ арендаторовъ... (стр. 74 сл.).

Не лучше поставленъ и сбытъ шерсти. Ожидаемые запасы обыкновенно запродаются крестьянами спекулянтамъ за 4—5 мѣсяцевъ до стрижки, по убыточнымъ цѣнамъ. Крупные покупатели вынуждены обращаться къ евреямъ—скупщикамъ; цѣны несоразмѣрно возвышаются, товаръ фальсификуется всевозможными способами. Система надувательства крестьянъ мелкими спекулянтами—скупщиками доведена до художественности (стр. 96 сл.). Summa summarum—«вслѣдствіе полной апатіи какъ самаго населенія Бессарабіи, такъ и

его представителей—земскихъ дѣятелей, евреи являются главными распорядителями и хозяевами края» (стр. 108).

Наблюденія, вродѣ цитированныхъ выше, допускаютъ самую разнообразную оцѣнку,—все зависитъ отъ угла зрѣнія. Такъ напр., съ точки зрѣнія коммерческихъ интересовъ общества, мало вѣроятно принятіе рекомендуемой г. редакторомъ мѣры для поднятія бессарабскаго табаководства; съ точки зрѣнія историко-экономической, мало вѣроятно, чтобы подобная мѣра, если даже будетъ принята, привела къ какимъ-либо замѣтнымъ результатамъ; съ точки зрѣнія мѣстныхъ табаководовъ, мѣра эта возвратитъ производству прежнее процвѣтаніе. Вотъ еще образчикъ поспѣшнаго обобщенія, навѣяннаго сообщеніями мѣстныхъ корреспондентовъ: «все населеніе Бессарабіи вообще очень плохіе работники. Въ годы урожая винограда мѣстнаго рабочаго почти невозможно найти ни за какія деньги, такъ что землевладѣльцы вынуждены приводить рабочихъ изъ другихъ губерній. Добросовѣстнѣе другихъ это, впрочемъ, руссины хотинскаго уѣзда». Поденная плата колеблется между 40 коп. и 1 р. 50 коп. (стр. 109). Какъ фактъ, сообщеніе очень интересно; какъ сужденіе—цѣнность его весьма незначительна.

Должно жалѣть, что настоящіе сборники не поступали въ продажу.

Н. М.

Обозрѣніе журналовъ [1]).

Русская Мысль 1892 года № 4—9. *А. Я. Ефименко.* «*Дворищное землевладѣніе въ южной Руси*» (IV, 156—177; V, 1—16).

Авторъ имѣетъ цѣлью объяснить происхожденіе сѣбриннаго землевладѣнія въ Малороссіи, связавъ его съ такъ наз. дворищнымъ землевладѣніемъ литовской Руси. «Начало исторіи формъ малорусскаго землевладѣнія, говоритъ онъ, надо отнести къ литовско-русскому періоду, дальше котораго, за отсутствіемъ документальныхъ свидѣтельствъ, все погружается въ мракъ».

Исторія эта начинается господствомъ дворищной формы. Дворище является основною ячейкой: уяснить себѣ его существо—значитъ понять главную нить въ развитіи формъ малорусскаго землевладѣнія. Но понять организацію дворища лишь при помощи сохранившихся историческихъ документовъ почти не-

---

[1]) См. „Кіевск. Стар.“ № 10.

возможно, если не призвать на помощь аналогію сѣверно-русской «деревни», что авторъ и дѣлаетъ.

Въ заключеніе онъ высказываетъ, хотя нѣсколько парадоксально, положеніе, что личное землевладѣніе было господствующею формою въ Малороссіи и что общиннаго землевладѣнія не существовало. Исходя изъ такого положенія, авторъ критикуетъ и извѣстныя статьи проф. Лучицкаго о землевладѣніи въ Малороссіи.

Въ отдѣлѣ библіографіи помѣщены отзывы о книгахъ 1) *Г. Джаншіева* «Изъ эпохи великихъ реформъ. М. 1892 г.; 2) *А. Г. Брикнера* «Потемкинъ»; 3) *Н. Ѳ. Сумцова* «Культурныя переживанія» К. 1890; 4) *А. Соболевскаго* «Древній церковно-славянскій языкъ. Фонетика». М. 1891. 5) *Его же.* Лекціи по исторіи русскаго языка, изд. 2-е Спб. 1891. (Кн. IV). 6) *«Кіевскій Сборникъ* въ помощь пострадавшимъ отъ неурожая»» К. 1892; 7) *Торбына реготу* (по отзыву рецензента—«сплошная пошлость»); 8) Хутиръ. Малорусскій литературный збирнякъ на 1890 рикъ. Зибравъ *Т. В. Калениченко.* Кобеляки 1891; 9) Русскія древности въ памятникахъ искусства, издаваемыя гр. *И. Толстымъ и Н. Кондаковымъ.* Вып. IV. Христіанскія древности Крыма, Кавказа и Кіева. Спб. 1891; 10) Матеріалы для статистики Одессы. Статистическое Обозрѣніе Одессы за 1890 г.; 11) Памятная книжка Воронежской губерніи на 1892; 12) Кубанскій Сборникъ т. II; 13) *В. В. Докучаева* «Наши степи теперь и прежде» Спб. 1892; 14) *И. М. Рева* «Кіевское сельско-хозяйственное О—во, его дѣятели и его дѣятельность; 15) Матеріалы по изученію русскихъ почвъ. *А. Совѣтова и В. Докучаева.* Выпускъ VII. Спб. 1892; статья г. Богушевскаго о почвеннымъ типахъ Гадяцк. уѣзда (VI); 16) *А. М. Скабичевскій* «Очерки по исторіи русской цензуры; 17) *Е. Р. Романова* «Бѣлорусскій Сборникъ»; 18) Статистика Россійской Имперіи: XIII. Проституція въ Россійской имперіи; 19) Отчетъ по опытному полю нолтавскаго сельско-хозяйственнаго о—ва за 1890 годъ, (VII); 20) *Д. И. Эварницкій* «Исторія запорожскихъ козаковъ; 21) *Евг. Гаршина* «На Донцѣ»; 22) *Г. И. Осадчаго* «Щербановская волость елизаветградскаго уѣзда херсонской губ.; 23) Руска Исторична Библіотека, пидъ редакціею *Олександра Барвѣнскаго*, Т. I—XIV. 1886—1892; 24) *Кіевская Старина* № 1—6 (IX).

Сѣверный Вѣстникъ № 7—10. Въ іюльской и сентябрьской книгахъ продолжается статья г. *И. Бѣлоконскаго «Земство и народное хозяйство»*, въ которой, какъ мы уже отмѣчали, видная роль отведена дѣятельности нашихъ южно-русскихъ земствъ. Въ іюльской книгѣ затрогивается отношеніе земства къ земельному вопросу (18—29), въ сентябрьской—къ платежамъ и повинностямъ крестьянства (33—57).

Въ отдѣлѣ «*изъ «провинціальной печати»*: замѣтки о проказѣ въ таврической губерніи и о мудромъ фельетонистѣ «Кіевскаго Слова» и его критикѣ суда присяжныхъ (VII). Въ X книгѣ весь отдѣлъ посвященъ «общественному движенію въ области самообразованія и народнаго образованія», причемъ отмѣчается фактъ развитія на югѣ воскресныхъ школъ, народныхъ библіотекъ и проч. (X).

Въ отдѣлѣ «*Внутреннее обозрѣніе*» въ X книгѣ довольно обстоятельно разсмотрѣнъ вопросъ о еврейской эмиграціонной ассоціаціи. Авторъ обсуждаетъ вопросъ по существу, съ точки зрѣнія человѣка, руководствующагося только истиной и не ослѣпленнаго никакими національными предразсудками. Онъ вѣрно говоритъ, что «эмиграція евреевъ изъ предѣловъ Россіи, никоимъ образомъ не можетъ способствовать разрѣшенію злополучнаго еврейскаго вопроса, какъ склонны думать нѣкоторые, да и вообще эмиграція въ экономической исторіи народовъ представляется крайнимъ и радикальнымъ средствомъ, къ которому обращаются-когда всѣ другія, внутреннія, средства уже истощены, подобно тому, какъ въ отношеніи человѣческаго организма приступаютъ къ ампутаціи лишь послѣ того, какъ испробованы внутреннія лекарства и предписанія такъ наз. консервативной хирургіи» (X, 117—118 стр.

Къ вопросу о евреяхъ относится и замѣтка г. *А. Субботина*. Нѣсколько словъ о редакціонной замѣткѣ «Русскаго Богатства» по еврейскому вопросу (IX, 135—142). Г. А. Субботинъ высказываетъ свои недоумѣнія по поводу нѣкоторыхъ положеній «Русскаго Богатства» и старается предотвратить могущіе возникнуть отсюда кривотолки.

Въ отдѣлѣ библіографіи отмѣтимъ отзывъ о книгѣ *Эварницкаго*: Исторія запорожскихъ козаковъ Т. I. Спб. 1892. (IX, 102—103).

Русская Старина №№ VI—X. «*Студенческія волненія въ Казани 1887 года.* Посмертныя записки б. попечителя Казанскаго учеб. округа П. Д. Шестакова».—Есть нѣсколько замѣчаній по поводу студенческихъ безпорядковъ въ Кіевѣ въ 1884 году во время празднованія 50-лѣтняго юбилея университета Св. Владимира. (V. 501—503).

«*Пасторъ Виландъ*: его жизнь и дѣятельность въ Россіи 1764—1808 гг. Сообщ. *В. В. Тимощукъ*.—Пасторъ Виландъ, мистикъ и членъ секты гернгутеровъ, былъ проф. московскаго у — та, а затѣмъ агентомъ и священникомъ гернгутерской общины въ Спб. Въ 1767 г. онъ былъ въ Харьковѣ въ качествѣ гувернера въ домѣ Щербинина, по этому случаю онъ дѣлаетъ нѣсколько ничтожныхъ замѣчаній о тогдашнемъ воспитаніи. Записки Виганда вообще, если имѣютъ интересъ, то только для массонскаго движенія при Екатеринѣ II, да и то интересъ очень ограниченный. Отмѣтимъ также въ запискахъ: приготовленіе къ оборонѣ Харькова въ 1763 г., о чумѣ

1774 г. и о пугачевцахъ, хотя все это изложено до того поверхностно, что почти ничего новаго не даетъ. Вигандъ былъ, видно, человѣкъ малонаблюдательный (VI, 545—568).

Харьковскіе баснописцы: Григорій Сковорода, А. Н. Нахимовъ и В. Г. Масловичъ. Сообщ. *Н. В. Масловичъ*. Сообщаются нѣкоторыя біографическія и библіографическія свѣдѣнія, и приводится нѣсколько басенъ (VII, 136—142).

«Доброе старое время» —статья И.С. (главы I и II августъ, ст. 479—495, главы III—V (окончаніе) сентябрь, стр. 615—631). На основаніи «предложеній» губернскому правленію бывшаго въ 60-хъ годахъ херсонскаго губернатора Клушина, авторъ рисуетъ дореформенный бытъ уѣздной администраціи и суда. Картина получается темная, но заподозрить автора въ сгущеніи красокъ нельзя, такъ какъ всѣ его данныя основаны на оффиціальныхъ документахъ. Авторъ вспомнилъ «доброе старое время» не безъ задней мысли. «Бываютъ такіе историческіе моменты, говоритъ онъ, когда возобновленіе въ памяти картинъ «добраго стараго времени» получаетъ не только историческій, но и живой современный интересъ. Въ такія эпохи мрачное прошлое, вмѣсто того, чтобы быть урокомъ для современниковъ, показывающимъ картины общественныхъ золъ, является вопреки исторической логикѣ, идеаломъ; о немъ вздыхаютъ, его рисуютъ свѣтлыми красками и стараются реабилитировать. Для такого перемѣщенія идеаловъ изъ области будущаго въ прошедшее необходимо позабыть реальное содержаніе картинъ «добраго стараго времени» и замѣнить ихъ фантастическими представленіями о хорошихъ порядкахъ и добрыхъ нравахъ, будто-бы процвѣтавшихъ на почвѣ крѣпостныхъ отношеній. Въ такое время, когда старческая мысль отыскиваетъ идеалы въ прошедшемъ, какъ нельзя болѣе кстати вспомнить старину, смести архивную пыль съ картинъ «добраго стараго времени» и показать ихъ всѣмъ, вздыхающимъ о старинѣ» (VIII, 479).

Воспоминанія о Николаѣ Ивановичѣ Пироговѣ. Глава I. Сообщ. С. Н. Кулябка.—Г. Кулябка характеризуетъ симпатичную личность бывшаго попечителя кіевскаго округа, его гуманное отношеніе къ подчиненнымъ и т. п. Сообщается нѣсколько данныхъ для исторіи тогдашняго общественнаго движенія въ Кіевѣ: открытія воскресныхъ школъ, дароваго приготовленія въ университетъ лицъ, не имѣющихъ средствъ пройти гимназическій курсъ и пр. (IX, 725—745).—Воспоминанія г. Кулябки интересны, и мы съ нетерпѣніемъ ждемъ ихъ продолженія и можемъ только пожалѣть, что въ слѣдующей X-ой книгѣ «Русской Старины» продолженіе это не напечатано.

Надежда Николаевна Шереметева, рожденная Тютчева, духовная мать Н. В. Гоголя. Сообщ. В. И. Шенрокъ. Статья эта говоритъ о томъ чувствѣ глубокаго уваженія, которое питалъ Гоголь къ старушкѣ Шереметевой. Она была его «духовная мать», и онъ «повѣрялъ ей часто то,

въ чемъ страшился признаться самому себѣ». Въ заключеніе своей статьи г. Шенрокъ дѣлаетъ нѣсколько хронологическихъ поправокъ къ письмамъ, напечатаннымъ въ извѣстномъ изданіи сочиненій Гоголя, сдѣланномъ г. Кулѣшомъ. Въ «библіографическомъ листкѣ» даны краткіе отзывы о слѣдующихъ книгахъ, относящихся къ югу Россіи: 1) *Бернгарда Таннера.* Описаніе путешествія польскаго посольства въ Москву въ 1678 г. (VI); 2) *Эварницкаго.* Исторія Запорожскихъ козаковъ томъ I Спб. 1892 (VIII); 3) Жизнь и Труды М. П. Погодина. *Николая Барсукова.* Книга VI. Спб. 1892; 4) Бессарабія. Историческое описаніе; посмертный выпускъ историческихъ изданій *П. Н. Батюшкова.* (IX). 5) *А. А. Титовъ.* Рукописи славянскія и и русскія, принадлежащія Вахрамѣеву; 6) *О. И. Левицкаго* «Историческое описаніе Владиміро-Волынскаго Успенскаго храма (X).—

Русскій Архивъ №№ 7—9. Объ Украинско-Славянскомъ Обществѣ (Графъ С. С. Уваровъ и графъ С. Г. Строгановъ), 1847-й годъ (VII, 324—359)—документы относящіеся къ исторіи такъ наз. кирилло-меѳодіевскаго общества, за которое пострадали Шевченко, Костомаровъ и пр. Документы эти заключаютъ въ себѣ *докладъ графа А. Ѳ. Орлова*, въ которомъ разсказано начало дѣла, ходъ слѣдствія, поименованы всѣ привлекавшіяся къ слѣдствію лица и опредѣлено примѣрное наказаніе имъ, смотря по мѣрѣ вины; здѣсь же на дѣлахъ положена и резолюція имп. Николая, причемъ нѣкоторымъ изъ обвинявшихся наказанія были измѣнены, другимъ же утверждены на основаніи мнѣнія шефа-жандармовъ. Кромѣ доклада, напечатанъ циркуляръ м-тра Народнаго Просвѣщенія попечителямъ отъ 27 мая 1847 г. съ изложеніемъ видовъ правительства на Славянство. (Циркуляръ этотъ раньше былъ напечатанъ въ «Кіевской Старинѣ» за январь этого года). Затѣмъ мы находимъ здѣсь частное письмо министра Уварова къ попечителю Строганову—родъ инструкціи для исполненія циркуляра. Отвѣтное письмо Строганова съ отказомъ исполнить циркуляръ и съ просьбой сообщить ему характеръ всего дѣла, вызвавшаго подобный циркуляръ, потому что онъ, попечитель, находитъ «страннымъ и необычнымъ у насъ" способъ «касаться двусмысленными и неопредѣленными выраженіями до столь важнаго и щекотливаго вопроса». Не зная дѣла, я, писалъ попечитель министру, въ предстоящемъ случаѣ могу затрудниться въ основаніи собственнаго своего мнѣнія и тѣмъ менѣе направлять мнѣнія другихъ; ибо Вашему Сіятельству не безъизвѣстно, что инструкціи и письменные наказы столько же безсильны въ управленіи людскими мнѣніями, сколько и оффиціальные министерскіе циркуляры». Такой отвѣтъ повелъ къ замѣчанію Строганову, а этотъ подалъ въ отставку, исторія которой и разсказана здѣсь же редакторомъ «Русскаго Архива».—Всѣ указанные нами документы очень важны, особенно докладъ Орлова, который проливаетъ много свѣта на все еще темное дѣло о кирилло-меѳодіевскомъ обществѣ.

По поводу разсказаннаго г. А. Корсуновымъ въ февральской книгѣ «Русскаго Архива» «*трагическаго случая прошлаго вѣка*» и пріуроченія его къ г. Екатеринославлю *г. Д. Ильченко* сообщаетъ два новыхъ варіанта того же разсказа съ новыми мѣстами дѣйствія. Очевидно, значитъ, мѣсто это потеряно, удержалось только воспоминаніе о происшествіи.

Историческій Вѣстникъ №№ 7—9. «*До и послѣ.... (Изъ бурсацкихъ воспоминаній). (Окончаніе), И. Н Потапенко* (VII, 33—46, VIII, 262—275).—Въ этихъ двухъ статьяхъ авторъ продолжаетъ описаніе своего путешествія съ архіереемъ, описываетъ свое возвращеніе въ бурсу, пріѣздъ ревизора, ревизію и затѣмъ реформу бурсы. Начались новые порядки, на введеніи которыхъ авторъ и оканчиваетъ свои воспоминанія.

Воспоминанія артиста императорскихъ театровъ А. А. Алексѣева гл. IX—XI (VII, 94—118).—Авторъ описываетъ свою артистическую дѣятельность на югѣ Россіи, давая много характеристичныхъ бытовыхъ подробностей для исторіи театральнаго дѣла въ Россіи вообще и на югѣ въ особенности.

«*Ясновельможный панъ Янъ Сапѣга*» (Опытъ исторической характеристики) *П. Н. Полевого* (VII, 141—150)--Къ VII книгѣ «Историческаго Вѣстника» приложенъ портретъ извѣстнаго гетмана, осаждавшаго Троицкую Лавру, Яна Сапѣги, портретъ, сдѣланный съ весьма рѣдкой гравюры XVII вѣка Хондеуса. По поводу этого портрета г. Полевой и написалъ свою статейку. Не соглашаясь съ характеристикой Сапѣги, сдѣланной Костомаровымъ, г. Полевой говоритъ о знаменитомъ гетманѣ: «припоминая всѣ «подвиги» Сапѣги и вглядываясь въ его портретъ, мы, кажется, безъ большой ошибки можемъ сказать, что видимъ въ немъ прототипъ тѣхъ людей, которые своею шатостью, своимъ двоедушіемъ, своимъ непомѣрнымъ корыстолюбіемъ и полнымъ отсутствіемъ прочныхъ нравственныхъ основъ, погубили Польшу и отняли у нея всякую возможность дальнѣйшей самостоятельной жизни.... (VII, 150).

Гоголь, какъ историкъ Ф. А. Витберга (VIII, 390—424). Очень подробно разсказанъ эпизодъ гоголевской профессуры, его стремленіе въ Кіевъ, его научныя зиписки и пр. Для своего очерка авторъ воспользовался, кажется, всѣмъ, чѣмъ только могъ, и очеркъ съ этой стороны заслуживаетъ всякаго вниманія, тѣмъ болѣе, что онъ написанъ живымъ языкомъ и читается съ большимъ интересомъ.

Въ отдѣлѣ Смѣси: Девятисотлѣтіе православія на Волыни. Археологическія находки въ Кіевѣ. Сорокалѣтіе учено-литературной дѣятельности С. И. Пономарева (VII). Полувѣковая дѣятельность профессора П. В. Павлова (VIII). Какъ мы хранимъ наши памятники (IX).

Въ отдѣлѣ критики и библіографіи: 1) *Г. Джаншіева* Изъ эпохи великихъ реформъ (VII).—2) Девятисотлѣтіе православія на Волыни 992—1892. Часть I и II. Жит. 1892.—3) *О. И. Левицкій.* Историческое описаніе Владиміро-Волынскаго Успенскаго храма. К. 1892.—4) *М. Грушевскій.* Очеркъ исторіи Кіевской земли К. 1892. 5) *Холмскій народный календарь* на 1893 г. (IX).

Юридическій Вѣстникъ № 4—10. *П. Дашкевичъ* оканчиваетъ въ апрѣльской книгѣ свою статью о *предбрачныхъ убыткахъ по обычаямъ малороссовъ*. Разсмотрѣвъ довольно подробно различные виды этихъ убытковъ, авторъ критикуетъ ихъ, высказываетъ и свои практическія замѣчанія. Въ заключеніе статьи г. Дашкевичъ высказываетъ, между прочимъ, надежду, что съ одной стороны Сенатъ рано или поздно измѣнитъ свои взгляды на предбрачные убытки, а съ другой, «составители у насъ будущаго гражданскаго уложенія примутъ во вниманіе существующіе у русскаго народа его гражданско-правовые обычаи и позаимствуютъ изъ нихъ то, что не противно правдѣ и христіанской нравственности». «И когда посчастливится разсматриваемому обычаю, прибавляетъ авторъ, то практическая цѣль его работы оправдается» (IV, 546).

Трудъ, какъ источникъ права собственности на землю въ Малороссіи и на Украинѣ. Максима Ковалевскаго (переводъ съ французскаго Н. В—ча) (V—VI, 3—35).—Авторъ имѣетъ цѣлью доказать слѣдующія три положенія:

«Прежде всего, что въ противоположность происходившему въ предѣлахъ Московскаго государства, заимка была въ Малороссіи и на Украинѣ наиболѣе часто встрѣчавшимся способомъ установленія недвижимой собственности.

Во вторыхъ, что въ этихъ странахъ заимки производились то семейными общинами (сябрами), то товариществами поселенцевъ (товариществами), которыя не разверстывали земли между собою, а сохраняли ее нераздѣльною.

Въ третихъ, что аграрный коммунизмъ, въ томъ видѣ, какъ его практиковали малороссійскіе и украинскіе козаки, не зналъ періодическихъ передѣловъ земли и не заботился о равенствѣ надѣловъ, предоставляя каждому присваивать столько земли, сколько ему нужно не на всегда, а до тѣхъ поръ, пока земля не будетъ истощена непрерывною обработкой. Тогда пашни переходили на новое мѣсто, всегда оставаясь въ границахъ общины» (V—VI, 32). Свою статью авторъ написалъ на основаніи только печатныхъ матеріаловъ.

Юридическія формы шляхетскаго землевладѣнія и судьба древнерусскаго боярства въ юго-западной Руси XIV—XV в.—И. А. Линниченко (іюль—августъ, 275—313).

Напередъ скажемъ, что подъ именемъ юго-западной Руси авторъ разумѣетъ не то, что обыкновенно разумѣютъ въ настоящее время, а исключительно

только Червоную Русь (Галицію) и, говоря о шляхетскомъ землевладѣніи и судьбахъ боярства юго-западной Руси, говоритъ о землевладѣніи и боярствѣ галицкомъ.

Г. Линниченко имѣетъ задачей разсмотрѣть значеніе соединенія Галиціи съ Польшей въ исторіи галицко-боярскаго сословія и его землевладѣнія. Указавъ на широкое развитіе въ Польшѣ правъ шляхетства и на основу шляхетскаго землевладѣнія, не обязаннаго почти никакими повинностями по отношенію государства, авторъ отмѣчаетъ тѣ особыя условія, въ которыя была поставлена Червоная Русь вслѣдъ за своимъ присоединеніемъ къ Польшѣ.

Въ этой же книгѣ (іюль—августъ) Юридич. Вѣст. г. *В. Л. Бинштокомъ* помѣщены въ высшей степени любопытные *матеріалы для исторіи отмѣны тѣлесныхъ наказаній въ Россіи*. Матеріалы эти заключаютъ въ себѣ: 1) дѣло объ освобожденіи слабосильныхъ преступниковъ отъ наказанія плетьми. 2) Дѣло объ отмѣнѣ публичнаго наказанія женщинъ. 3) Записку князя Орлова и обсужденіе его въ особомъ комитетѣ при II отдѣленіи собственной Е. И. В. канцеляріи. 4) Мнѣнія министровъ, главноуправляющихъ и нѣкоторыхъ другихъ лицъ по вопросу объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній. 5) О наложеніи на преступниковъ клеймъ. 6) Окончательное заключеніе комитета.

Ученыя записки Императорскаго Казанскаго Университета № 3—5. Отмѣтимъ имѣющую общій интересъ статью *проф. Г. Шершеневича «Наука гражданскаго права въ Россіи»*. Въ 5-й книгѣ напечатано только начало. Статья имѣетъ въ виду посредствомъ хронологическаго обзора русскихъ книгъ по гражданскому праву дать имъ въ родѣ исторіи развитія науки гражданскаго права въ Россіи.

Русское Обозрѣніе № 4—7. *Графъ Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ (Виленскій) въ главнѣйшія эпохи дѣятельности государственной и общественной. Князя Н. Имеретинскаго.* (№ 6, стр. 530—570). Самое заглавіе указываетъ и содержаніе статьи; надо отмѣтить только, что большая часть ея не представляетъ новаго матеріала, а повторяетъ данныя изъ извѣстнаго сочиненія Д. Кропотова (жизнь графа М. Н. Муравьева) и только въ извѣстной долѣ вноситъ новые факты изъ рукописнаго матеріала (рукописная копія записокъ Муравьева). Наиболѣе охарактеризованной является дѣятельность его во время польскаго возстанія 1830 и 1831 годовъ и гораздо слабѣе—въ періодъ возстанія 1863 года, причемъ здѣсь въ нестройную кучу сведены характеристики разныхъ періодовъ—60-хъ и 70-хъ годовъ.

Журналъ Мин. Нар. Просв. № 7—10. Въ отдѣлѣ критики и библіографіи помѣщенъ разборъ извѣстнаго труда *В. С. Иконникова*, профес. уни-

верситета св. Владиміра «Опытъ русской исторіографіи» т. I. (въ двухъ книгахъ). Разборъ принадлежитъ *К. Бестужеву-Рюмину* (стр. 179—201).

Библіографическія записки № 6—9. Въ отдѣлѣ критическихъ замѣтокъ находимъ мелкія рецензіи о книгахъ: 1) *Д. И. Эварницкаго* «Исторія запорожскихъ козаковъ». Т. I. (№ 9, стр. 667); 2) *В. И. Шенрока* «Матеріалы для біографіи Гоголя» Т. I (ibid., стр. 669).

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

1893 г. „НУВВЕЛЛИСТЪ“ 54-й г.

МУЗЫКАЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ФОРТЕПІАНО
и
МУЗЫКАЛЬНО-ТЕАТРАЛЬНАЯ ГАЗЕТА.

Съ 1-го января 1893 г. „Нувеллистъ“ вступаетъ въ 54-й годъ своего существованія.

Въ 1893 году „Нувеллистъ“ будетъ выходить, какъ и прежде, перваго числа каждаго мѣсяца тетрадями отъ 30—35 стр. музыки большаго нотнаго формата. Годовой экземпляръ „Нувеллиста“ составитъ обширный томъ въ 400 стр. и дастъ подписчикамъ до 100 фортепіанныхъ пьесъ, танцевъ и романсовъ.

Каждая тетрадь „Нувеллиста“ будетъ содержать въ себѣ 1) Четыре или пять салонныхъ пьесъ въ двѣ и четыре руки, 2) Одинъ или два танца, 3) Русскій романсъ.

„**Музыкально-театральная газета**“ будетъ выходить въ продолженіи музыкальнаго сезона и дастъ полный обзоръ всего примѣчательнаго въ области Музыки и Театра.

ПРЕМІЯ

Каждый подписчикъ на „Нувеллистъ“ получитъ безплатно премію „полную оперу, или другое музыкальное сочиненіе“ по его выбору изъ 80-ти номеровъ и два портрета выдающихся музыкальныхъ дѣятелей.

Кромѣ того, редакція дастъ своимъ подписчикамъ весьма цѣнную премію, а именно:

Два кабинетныхъ рояля извѣстной фортепіанной фабрики **Я. Беккеръ.**
Поставщика Двора Его Императорскаго Величества

Рояли эти будутъ розыграны между всѣми подписчиками.

Подписная цѣна въ годъ **5** р. съ перес. **6** р.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ въ главной конторѣ „Нувеллиста“ Большая Морская № 26, уголъ Гороховой.

№—3.

Открыта подписка на 1893-й годъ

на издающуюся въ городѣ Ставрополѣ-Кавказскомъ общественно-литературную газету

IXг. изд. **„СѢВЕРНЫЙ КАВКАЗЪ“.** IXг. изд.

выходящую ДВА раза въ недѣлю и посвященную выясненію нуждъ края, названіе котораго носитъ газета.

Подписная цѣна:

Безъ доставки и пересылки:		Съ доставкой и пересылкой:	
На годъ	4 р. 50 к.	На годъ	5 р. 50 к.
— полгода	2 р. 50 к.	— полгода	3 р. — к.
— 3 мѣсяца	1 р. 50 к.	— 3 мѣсяца	1 р. 75 к.

[Суммы менѣе рубля можно высылать почтовыми марками].

Допускается разсрочка платежа — по соглашенію съ редакціей.

Адресъ: Ставрополь-Кавказскій, редакціи „Сѣвернаго Кавказа“. № - 3.

Въ „Русскомъ книжномъ магазинѣ“ Н. Н. МОРЕВА

(С.-Петербургъ, Невскій пр., д. № 106) и во всѣхъ другихъ главныхъ книжныхъ магазинахъ обѣихъ столицъ находится въ продажѣ

ПОМОЧЬ,

Вологодскій литературный сборникъ *въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая.*

Содержаніе книги: 1) Беллетристика: „Набросокъ“ М. Н. Альбова, „Живое золото“ К. С. Баранцевича, „Позолотинъ“ П. И. Добротворскаго, „Какъ родные братья“ Н. Н. Златовратскаго, „Прерванный разсказъ“ Д. Л. Мордовцева, „Молодца!...“ Н. А. Соловьева-Несмѣлова, „Камень“ Н. М. Ядринцева и друг. II) Стихотворенія: Натана Гаскель-Доля (американскаго поэта, въ переводѣ съ рукописи—Д. Л. Михаловскаго, К. М Фофанова и А. А. Коринфскаго), С. Д. Дрожжина, А. В. Круглова, Аполлона Коринфскаго, Вл. П. Лебедева, Л. М. Медвѣдева, Д. С. Мережковскаго, А. К. Михайлова-Шеллера, Дм. Никол. Садовникова (†), Владиміра С. Соловьева, К. М. Фофанова, А. М. Ѳедорова и друг. III) Статьи: „Великій человѣкъ нашего времени“—Я. В. Абрамова, „Теорія прогресса“—В. Балмашева, „Общественное движеніе—Эдуарда Беллами (автора книги „Черезъ сто лѣтъ“; переводъ съ рукописи, присланной для сборника), „Равныя права и общія права“—Генри Джорджа (переводъ Льва Никол. Толстого, по рукописи, присланной для

сборника), „Арена быстрой наживы“ (Письмо изъ Америки)—В. Н. Макъ-Гаханъ „Пророкъ мертваго дома“—М. К. Николаевой (псевдон.), „Естественно-разумное питаніе“—д-ра В. О. Португалова, „Процессъ творчества“—К. К. Сарачанова. „Взаимное отношеніе между принципами гармоніи и нравственной свободы“ К. Вентцеля, „Страница изъ исторіи земли“,—А. А. Сняткова, „Черты современнаго быта“—А. А. Тарутина и друг.

Цѣна 1 рубль 50 копѣекъ.

ГОДЪ IV. ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1893 г. ГОДЪ IV.

на еженедѣльный иллюстрированный популярно-научный журналъ

для семейнаго чтенія и самообразованія

„ПРИРОДА и ЛЮДИ“

(Подписной годъ съ 1 ноября 1892 по 1 ноября 1893 г.).

Въ наступающемъ году журналъ „Природа и Люди“ сохранитъ прежнюю программу и направленіе, завоевавшія себѣ симпатіи читающей публики, т. е. по прежнему, наряду съ занимательными романами, повѣстями и разсказами, будетъ помѣщать на своихъ страницахъ и массу статей по всевозможнымъ отраслямъ науки и практической жизни.

Въ будущемъ году журналъ „Природа и Люди“ дастъ своимъ подписчикамъ: **52** ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫХЪ НОМЕРА; каждый № будетъ состоять изъ 16 страницъ большаго формата и будетъ заключать въ себѣ 6—8 крупныхъ статей массу мелкихъ и 8—10 изящныхъ иллюстрацій.

— Всѣ статьи будутъ иллюстрированы лучшими художниками. —

Въ качествѣ приложенія редакція въ наступающемъ году дастъ:

12 ИЛЛЮСТРИРОВАННЫХЪ ВЫПУСКОВЪ

полнаго описанія всѣхъ путешествій (по Финляндіи, Обонежью, Мурману, Печерскому краю, Сибири, Японіи, Персіи, Сиріи, Малой Азіи, Египту, Алжиру, Сахарѣ и т. п.),

извѣстнаго путешественника-писателя доктора **А. В. Елисѣева**

подъ общимъ заглавіемъ

„ПО БѢЛУ СВѢТУ“.

Сочиненіе это будетъ великолѣпно отпечатано на веленевой бумагѣ и иллюстрировано массою (нѣсколько сотъ) рисунковъ лучшихъ иллюстраторовъ, какъ русскихъ: *Е. П. Самокишъ-Судковской, В. Г. Казанцева, Н. Н. Каразина, В. С. Полякова, Н. С. Самокиша* и др., такъ и иностранныхъ: *Ріу, Баяра* и пр.

Цѣна на журналъ со всѣми приложеніями остается прежняя 5 руб. въ годъ съ пересылкою и доставкою.

Подписка принимается въ Конторѣ Редакціи журнала (СПБ., Вознесенскій пр., 47) и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

Допускается разсрочка: при подпискѣ 2 руб., къ 1 апрѣля 2 руб. и къ 1 іюля 1 руб.

За 1889—1890 г. журналъ весь разошелся; за 1891 и 1892 г. осталось небольшое количество,—цѣна съ пересылкою 5 руб.

№ 3. Редакторъ С. Груздевъ.—Издатель П. Сойкинъ.

Годъ изданія 81-й. — ОТКРЫТА ПОДПИСКА — 1893.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ, УЧЕНАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

(Безъ предварительной цензуры).

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА

Выходитъ ежедневно въ двухъ изданіяхъ:

Первое въ форматѣ большихъ столичныхъ газетъ съ ежемѣсячными, еженедѣльными приложеніями и книжками «Романы и повѣсти».

Кромѣ ежедневныхъ нумеровъ, подписчики перваго изданія получатъ безплатно:
1) Воскресное приложеніе въ видѣ еженедѣльнаго иллюстрированнаго журнала.
2) Книжки „Романы и повѣсти". Каждая книжка содержитъ 160—200 страницъ.
3) „Моды и рукодѣлія"—12 нумеровъ, замѣняющихъ для семьи „Модный журналъ".
4) Стѣнной календарь, въ три краски и проч.

Подписная цѣна на первое изданіе (съ пересылкою по Имперіи):

На годъ 8 р., на полгода 4 р. 50 к., на три мѣс. 2 р. 50 к., на одинъ мѣс. 1 р

Второе изданіе безъ приложеній.

Второе изданіе газеты „Сынъ Отечества" выходитъ ежедневно листами и въ дни, слѣдующіе за праздниками (всего въ годъ 360 нумеровъ). Въ нумерахъ газеты помѣщаются всѣ выдающіяся новости, биржевыя извѣстія и телеграммы одновременно со всѣми другими дорогими изданіями.

Кромѣ того, на страницахъ втораго изданія помѣщаются художественно выполненные портреты Высочайшихъ особъ, современныхъ русскихъ и иностранныхъ государственныхъ и общественныхъ дѣятелей, сосредоточивающихъ на себѣ, въ извѣстный моментъ, особое вниманіе общества.

Подписная цѣна на второе изданіе (съ дост. и перес. по Россіи):

На годъ 4 р., на полгода 2 р., на 3 мѣсяца 1 р., за границу (на годъ) 6 р.

Гг. годовые подписчики перваго или втораго изданія газеты „Сынъ Отечества", уплатившіе сполна подписную сумму, могутъ получить (на выборъ) одно изъ четырехъ новыхъ художественныхъ изданій, съ уплатою за первое, выбранное: безъ доставки 75 к., съ доставкою одинъ рубль. За остальныя, пріобрѣтаемыя одновременно, уплачивается: безъ доставки 1 р. 50 к., съ доставкою 2 р. за каждое.

1) *„Се человѣкъ!“* (*„Ессе Homo!“*). Прозрачная картина, замѣняющая живопись на стеклѣ и изображающая ликъ Спасителя въ терновомъ вѣнцѣ.

2) *Его Императорское Высочество Наслѣдникъ Цесаревичъ НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ.* Его Императорское Высочество изображенъ на сѣромъ, скачущемъ конѣ, въ лейбъ-гусарской парадной формѣ.

3) *Княжна Тараканова (во время наводненія).* Копія съ картины извѣстнаго профессора исторической живописи К. Д. Флавицкаго.

4) *Альбомъ—пятнадцать акварельныхъ картинъ къ сочиненіямъ Ѳ. М. Достоевскаго.* Рисовалъ извѣстный иллюстраторъ-художникъ Н. Н. Каразинъ.

Главная контора: С.-Петербургъ, Невскій пр., у Аничкина моста, д. № 68—40.

№—3.

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ

Императорскаго Казанскаго Университета

на 1893 годъ.

Въ ученыхъ запискахъ помѣщаются:

I. *Въ отдѣлѣ наукъ*: ученыя изслѣдованія профессоровъ и преподавателей; сообщенія и наблюденія; публичныя лекціи и рѣчи; отчеты по ученымъ командировкамъ и извлеченія изъ нихъ; научныя работы студентовъ, а также рекомендованные факультетами труды посторонннихъ лицъ.

II. *Въ отдѣлѣ критики и библіографіи*: профессорскія рецензіи на магистерскія и докторскія диссертаціи, представляемыя въ Казанскій Университетъ, и на студентскія работы, представляемыя на соисканіе наградъ; критическія статьи о вновь появляющихся въ Россіи и за границей книгахъ и сочиненіяхъ по всѣмъ отраслямъ знаній; библіографическіе отзывы и замѣтки.

III. *Университетская лѣтопись*: извлеченія изъ протоколовъ засѣданій Совѣта, отчеты о диспутахъ, статьи, посвященныя обозрѣнію коллекцій и состоянію учебно-вспомогательныхъ учрежденій при Университетѣ, библіографическіе очерки и некрологи профессоровъ и другихъ лицъ, стоявшихъ близко къ Казанскому Университету, обозрѣнія преподаванія, распредѣленія лекцій, актовый отчетъ и проч.

IV. *Приложенія*: университетскіе курсы профессоровъ и преподавателей; памятники историческіе и литературные съ научными комментаріями и памятники, имѣющіе научное значеніе и еще не обнародованные.

Ученыя Записки выходятъ періодически шесть разъ въ годъ книжками въ размѣрѣ не менѣе 15 листовъ, не считая извлеченій изъ протоколовъ и особыхъ приложеній.

Подписная цѣна въ годъ со всѣми приложеніями 6 руб., съ пересылкою 7 р. Отдѣльныя книжки можно получать въ редакціи по 1 руб. 50 к. Подписка принимается въ Правленіи Университета.

№—3. Редакторъ *Ѳ. Мищенко.*

Объ изданіи въ 1893 году журнала

ГРАЖДАНСКАГО и УГОЛОВНАГО ПРАВА.

Журналъ выходитъ ежемѣсячно (за исключеніемъ вакантныхъ іюля и августа), въ количествѣ 10 книгъ въ годъ, отъ 15 до 20 листовъ, подъ редакціей В. М. Володимірова, при ближайшемъ участіи въ редакціи отдѣла гражданскаго права К. П. Змирлова.

Цѣна за годовое изданіе:

въ С.-Петербургѣ безъ доставки . 8 р.	съ пересылкой въ другіе города . 9 р.
съ дост. въ С.-Петербургѣ . 8 р. 50 к.	за-границей . . . . . 12 р.

Отдѣльно книга журнала 2 руб.

Подписчики, желающіе получать, сверхъ того, *Рѣшенія Кассаціонныхъ Департаментовъ Сената*, платятъ за журналъ и за рѣшенія съ доставкою въ С.-Петербургѣ и съ пересылкой въ другіе города 13 руб.

Листы рѣшеній кассаціонныхъ департаментовъ сената разсылаются немедленно по выходѣ изъ сенатской типографіи, за время съ 1-го января по 31-е декабря подписнаго года.

Лица, несостоящія въ числѣ подписчиковъ на журналъ, могутъ подписываться въ редакціи отдѣльно на кассаціонныя рѣшенія по 4 руб. съ доставкою въ С.-Петербургѣ и съ пересылкою въ другіе города.

Допускается разсрочка подписной платы въ слѣдующіе сроки: въ январѣ 5 р. съ кассац. рѣш. 8 руб. и въ іюнѣ остальная, до подписной цѣны, сумма. Гг. дѣйствительные члены с.-петербургскаго юридическаго общества пользуются правомъ подписки на журналъ за половинную цѣну т. е. 4 р. 50 к., а съ кас. рѣш. 8 р. 50 к. Тоже право предоставляется студентамъ университетовъ и вообще учащимся и кандидатамъ на судебныя и военно-судебныя должности, удостовѣрившимъ свое званіе.

Гг. иногородніе благоволятъ обращаться со своими требованіями исключительно въ редакцію „Журнала Гражданскаго и Уголовнаго Права“, С.-Петербургъ, уголъ Мойки и Фонарнаго, д. 1. кв. 38.

Оставшіяся (въ количествѣ четырехъ комплектовъ) экземпляры журнала продаются: За 1879, 1881, 1883, 1884, 1886, 1887, 1888, 1889, 1890 и 1891 гг. по 9 р., за каждый годъ, съ пересылкою и по 7 р. безъ пересылки. Отдѣльныя книги журнала за означенные годы, по 2 р. съ пересылкою. №—3.

Годъ изданія 58-й. — **ОТКРЫТА ПОДПИСКА** — **1893.**

на большой семейный иллюстрированный и литературный журналъ

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

въ теченіе года выдаетъ подписчикамъ:

ПЯТЬДЕСЯТЪ ДВА НУМЕРА, выходящихъ еженедѣльно, въ 3—4 листа большаго формата, на тоновой бумагѣ, съ 7—10 рисунками альбомнаго размѣра.

Еженедѣльные нумера журнала и ежемѣсячныя книжки въ 1893 г. будутъ реформированы и увеличены въ объемѣ листовъ. Кромѣ того при нумерахъ журнала будетъ выдано: 12 книгъ „Романы, повѣсти, разсказы и стихотворенія“, выходящихъ

въ первое воскресенье каждаго мѣсяца.—24 нумера „Парижскихъ модъ“ съ рисунками (выходитъ два раза мѣсяцъ).—12 нумеровъ „Образцовъ для дамскихъ изящныхъ рукодѣлій.—12 выкроекъ въ натуральную величину.—Четыре картины извѣстныхъ художниковъ, отпечатанныхъ въ нѣсколько красокъ.—4 нумера „Образцовъ для вышиванія“ по новѣйшимъ рисункамъ.—12 „Новѣйшихъ музыкальныхъ пьесъ“ русскихъ и иностранныхъ композиторовъ для пѣнія и фортепіано (романсы, танцы и салонныя пьесы).—Стѣнной календарь (съ картою Россіи). „Жизнь и хозяйство“ и „Забавы для юношества“ (съ иллюстраціями).

Въ числѣ ежемѣсячныхъ литературныхъ приложеній въ 1893 г. будетъ, между прочимъ, выдано *полное иллюстрированное собраніе сочиненій*

В. ШЕКСПИРА.

Въ прозѣ и стихахъ, въ новомъ переводѣ П. А. Каншина, съ послѣднихъ, дополненныхъ англійскихъ изданій. Изданіе это будетъ сопровождаться статьею и историческими примѣчаніями извѣстныхъ знатоковъ англійской литературы—проф. Московскаго университета Н. И. Стороженко и П. И. Вейнберга, портретомъ автора, fac-simile съ его рукописи, видами мѣстностей и зданій, относящихся ка біографіи, виньетками и и гравюрами, съ картинъ извѣстныхъ художниковъ: проф. К. Е. Маковскаго, Грюцнера, Пилотти, Тумана, Каульбаха и др.

ПРЕМІЯ БЕЗПЛАТНО.

Всѣ годовые подписчики журнала, уплатившіе сполна подписную сумму, получатъ прозрачную картину, замѣняющую живопись на стеклѣ и изображающую ликъ Спасителя въ терновомъ вѣнцѣ *„СЕ ЧЕЛОВѢКЪ!“* (*„ECCE HOMO!“*). Воспроизведенную въ 18 красокъ съ знаменитой картины Гвидо Рени (разм. 11×13 дюйм.). Годовые подписчики, желающіе получить, кромѣ безплатной преміи, на выборъ, *одно* изъ *четырехъ* новыхъ художественныхъ изданій, уплачиваютъ за первое, безъ доставки 75 к., съ доставкою *одинъ* руб., а за остальныя, пріобрѣтаемыя одновременно, безъ доставки 1 р. 50 к., съ доставкою—*два* руб. за каждое.

Художественная новость (*первый разъ въ Россіи*).

1) Двѣ картины (Genre Watteau) на роскошномъ атласѣ—а) *„СВИДАНІЕ“* (отдѣльно не выдаются) б) *„ПРИЗНАНІЕ“*. Картины эти воспроизведены въ 20 красокъ и замѣняютъ дорогую ручную акварель на атласѣ.

2) *Его Императорское Высочество Наслѣдникъ Цесаревичъ* **НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ**. Е. И. В. изображенъ на сѣромъ скакущемъ конѣ, въ парадной Лейбъ-Гусарской формѣ. Картина писана подъ наблюденіемъ проф. В. Виллевальде и отпечатана въ 23 краски. (Размѣръ: выш. 30 дюйм., шир. 23 дюйма).

3) *Княжна Тараканова* (*во время наводненія*). Проф. К. Д. Флавицкаго. Отпечатана въ 20 красокъ (выш. 28 дюйм., шир. 17½ д.).

4) *Новый альбомъ—пятнадцать акварельныхъ картинъ къ сочиненіямъ Ѳ. М. Достоевскаго.* Рисовалъ извѣстный художникъ Н. Каразинъ. Картины отпечатаны въ 17 красокъ, наклеены на цвѣтной картонъ и вложены въ изящную обертку.

Подписная цѣна на журналъ прежняя:

На годъ: безъ доставки въ Спб. 6 р. 60 к. Съ дост. и пересылкой по Имперіи 8 р. №—3. *Спб., Невскій просп., у Аничкина моста, д. № 68—40.*

ВЫШЛИ И РАЗОСЛАНЫ ПОДПИСЧИКАМЪ

51-й ВЫПУСКИ

(Кредитъ корпорат.—Кровли).

НАСТОЛЬНАГО ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКАГО СЛОВАРЯ,

изданіе бывш. т-ва А. Гарбель и К° въ Москвѣ (Больш. Никитская Долгоруковскій пер., д. 8).

Приложеніе: рисунки костюмовъ — таблица III (XVII и XVIII стол.)

Цѣна выпуску (съ перес.) 30 коп. на обыкн. бумагѣ и 40 коп. на лучш. бумагѣ; цѣна тому (14 вып.) въ перепл. 4 р. 50 к. на об. б. и 6 р. на лучш. бумагѣ.

Все изданіе составитъ 105—115 вып. (8 томовъ).

ОБЪ ИЗДАНІИ

УНИВЕРСИТЕТСКИХЪ ИЗВѢСТІЙ

Въ 1893 году.

Цѣль настоящаго изданія остается прежнею: доставлять членамъ университетскаго сословія свѣдѣнія, необходимыя имъ по отношеніямъ ихъ къ Университету, и знакомить публику съ состояніемъ и дѣятельностію Университета и различныхъ его частей.

Согласно съ этою цѣлью, въ Университетскихъ Извѣстіяхъ печатаются:

1) Протоколы засѣданій университетскаго Совѣта.

2) Новыя постановленія и распоряженія по Университету.

3) Свѣдѣнія о преподавателяхъ и учащихся, списки студентовъ и посторонних слушателей.

4) Обозрѣнія преподаванія по полугодіямъ.

5) Программы, конспекты, и библіографическіе указатели для учащихся.

6) Библіографическіе указатели книгъ, поступающихъ въ университетскую библіотеку и въ студенческій ея отдѣлъ.

7) Свѣдѣнія и изслѣдованія, относящіяся къ устройству и состоянію ученой, учебной административной и хозяйственной части Университета.

8) Свѣдѣнія о состояніи коллекцій, кабинетовъ, музеевъ и другихъ учебно-вспомогательныхъ заведеній Университета.

9) Годичные отчеты по Университету.

10) Отчеты о путешествіяхъ преподавателей съ учеными цѣлями.

11) Разборы диссертацій, представляемыхъ для полученія ученыхъ степеней соисканія наградъ, pro venia legendi и т. п., а также и самыя диссертаціи.

12) Рѣчи, произносимыя на годичномъ актѣ и въ другихъ торжественныхъ собраніяхъ.

13) Вступительныя, пробныя, публичныя лекціи и полные курсы преподавателей.

14) Ученые труды преподавателей и учащихся.

15) Матеріалы и переводы научныхъ сочиненій.

„Университетскія Извѣстія“ въ 1893 году будутъ выходить въ концѣ каждаго мѣсяца, книжками, содержащими въ себѣ до 20 печатныхъ листовъ. Цѣна за 12 книжекъ „Извѣстій“ безъ пересылки шесть рублей пятьдесятъ копѣекъ, а съ пересылкой семь рублей. Въ случаѣ выхода приложеній (большихъ сочиненій), о нихъ будетъ объявлено особо. Подписчики „Извѣстій“ при выпискѣ приложеній, пользуются уступкою 20%.

Подписка и заявленія объ обмѣнѣ изданіями принимаются въ канцеляріи Правленія Университета.

Студенты Университета св. Владиміра платятъ за годовое изданіе „Университетскихъ Извѣстій“ 3 руб. сер., а студенты прочихъ Университетовъ 4 руб.; продажа отдѣльныхъ книжекъ не допускается. №—3.

ОКТРЫТА ПОДПИСКА НА 1893 ГОДЪ.

ТРИНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

„ЮЖНЫЙ КРАЙ“

ГАЗЕТА ОБЩЕСТВЕННАЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕДНЕВНО.

Программа газеты: I. Правительственныя распоряженія. II. Руководящія статьи по вопросамъ внутренней и внѣшней политики и общественной жизни. III. Обозрѣніе газетъ и журналовъ. VI. Телеграммы спеціальныхъ корреспондентовъ „Южнаго Края“ и „Сѣвернаго телеграфнаго агентства“. V. Послѣднія извѣстія. VI. Городская и земская хроника. VII. Вѣсти съ юга: корреспонденціи „Южнаго Края. VIII. Со всѣхъ концовъ Россіи (корреспонденціи „Южнаго Края“ и извѣстія другихъ газетъ). IX. Внѣшнія извѣстія: заграничная жизнь, послѣдняя почта. X. Наука и искусство. XI. Фельетонъ: научный, литерятурный и художественный. Беллетристика. Театръ. Музыка. XII. Судебная хроника. XIII. Критика и библіографія. XIV. Смѣсь. XV. Биржевая хроника и торговый отдѣлъ. XVI. Календарь. XVII. Справочныя свѣдѣнія. Дѣла, назначенныя къ слушанію и резолюціи по нимъ округа Харьковской судебной палаты. XVIII. Сторонніе сообщенія. XIX. Объявленія.

Въ „Южномъ Краѣ“ помѣщаются портреты Особъ Императорской Фамиліи, историческихъ лицъ, выдающихся современныхъ дѣятелей и политиканы, имѣющіе отношенія къ текущимъ событіямъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

	На годъ.	На 6 мѣс.	На 3 мѣс.	На 1 мѣс.
Безъ доставки	10 р. 50 к.	6 р. — к.	3 р. 50 к.	1 р. 20 к
Съ доставкою	12 „ — „	7 „ — „	4 „ — „	1 „ 40 „
Съ перес. иногород.	12 „ 50 „	7 „ 50 „	4 „ 50 „	1 „ 60 „

Допускается разсрочка платежа за годовой экземпляръ по соглашенію съ редакціей. Подписка и объявленія принимаются въ ХАРЬКОВѢ—въ главной конторѣ газеты „Южный Край“, на Николаевской площади, въ домѣ Питры.

№—3.

ОДЕССКІЙ ВѢСТНИКЪ

67-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Газета политическая, литературная, экономическая и коммерческая.

Выходитъ ЕЖЕДНЕВНО, не исключая понедѣльниковъ, въ количествѣ не менѣе 330 номеровъ въ годъ.

Открыта подписка на 1893 годъ.

Въ „Одесскомъ Вѣстникѣ“ помѣщаются слѣдующіе отдѣлы:

1) Телеграммы общія.
2) Телеграммы коммерческія.
3) Передовыя статьи по внутренней и иностранной политикѣ.
4) Газетное обозрѣніе.
5) Маленькая хроника (фельетонныя замѣтки на злобы дня).
6) Внутреннія извѣстія.
7) Иностранныя извѣстія.
8) Мѣстная хроника (Одесская и Южно-русскаго края).
9) Корреспонденціи (русск. и загран).
10) Искусство и литература.
11) Судебная хроника (общихъ и военныхъ судовъ).
12) Отголоски (летучія замѣтки по разнымъ предметамъ).
13) Смѣсь и разныя извѣстія.
14) Фельетонъ (литературный, научный, беллетристическій и друг.).
15) Торговыя свѣдѣнія.
16) Справочный отдѣлъ.

Для иллюстраціи статей объ особо выдающихся лицахъ или фактахъ въ „Одесскомъ Вѣстникѣ“ печатаются ПОРТРЕТЫ и РИСУНКИ, относящіеся къ событіямъ дня.

Условія подписки.

Для иногородныхъ съ пересылкой и въ Одессѣ съ доставкою:		Въ Одессѣ безъ доставки:	
на 12 мѣсяцевъ	12 р. — к.	на 12 мѣсяцевъ	10 р.
„ 6 „	7 „ — „	„ 6 „	6 „
„ 3 „	3 „ 75 „	„ 3 „	3 „

Кредитъ допускается: для частныхъ лицъ по соглашенію съ Главной Конторой, а для лицъ, служащихъ въ правительственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ, за поручительствомъ ихъ казначеевъ.

Разсрочка подписной платы допускается для годовыхъ подписчиковъ: 1) по полугодіямъ съ уплатою по 6 руб. не позже 1 января и 1 іюня; 2) по третямъ года по 4 руб.: не позже 1 января, 1 апрѣля и 1 августа и 3) по четвертямъ года по 3 руб.: не позже 1 января, 1 марта, 1 іюня и 1 сентября.

Адресъ Редакціи и Главной Конторы: Одесса, уголъ Пушкинской Полицейской, д. Кассо, № 14. №—3

13. Субота. Сегодня въ лагерѣ дновалисмо, пообѣдали у себе зъ Гамалѣею Стефаномъ, Трощинскимъ и Костенецкимъ, по обѣдѣ жъ пріездилъ ко мнѣ сенецкій сотникъ Криштоповъ и, посидѣвши отийшолъ. Онъ же потвердилъ про полковницу Сумскую, что въ Москву взята. У вечеру велено на завтрее приготоватись всѣмъ нараженнимъ въ походъ. Церкви войсковой посвященіе въ лагерѣ било и въ первое служба Божая была.

14. Неделя. Сегодня рано, когда стали були рушать въ походъ, принесенна вѣдомость, что отставленъ походъ до завтрего. Билемъ весь день въ лагерѣ, а п. Михайло ездилъ въ городъ. Дофаршу коня п. Федорового, кучеравого, вороного даровалемъ. Маргинъ зъ всзами поехалъ до Нижней станицѣ по провіянтъ, черезъ которого писалемъ до Гаврила въ Терекъ, чтобъ онъ о себѣ увѣдомилъ мене, и Мартину казалемъ, чтобъ далъ рубля на рибу лососѣ и щукъ купилъ бы и посолилъ, на що такъ же и на протчіе потребы далъ Вѣжевскому еще 3 р.

15. Понеделокъ. По ранномъ обѣдѣ віехалемъ зъ лагера въ городъ и тутъ пожекгнавши генераловъ и Дебринея, поехалемъ въ походъ зъ партіею въ 4000-мъ числѣ, а именно: драгунъ 1000, малороссійскихъ и слободскихъ 1000, донскихъ и яицкихъ зъ колмиками 2000, коммендиромъ главнимъ полковникъ Еропкинъ, полуполковниковъ 2, Соймоновъ и Сомовъ, маіора 2, Аргаровъ и другій мнѣ несвѣдомъ, зъ бунчуковихъ на два зъ п. Михайломъ, Худолѣй, Метелскій, Богаевскій меншій, Голубъ и Солонина, а пошли просто къ Таркамъ, у лѣво понедалеку мора Каспѣйского, и увойшовши того дня верстъ 10, ночовали у сухого Сулаку. Получилемъ писмо отъ Любима Полянского, зъ Астраханѣ, объ отправленномъ моемъ человѣку сюда оттуду зъ водкою и виномъ.

16. Вовтор. Пошли 3-го часа зъ полночи и увойшовши болшъ 20 верстъ, стали на ночлѣгъ при очерету, а на всѣхъ становискахъ заказано имѣти огонь, трубки курить, и бить въ барабани, але зъ якою могли тихостію и молчаніемъ, такъ себе содержали, нерозбираючись и сами, и коней отъ себе нѣкуда непускаючи.

17. Середа. Рушилисмо 3-го часа зъ полночи и пройшовши верстъ нѣсколко, прійшлисмо надъ рѣку Кумъ-Таркалскую, отъ Кум-

таркаловъ текучую и неподалеку упадаючую въ море, которая хочай собою топка и немѣлка, однакъ всѣ конми переходилисмо и перебравшись всѣ черезъ оную, зближалися къ Таркамъ, куда якъбы верстъ у 7 недоижджаючимъ намъ, ординовано донцовъ, яицкихъ и колмикъ, также малор. и слободскихъ, на полтори тисячи передомъ къ Таркамъ, которіе, не увидѣвши близъ Тарковъ нѣкого, за Тарки побѣгли и тамъ, наехавши на татаръ, былись зъ ними и зъ нихъ 11 чловѣка убито, а 3 татаръ, до насъ пріехавшихъ уже къ Таркамъ и лагеромъ противъ самихъ Тарковъ ставшихъ, приведено также татарку одну и малчика едного татарчука; тогдажъ и потомъ обежджаючи помянутое легкое войско, около мора, наехали на стада татарскіе и загорнули товару рогатого на 400 штукъ и болшъ, але толко 212 пригнали до лагеру, а на 200 колмики покололи; що-жъ могли забрати на вюки, тое забрали, а остатокъ поколотивъ товару, покидали на килнадесятъ. Тогда жъ коммендированъ былъ маіоръ Аргаровъ, зъ двома ротами драгунъ за Тарки, якъбы у 5 верстъ, для того что сказано тамъ татаръ быти многое число и скоту, але нѣчого не винайшовши, назадъ повернулся. Ездилемъ нарочно въ Тарки, уже разореніе, однакъ полатъ еще показалось много цѣлихъ, кромѣ що стелѣ поупадали, и видѣлемъ строеніе онихъ избъ ихъ нехудое и на примѣръ иноземского, понеже въ нихъ окна великіе, стелѣ мѣрно високіе, коминки у стѣнахъ подѣланніе гладко и мѣстерно (?), матеріялъ же камѣнне самое поскладанное порадне и равно у стѣну, да потомъ глиною, зъ посѣченою яринною соломою змѣшаною, помазано, а потомъ крейдою отинковано, равно и гладко, а между камѣння, где двери, албо окна, дерево укладовано для крѣпости. Зъ мѣстца того надъ вечоръ рушилисмо назадъ зъ боемъ барабаннимъ и не такъ тихо, якъ туда ишли, и перейшовши знову черезъ прежде помянутую Кумъ-Таркалскую рѣку, где за темность ночную немалая учинилась конфузѣя, стали заразъ на ночлѣгъ, и тутъ оній имѣвши часовъ зъ 6, поколь мѣсяцъ подобралъся, рушили оттуду далѣй.

18. Четвер. Въ порушенню нашомъ свѣтать стало и, уже пройшовши чимало, доехали заливи морской и черезъ оную здѣлавши

греблю зъ комишу, переправились всѣ, и проехавши еще нѣсколко верстъ на степу, сталисмо на ночлѣгъ, недоежджаючи Сулаку верстъ за 20.

19. Пятокъ. Рушилисмо уже передъ свѣтомъ зъ ночлѣга и недоежджаючимъ намъ Сулаку, віехалъ противъ насъ Аракчѣевъ полковникъ и другіе, и привитавшись зъ ними, зближились къ рѣцѣ Аграханѣ и, переехавши бродомъ черезъ оную, пріехалисмо зъ Еропкиномъ въ крѣпость ст. Креста, где, у генераловъ побувавши, до своей квартери пріишлисмо и тутъ ночовали оба зъ п. Михайломъ. П. Михайла конь, въ ровъ городовий упавши, здохъ.

20. Субота. Обѣдалисмо оба у своей квартерѣ, а по обѣдѣ, побувавши у господъ генераловъ, пріехалисмо въ лагерь. Верблюдовъ зъ Астраханѣ государевихъ пригнато 132 сюда для возѣння фашинъ и протчего. Андрушко, человѣкъ мой сухоносовскій, зъ Астраханѣ отъ Демяна посланний, пріехалъ и привезлъ гор. 4 барилѣ, а въ нихъ вѣдеръ 15 и квартъ 13 и полкварти, да вина фронтиніяку сулѣю и половину боклажка. Вѣжевскому на расходъ далемъ 10 р. Вола купилисмо за 9 копъ, и того у насъ 5 воловъ.

21. Неделя. Въ лагерѣ по набоженствѣ кушалисмо у себе зъ Трощинскими. У донца купилемъ коберецъ татарского издѣлія за полъ 9 зол. Поехалемъ зъ лагера и заехалемъ въ старую крѣпость, до Соймонова, куда потомъ Еропкинъ и Дебриней пріехали и, забавившись тамъ до полночи, пріехалисмо въ новую крѣпость, и заехали на квартеру Еропкина, которій тамъ мнѣ пѣщаль татарскую, сего походу добутую, подарилъ; оттуду былисмо у Дебринея, оттоль у нашой квартерѣ, знову у Дебринія, у насъ и у Дефарша, таковое до свѣта бдѣніе отправивши, розійшлись.

22. Понеделокъ. Припималемъ electuarium laxativum. Еропкинъ и Сойманов были у насъ. По сѣно, звезти оное до лагеру, послани подводи зъ Василемъ, которій, надъ сѣномъ заставши яицкого козака, коня взялъ у его бѣлого и сюда запровадилъ. Бутилокъ, опрочъ фрон. (тиньяку?), 19 повнихъ.

23. Вовтор. Сегодня обѣдалисмо у себе и по обѣдѣ были у генерала Шереметева и у Дебринея, а я нѣкоторую въ себѣ ощу-

тилъ. Послали Василя отсюду за сѣномъ и грошей ему черезъ Вѣжевского дано 3 р. Яицкіе козаки два пріездили за конемъ, вчора при сѣнѣ отъ Василя пограбленнимъ, которимъ казали завтра явитись. Отъ Дебринея черезъ п. Михайла увѣдомилемся о нѣкоторомъ specі (?). Король французскій нинѣшній понялъ себѣ въ жену дочь Лящинского, самъ будучи 16 лѣтъ, а ей 23, да ему жъ, Лящинскому, дается жалованне по 200,000 р. въ Франціи.

24. Среда. Сегодня праздновали день стія вел. мучен. Екатерини, ради тезоименитства ея величества, въ свѣтлихъ одеждахъ, а подъ часъ молебня 3 рази зъ всѣхъ пушекъ стреляно, потомъ штапъ офѣцери гуляли у Кропотова, у вечеру же фейверкъ мелкій отправлялся. Зъ п. обознимъ прилуцкимъ въ первое увидѣлемъся и листъ Демяновъ получилемъ, въ которомъ пишетъ, что въ Астраханѣ цѣна гор. вѣд. 3 р. 14 а., 4 д. и что сюда зъ Андрушкомъ прислалъ гор. вѣтер. 15 и квартъ 14. Гулялисмо у Дебринея въ глубокую ночь.

25. Четвер. Сегодня обѣдалисмо оба у Еропкина и по обѣдѣ играли въ карти.

26. Пятокъ. Сегодня въ кватери своей былисмо. Кропотову генералу гостинецъ далъ. Писма до дому составляли. Кочубей зъ Сулимою, посидя у насъ, отойшли.

27. Субота. Сегодня кушалисмо у себе и у насъ Іванъ Тарновіотъ. У вечеру былемъ у Шереметева, оттуду у Дебринея, до которого тогда жъ Гайдемиръ прислалъ въ гостинецъ кумичку дѣвчину и вина. Консилѣумъ генералѣтета состоялось о походѣ будущемъ.

28. Неделя. Сегодня на водки были у насъ генерали оба и другіе штапъ офѣцери. А обѣдалисмо сами зъ Тарновіотомъ. Отправили писма въ Пѣтербурхъ, до Петра Андрѣевича, и въ домъ черезъ Бейкѣчева прапорщика, а въ домъ до родителей и жени о своемъ поведеніи, и чтобъ виправа зарання была прислана. О поведеніи жъ до брегадира, прокурора и Петра Петровича, особливо до ясневелможной, а до Демяна о покупцѣ тамъ разнихъ рѣчій въ Астраханѣ до кухнѣ и смушковъ и чтобъ кромѣ 4 барилъ розведеной водки болшъ не продавалъ, тамъ теперъ у его 10 барилъ

горѣлки всеей. Писалемъ и до Полянского о пересилки писемъ и до ахтирского полковника.

29. Понеделокъ. Сегодня рано былисмо у Дебринея, оттуду у Кропотова и кушалисмо тамъ оба, я и п. Михайло. Шереметевъ подарилъ стогъ сѣна п. Михайлу и посланъ за тимъ Алексѣй. У вечеру Дебриней, Дефаршъ, Діонетъ и Макарте были у насъ и просидѣли долго, въ карти играючи, въ ломбаръ и пѣкетъ, и потомъ отойшли. Щиталемъ сколко разій писалемъ въ домъ, зъ дому рушившись, и показалось, отъ мая 21-го до ноевр. 28, 18 разъ. Писалемъ до Кандиби, упоминаючись о куфу гор. мою позиченую. П. Михайло Вѣжевскому далъ въ росходъ своихъ грошей 10 р.

30. Вовтор. Сегодня рано по службѣ Божой былъ я въ Еропкина, оттуду въ квартеру прійшолъ и кушали у себе, оба, зъ обознимъ прилуцкимъ и Панченкомъ. По обѣдѣ Еропкинъ и Сомовъ были у насъ и играли до позна въ карти. У лазнѣ, въ кватирѣ Кочубея, милисмося, а по лазнѣ у Дефарша, где и Дебриней зъ Макартіемъ и зъ ихъ женами былъ, и тамъ танчили, и до полночи просидѣли.

Мѣсяцъ Декав. 1. Середа. Сегодня рано былисмо у генераловъ Шереметева и Кропотова, у которого и кушалисмо оба зъ Кочубеемъ, а оттоль были у Еропкина, и тамъ зъ нимъ и зъ Сомовимъ играли въ карти за полночъ, зъ виграшомъ. Капитана, зъ epistema болѣзни умершого, ховано, и стреляно. Получилъ писмо Гаврилово, зъ Терку 23-го ноевр. писанное, въ которомъ обявляетъ, что онъ лососіовъ насолилъ 1370.

2. Четвер. Сегодня обѣдалисмо у себе зъ Тарновіотомъ, а у вечеру былъ у насъ Дебриней, Дефаршъ и Макарте, и посидя отойшли, зъ которими ми пойшли къ Дебрineю и тамъ прозабавили до полночи, и о Дефаршу его перепросили.

3. Пятокъ. Сегодня обѣдалъ у насъ Худолѣй. Мартину далемъ 10 р. на розніе потреби и на заплатку вола. Извѣстилисмося, что позавчорайшого дня принесенъ указъ споминать въ церквѣ его королевское височество князя Голштинскаго зъ супругою его, государинею цесаревною Анною Петровною.

4. Субота. Сегодня рано были мы въ службѣ Божой, въ церквѣ малой, зъ Кочубеемъ, а по службѣ обѣдали у себе и зъ нами Петракий. Извѣстно учинилось, что угнато слободскихъ 42 лошадѣ, якобы татарами, которіе пріехавши, будто хотѣли и часового схватать, але за суккурсомъ донскихъ прогнани зостали. Ходилемъ смотрѣть работи козацкой около валу, оттуду зайшолъ до оберпровіянтмейстера Лутавина, оттуду въ Еропкина и оттоль въ Дебринея, где прогуляли за полночъ.

5. Неделя. Сегодня былъ я въ церквѣ великой на службѣ, а по службѣ, прійшовши въ домъ, обѣдалисмо оба зъ Костенецкимъ и Тимофѣемъ Скоропадскимъ. Терковскіе козаки и татаре пріехали сюда для походу, и являлись Еропкину у Дебринея. У вечору ходилисмо до Гевалдіера енер., где генерали были. Чепанъ Шафкалъ отзивался сюда, якоби съ тимъ, что мѣетъ пріехать къ генераламъ и отдать своего унука въ аманати.

6. Понеделокъ. Сегодня по службѣ Божой былисмо у генераловъ и кушали зъ Еропкиномъ у Кропотова, а посля у Шереметева играли въ карти. Отъ княгинѣ Братунской пріехали 2 посланца и були у генерала Шереметева, и писма, на малихъ карткахъ состоящіе, вручили. Гудимъ посланъ въ лагеръ затимъ, чтобъ оттуду по провіянтъ до Нижней станицѣ, где Потапъ уже найдуется. Василь козакъ, пріехавши зъ лагера, донеслъ, что накосили трави на насъ 25 копиць въ двохъ мѣстцахъ.

7. Вовторокъ. Сегодня обѣдалемъ у Еропкина, по обѣдѣ пріехалъ Гаврило слуга п. Михайла зъ Астраханѣ и сказалъ, что привезлъ онъ овса четвертей 10, да вина бочонокъ, Демяномъ купленніе. Прошлой ночи татаре подбѣгали и покололи донца одного. У вечеру играли въ карти у Шереметева зъ Еропкиномъ и офѣцеромъ.

8. Середа. Сегодня обѣдалисмо у себе, а по обѣдѣ заходилъ до насъ Еропкинъ и харковскій полковникъ Квѣтка, и играли въ карти. Милисмося въ лазнѣ у кватирѣ Кочубея, а потомъ до Шереметева ходили. Въ лагерѣ полку лубенского куреней скилка згорѣло.

9. Четвер. Сегодня рано муштровались полки великор. регулярніе и стреляли, куда генерали смотрѣть и протчіи ходили на

валъ, где и я былъ. Кандиба присилалъ Андрѣя Трощинского ко мнѣ уговоруватись, за куфу гор. оковитой, у мене позиченой, чтобъ я, цену оной сказавши, денгами, а не горѣлкою взялъ. Зъ нимъ же Трощинскимъ обѣдали ми въ своей квартерѣ, а по обѣдѣ ездилемъ посѣщать болѣзнуючихъ Андрѣя Миклашевского и Василя Гамалѣю, и посидѣвши у нихъ, отехалемъ на свою квартеру. Получилемъ писма отъ Полянского и Демяна зъ Астраханѣ, Демянъ пишетъ, что онъ писалъ ко мнѣ 4 рази и что послалъ овса четвертей 10 и вина ренского, черезъ Гаврила, п. Михайлового слугу, и что зъ Бухарѣ въ каравану часть, а горѣлка въ Астрах. по 3 р. подробицею, а гуртомъ по 2 р. зъ полтиною продается.

10. Пятокъ. Сегодня былисмо въ своей квартерѣ. Оглядалемъ тют. тутъ, которого будетъ $3^{2}/_{1}$ ($^{1}/_{2}$?) окъ. Сало малое, позиченное у лубенского чловѣка, и куль овса, отослалъ къ Еропкину. Ходилемъ у вечеру зъ п. Михайломъ до Шереметева и, тамъ игравши въ карти зъ Еропкиномъ и комисаромъ Шеншиномъ зъ виграшомъ, прийшолъ въ домъ.

11. Субота. Сегодня по службѣ Божой былъ у Кропотова и тамъ оба кушалисмо, а по обѣдѣ были у Дебринея и тамъ въ ломбаръ играли. У вечеру билъ у насъ Дебриней, Макарти и Дефаршъ, и посидя отойшли. Сегодня малороссійскіе и слободскіе козаки и бунчуковіе, рушивши зъ своего лагеру, прійшли къ крѣпости ст. Креста и стали лагеромъ на первомъ мѣстѣ близъ города. П. Михайло своихъ грошей далъ Мартину 5 р. на рогніе потреби, по отходѣ нашемъ. Вѣжевскому далемъ 3 р.

12. Неделя. Сеей ночи противъ неделѣ татаре отогнали лошадей 22 полку чернѣговского. Мартину далемъ 3 червонихъ на потреби. Ему жъ зъ Алексѣемъ наказъ далемъ, що мѣютъ по отходѣ нашемъ дѣлать, а сами по службѣ Божой, покушавши, были у Дебринея и у Шереметева, откуду зъ Кропотовимъ прійшли до Кочубея, а оттоль и въ нашей квартирѣ. О полднѣ рушили въ походъ мы при генералахъ Кропотову и Шереметеву, и дойшовши лѣса, прозиваемого татарскимъ язикомъ Дурвасъ, въ 20 верстахъ отъ крѣпости отстоящого, тутъ на ночлѣгъ стали лагеромъ, а ла-

геръ устроенъ былъ фѣкгурою баталіонъ де каре; въ переду ишли передъ авангардіею терковскіе и гребенскіе козаки, потомъ авангардія, а въ корпусѣ въ чолу пѣхота и на задѣ по бокамъ драгуне, которихъ было на 4000, а зъ нерекгулярними всѣхъ 9404 чловѣка; поузъ драгунъ по бокахъ малороссійскіе и слободскіе, и донскіе козаки ишли. Въ мѣсто брегадира отправлялъ полковникъ Аракчѣевъ, надъ нерекгулярними полковникъ Еропкинъ, надъ пѣхотою полковникъ Фонстраль, да подполковникъ Лопухинъ. Сеей ночи къ нашему лагеру подбѣгало татаръ нѣсколконадцять чловѣка подсмотрувать и провѣдувать о насъ; огнѣ на горахъ видни были. Бунчуковіе за авангардіею при генералу Кропотову ишли и становились за ними жъ, за палаткою Еропкина.

13. Понеделокъ. Сегодня рушили зъ вчорайшого ночлѣгу свѣтомъ уже, и ишли верстъ зъ 10 отъ лѣса Дурвасу, взявши у право и пройшовши степъ безтравний и безводний, прийшли до води солодкой, болотомъ стоячимъ, и тутъ на травѣ нехудой стали лагеромъ.

14. Вовтор. Сегодня рушилисмо свѣтомъ зъ вчорайшого ночлѣга, и пройшовши около 10 верстъ, прійшли къ горамъ кавказскимъ къ ущеллю, къ правой руцѣ отъ Кумъ Таркаловъ будучому, въ которое первей легкіе войска, потомъ авангардія и особливо коммендированнихъ зъ полковъ кавалеріи 400, а пѣхоти 400 увойшли, а после и увесь корпусъ. Ущелле тутъ весма натурою крѣпкое, ибо сквозь камяніе гори вмѣсто валу, за которими если бы моглъ непріятель зъ пушками засѣсти, то зъ великою развѣ-бъ трудностю входъ моглъ быти, але зъ непріятеля жадного чловѣка невидать было. Близъ сего ущелля нѣкоторіе лошадѣ, отгнанніе татарами 12-го числа, найшлися. Таковимъ ущеллемъ, инде узкимъ барзо, инде поширшимъ, ишлисмо верстъ зъ 6, поминувши у лѣво шляхъ до деревнѣ Канчударъ, шафкалского владѣнія, и прійшовши стали подъ горою, поколь обозъ сталъ надходити, а потомъ, оставивши дорогу, у право идучую до Андрѣевой деревнѣ, у лѣво на гору пошлисмо и, зійшовши на гору, увидѣли тамъ раздолъ пространний, толко на немъ мало трави, и пройшовши онимъ верстъ зо двѣ, спустились зъ гори у низъ, и стали на низу лагеромъ межи горами,

куда нескоро вози наспѣли за гороватою збитъ дорогою. Ординансъ при Шереметеву отправовалисмо, оба зъ п: Михайломъ. Вечералисмо у Еропкина оба.

15. Середа. Сегодня рано рушилисмо зъ вчорайшого ночлѣга и, роздоломъ пройшовши верстъ около 5, прийшли надъ рѣчку Кумтаркалскую и, минувши въ лѣво дорогу, ущеллемъ до Кумтаркаловъ ведучую, пошли вправо ущеллемъ и, пройшовши ущеллемъ верстъ зо двѣ, прийшли до Капчудаю, деревенки разоренной, и отъ оной пройшовши и переправившись черезъ тую жъ рѣчку, стали лагеромъ на пригорбку, гте и первого походу стояли. Обѣдалисмо у капитана Никити Іван. Уварова. Зъ сего лагера побѣгли донскіе козаки, яитскіе и колмики 150 чловѣка впередъ къ кумикамъ, и напавши на татаръ, подля лѣса найдовавшихся 20 чловѣка, былись зъ ними и отъ нихъ живцемъ одного взяли, а двохъ убыли, протчіе же порозбѣгались въ гори, и отбыли у нихъ 135 товару рогатого, да 400 овецъ; оний татаринъ, живцемъ взятий, сказалъ себе быти слугою владѣлца деревнѣ Капчудай. Да онъ же въ допросѣ сказалъ, что впереду многое число татарскихъ ауловъ есть, и что шафкалъ въ селѣ своемъ Кайдарахъ обрѣтается и много число всякаго скота вчорайшого дня отсюду далѣй загнато, чого ради 700 чловѣка нерекгулярнихъ со всѣхъ камандъ наражено посилать въ погоню.

16. Четверъ. Сегодня зъ вчорайшого ночлѣга рушили мы свѣтомъ, а за 3 часа до свѣта комендировано вишепомянутихъ козаковъ, которихъ мы, не доежджая села Капиркумикъ, доехали и увѣдомились, что они никого невидѣли, толко въ Капиркумикахъ застали хати затопленіе, а татаре знать передомъ порозбѣгались. Въ маршу нашемъ нинѣшнемъ, охотники зо всѣхъ камандъ нерекгулярніе, побѣгши влѣво на гори, напали на аулнихъ татаръ, которихъ было чловѣка зъ 30 и, учинивши съ ними бой, убыли одного, а другіе въ гори порозбѣгались, женъ засъ ихъ и дѣтей обоего пола многое число забрали и припровадили до лагера, такъ же и скоту всякого. Идучи мы до Капиркумикъ, видѣли, что вода ровомъ текла у гору на килка верстъ, импетъ забираючи отъ рѣчки бистро текучой, отъ которой тотъ ровець улѣво здѣланъ, и помалу внизъ то

вгору, для забрання болшого импету, прокопанъ, на которомъ и мелници маліе, при водянихъ колахъ сторчъ стоячихъ, построени. Пройшовши мы до села Капиркумики, отъ вчорайшого ночлѣга якбы у 6 верстъ отстоящого, увидѣли оное разореное, а на другой сторонѣ рѣчки въ другомъ селѣ, Халѣбѣкгай називаючомся, хочай разоренномъ, было вновъ уже строячихся, але недостроеннихъ хатъ нисколко.

17. Пятокъ. Сего ранку рушивши зъ вчорайшого лагера зъ подъ деревнѣ Халѣбѣкговъ ишли все роздоломъ и видѣли деревню, Шуру зовемую, якая намъ была влѣво отъ дороги за версту, спаленную подчасъ первого еще походу, а ишли мы отъ Халѣбикгава, завернувши вправо, Казаниши же за горою были намъ влѣво, и пришлисмо къ селу Ірпелямъ нижнимъ и стали лагеромъ, недоходя села, якъ бы у полъ версти. Зъ маршу сего нашего, до Ірпеліовъ недоходя онихъ, коммендѣрованно рекгулярнихъ нѣсколко сотъ и нерекгулярнихъ близъ двохъ тисячъ передомъ къ селу Ірпелямъ и далѣй, которіе пройшовши къ Ірпелямъ, нѣкого тамъ зъ татаръ незастали, для чого за Ірпелѣ пошли и, пройшовши мало, рекгулярніе стали, а нерекгулярніе къ вишнимъ Ірпелямъ пошли, где на многихъ местахъ наехавши татаръ, съ ними бой имѣли и зъ ущеллей ихъ повиганяли въ гори болшіе, по близу будучіе, а пожитки ихъ розніе, въ ярахъ, въ гарбахъ лежавшіе, позабырали, и убито тамъ татаръ много число, около 100 чловѣка, а зъ нашой сторони убито 6 чловѣка, а ранено около 10, между которими драгунъ еденъ убитъ, а другій раненъ. Ірпелѣ Нижніе съ приходу нашего сидятъ на роздолѣ великомъ, а отъ горъ високихъ зайшолъ яръ барзо глубокій, въ которомъ вода течетъ, въ онихъ жилля 300; строеніе противъ другихъ деревень горскихъ хорошіе, особливе домъ каменний князя ірпелѣнского, каменний, въ которомъ на верху и на сподѣ жилля доволно, въ которихъ зъ генералами ходилисмо. Князь сей ірпелѣнскій до владѣнія шафкалского надлежитъ. По обѣдѣ коммендировано рекгулярнихъ и нерекгулярнихъ въ вишніе Ірпелѣ того жъ владѣнія для спалення онихъ, которими подъ висшими горами сидятъ, отъ сихъ Ірпелей будетъ туда верстъ зъ 4, а въ нихъ жилля было 600. Татаръ 2 взято въ полонъ и козакъ

единъ донскій, прошлого року взятий въ полонъ подъ Дербентомъ, вийшолъ и сказовалъ, что за сими висшими горами еще суть снѣговіе гори еще висшіе.

18. Субота. Сей день дновали мы на семъ же мѣстцу, откуду коммадированъ подполковникъ Лопухинъ въ деревнѣ, именуемі Каранай и Медичинъ, для спаленія онихъ, и при немъ 400 інфантеріи, а 400 кавалеріи, нерекгулярнихъ зась пѣшихъ и конних на 3000 зъ 2-ма пушками, которіе за прибытіемъ своимъ туда оніе деревнѣ запалили, а татаръ, при ущелляхъ стоявшихъ, розигнали, вистрѣливши залпомъ нѣсколко на нихъ, а пожитки татарскіе, въ ярахъ зложенніе, побрали, которихъ было многое число, медних посудъ, ковровъ и проч. Тамъ же знайдено двохъ козаковъ нашихъ ранених, которіе вчорайшого дня зъ другими бувши тамъ и неуспѣвши повернутись, а видячи близко татаръ, приходившихъ къ тимъ пожиткамъ, схоронились тамъ же межи пожитки и лежали до сего часу, которіе сказовали, что татаре черезъ всю ночъ вивозили оттуду лутшіе свои пожитки далѣй въ гори; тогда жъ убито козака едного донского и 2 ранено, и съ татаръ такъ же убито, а сколко несвѣдомо. Караначай и Медичинъ деревнѣ князя ірпелѣнского, владѣнія шафкалского, въ Каранаи дворовъ 100, а въ Медичинѣ 60, сидятъ оніе подъ болшими горами, между глубокими и крутими ярами, къ которимъ жадного проезду возами немашъ. Надъ вечоръ запалени нижніе Ірпелѣ, при которихъ мы лагеромъ стояли, и всю ночь горѣли. Бунчуковій товаришъ Леонтій Чуйкевичъ, житель полтавскій, въ той же партіи бывшій, невѣдомо где подѣлься.

19. Неделя. Сегодня поутру много кгрузинцовъ зъ женами своими поприходило къ намъ. Рушилисмо зъ прежнего лагера и, назадъ повернувши, ишлисмо поузъ прежде реченной деревнѣ Шуру и Халѣбикгавъ, и минувши Халѣбикгавъ, повернулисмо улѣво назадъ къ ущеллямъ Кумтаркалскимъ, и недоходя Капчудаю якъ бы верстъ у 5 отъ Халѣбикгава, стали лагеромъ на горѣ. Сегодня передъ вечоромъ коммендировано 100 нерекгулярнихъ къ ущеллямъ, черезъ рѣчку Кумтаркалскую будучимъ, которіе наехавши на татаръ аулнихъ, прогнали онихъ, а взяли верблюдовъ 7 и коровъ зъ быками

около 40, и пригнали въ лагеръ; тогда жъ взятъ и полоняникъ еденъ, взятий еще малимъ у Камянного Затону, которий сказалъ себе вѣдаючого многихъ татаръ аулнихъ, при которихъ многое число всякой скотини обрѣтается.

20. Понеделокъ. Сегодня рано, по сказцѣ вчора припроваженного полонянина рускаго, комендировано въ партію маіора Аргарова къ онимъ 400 драгунъ и гранадеровъ 50, особливе нерекгулярнихъ и полтори тисячи на аулнихъ татаръ, о которихъ помянутий полонянинъ говорилъ, чего ради мы на семъ мѣстѣ дновали. А въ день генерали оба были въ насъ и посидѣвши отойшли. Маіоръ Аргаровъ зъ партіи позно возвратилъся, которій за прибытіемъ своимъ обявилъ, что татаръ аулнихъ на томъ мѣстѣ незасталъ, где полонянинъ застать надѣялся, того ради, что оніе татаре передомъ съ того мѣста отойшли, якъ пойманний тамъ татаринъ обявилъ, и раздѣлились надвое, едни пошли влѣво въ яри глубокіе и лѣси, а другіе поишли жъ къ Казанишамъ, которихъ оставивши, за першими слѣдовалъ, и наехалъ онихъ, межи горами кріючихся, где до 50 мужеска и женска барзѣй полу отъ нашихъ убито зостало, а живихъ татаръ приведено въ лагеръ 4 чловѣка, межи которими и мурзи аулного племенникъ приведенъ, и татарокъ зъ дѣтми около 40 душъ и скотини съ ними взято рогатой до 1500, овецъ до 1200 и нѣсколко верблюдовъ зъ гарбамы. Тогда жъ грузинцовъ чловѣка около 10 вийшло зъ неволѣ къ намъ.

21. Вовтор. Купилемъ татарчука малого, якобы троелѣтного у яицкихъ козаковъ, и далъ за его 7 р. Сегодня рано рушившись мы зъ понеделкового ночлѣга, ишли поузъ деревню Капчудай и тимъ же ущеллемъ виходили въ межигоръ, якимъ первого походу октовр. 11, о чомъ на концу сеей книги описано, виходили, и вишедши стали лагеромъ на томъ же мѣстѣ, где и прежде, проминувши у право стоячій городокъ Кумтаркали на горѣ, куда оба зъ полковникомъ Еропкиномъ ездилисмо и видѣли увесь разоренний першого походу и, пройшовши мало, неподалеце стали пещанихъ горъ на сей же сторонѣ.

22. Середа. Сегодня на свѣтанню енералъ Кропотовъ и мы всѣ бунчуковіе рушили съ нимъ съ подъ Кумъ Таркаловъ до Су-

лаку, оставивши коменду генералу Шереметеву, да при немъ же драгунъ 2 роти и козаковъ нерегулярнихъ 1000, а доехавши лѣсу, зовемого Дурвасъ, въ половинѣ дороги отъ Кумтаркаловъ до Сулаку будучой, тутъ опочили годинъ на 2, оттуду рушивши, онъ же зъ притомними себѣ приближился къ Сулаку, противъ которого за 2 версти отъ города виехалъ на встрѣчъ полковникъ Лѣцкинъ, зъ синами Кропотова и другими офѣцерами, и когда вежджали въ крѣпость вистрелено зъ пушокъ 7-ми, честь ему отдаючи.

23. Четвер. Сегодня поутру милися мы у банѣ зъ Кучубеемъ и другими. Въ обѣднюю годину генералъ Шереметевъ зъ всѣмъ корпусомъ пріехалъ, которому честь отдано зъ 7 пушокъ. Дебриней зъ прорви пріехалъ, у которого, также и у Еропкина, былемъ. Мартину 4 р. вернулемъ, якіе онъ стратилъ, а Вѣжевскому до прежнихъ 3 р. придалемъ еще 7 р. и того всѣхъ 10 р., на власніе мои потреби. Получилемъ 2 писмѣ Демяновихъ, 13-го и 19-го ноевр. писанніе, въ которыхъ пишетъ, что водка дешева въ Астраханѣ и табакъ; и Стефанъ Миклашевскій зъ Шираемъ послали въ Гилянъ свою водку. У вечеру былъ у насъ Дебриней, а потомъ мы у его сидѣли до полночи.

24. Пятокъ. Сегодня ездилемъ въ лагеръ, и тамъ ночовалемъ у п. Трощинского. Яицкимъ козакамъ, продавшимъ въ походѣ еще татарчука мнѣ, заплатилемъ 7 р., позичивши у пана Борзни (sic), а червоного отобралемъ. Получилемъ писмо зъ Астраханѣ отъ Дорошенка, въ которомъ пишетъ, что Павелъ Козловскій умеръ 14-го ноевр. и погребенъ при лазаретѣ.

25. Субота. Рождество Христово. Сегодня рано пріехалемъ зъ лагера въ крѣпость и былъ у генераловъ и Еропкина, а обѣдалисмо у себе зъ Лазаревичомъ; по обѣдѣ были у Шереметева, а оттуду у Кропотова, а у вечеру былисмо оба зъ п. Михайломъ и Кочубей у полковника Дебриня и просидѣли до полночи, гуляючи, того ради, что онъ сей день своего рожденія празднуетъ. Зъ Гиляни пріехалъ мичманъ Норовъ и сталъ тутъ 19-го дня своей ѣзди, того ради, что таковіе вѣтри жестокіе и противніе ему были, ради которихъ мусѣлъ на якорѣ стоять.

26. Неделя. Сегодня были по службѣ у полковника Лѣцкина, а оттуду у Дебринея, где и кушали и за полночъ прогуляли, а компанѣя была: насъ 2, Кочубей, Дефаршъ, Макарти; Панченко, асаулъ прилуцкій, потомъ пришолъ, за которого перепросили Дебринея. Отъ Гаврила получилъ зъ Терку писмо, писаное 21 ноевр., въ которомъ писмѣ тожъ що и въ первомъ ознаймуетъ декавр. 1, числа 3 го полученомъ намъ, и что покупалъ 100 лососей по 6 р. и по 6 р. съ полтиною. Василь козакъ, при мнѣ бувшій, отойшолъ. Черезъ того донца, который Гавриловъ листъ привезлъ, и риби лососей 15 прислалъ онъ же Гаврило, а самъ въ путь (?) рушилъ (?).

27. Понеделокъ. Сегодня обѣдалисмо у Кочубея. Дебриней поехалъ въ прорву. Полковникъ Андрей Яковлевичъ Лѣцкинъ въ розговорѣ, съ нами бывшомъ своемъ, сказовалъ, что когда онъ прошлого року ездилъ зъ командою встрѣчу принцу Грузинскому, пришолъ до Кабарди меншой и болшой, въ горахъ кавказскихъ будучой, где видѣлъ рѣку Аксай, многократно въ малiе ровчаки роздѣленную, которими оная въ гору на 100 и болше саженъ идетъ бистро; да онъ же говорилъ про состоянiе Грузинского государства, что прежде сего за 60 лѣтъ, оное государство силно было и принца сего прадѣдъ былъ абсолютъ, имѣлъ свое государство, составленное зъ 4 провинцiй, Милитiйской, Грузинской, Георгiянской и Кахетанской, который, умираючи, помянутое свое государство роздѣлилъ синамъ своимъ тромъ, старшому 2 провинцѣи, а меншимъ обоимъ по одному, зъ которихъ середнiй синъ, не контентуючись тимъ, зъ братомъ своимъ старшимъ войну имѣлъ и, немогучи одолѣть, подъ протекцѣю торецкую удался, зъ которою брата своего побѣдилъ и войска турецкiе впровадилъ, которiе, тамъ осѣвши, гварнѣзони завели и подъ область турецкую все пригорнули, а теперъ и самий столичний городъ Тевризъ (sic) взяли, отъ якого гоненiя тогда еще старшiй братъ еще удалился подъ протекцѣю россiйскую, а теперъ и нинѣшнiй принцъ того жъ племени, за кгвалтовное насилiе, отъ турковъ и горскихъ чинившееся ему, мусѣлъ уехать и поддатись тожъ подъ россiйскую протекцѣю.

28. Вовтор. Сегодня по службѣ Божой билисмо у Кропотова и тамъ кушали, а по обѣдѣ заходили до Кочубея и тамъ посидѣли. У вечеру полковникъ Лѣцкинъ призивалъ по насъ, до себе зовучи, у которого былисмо и, просидѣвши до позна, прийшли въ свою квартеру. Мартинъ станицкому донцеви степану далъ гор. на вишинкъ. Кандиба зъ прочіими товарищи былъ у насъ и разговорували о посилцѣ писма къ Матюшкину генералу.

29. Середа. Сегодня рано были у насъ Кочубей, Сулима и Шидловскій капитанъ, а ми сами по одходѣ ихъ кушали у себе. У вечеру были у Шереметева и тамъ играли въ карти зъ Еропкинимъ и Пронтищевимъ, а потомъ вечерали.

30. Четвергъ. Сегодня рано былисмо въ банѣ, обрѣтаючойся въ квартерѣ Кочубея и зъ нимъ же Кочубеемъ, а по банѣ призивани были до Шереметева и тамъ кушалисмо; по кушанню играли въ карти зъ виграшомъ. Мартинъ въ лагеръ поехалъ, а прежде тутъ насипалъ вина красного 20 бутилокъ. Капитанъ Діонетъ, бывшій при прорвѣ, пріехалъ и обявилъ, что вскорѣ загачена будетъ оная и вода сюда пойдетъ.

31. Пятокъ. Сегодня рано отправленъ Потапъ въ лагеръ, а зъ нимъ и писмо до Кандиби, упоминателное про горѣлку мою позиченную. Мартинъ далъ на вишинкъ горѣлки козаку лукомской сотнѣ, жителю села Онушокъ Яцку Шендрикови, чарка по копейки. Василь козакъ былъ тутъ рано и подалъ карту чили реестръ Миколаевича и про тютюнъ астраханскій говорилъ, что кромѣ куховъ по лѣчбѣ его показалось папушъ 8950, зъ которого продалъ Юско толко два пуда. Кропотову подалемъ доношеніе о пропуску Грицку Гудиму въ Астраханъ. Обѣдалисмо у Яропкина, где капитанъ Титъ Петровъ синъ доволно плутовалъ до увеселенія нашего. Отправилемъ писмо отвѣтное до Дебринея, что теперъ на прорву быть не можемъ за виправою слуги въ Астраханъ и отсилкою коней на прорву. Сегодня впервое снѣгъ малій спалъ и лежалъ оній часовъ зъ два, а противъ завтрейшего дня показалъся морозъ, а то до селѣ держало погодою теплою сухо.

Короткое описаніе походу великороссійского и малороссійского и слободского войска, такъ жъ донцовъ и колмикъ въ гори противъ Шафкала. 1725 року, септ. 26 дня при Сулаку.

Мѣсяц. Септ. день 26, неделя. По обѣдѣ малороссійскіе козаки и товариство бунчуковое рушили зъ лагера и ишли вкругъ города крѣпости ст. Креста, за рекгулярними заразъ, по 4 чловѣка въ шеренкехъ. Одийшовши отъ города за версту, стали лагеромъ впереду регулярнихъ, а въ передѣ донскіе козаки, фѣкгурою баталѣонъ де кари. Компанѣя сія состоялася въ слѣдуючемъ числѣ: было рекгулярнихъ інфантеріи 2 полка, надъ которихъ имѣлъ комменду полковникъ фонъ Страль; а 2 полка кавалеріи, надъ ними полковникъ Аракчѣевъ; бунчукового товариства 70, малороссійскихъ козаковъ 2000, слободскихъ 1000, донскихъ 3000, яитскихъ 1000, терковскихъ и гребенскихъ 300, колмикъ, около Черкаского кучуючихъ, 700, пѣшихъ донскихъ зъ станицъ, по надъ Сулакомъ рѣкою осаженнихъ, нѣсколко десятковъ; а надъ всѣми за генерала аншефта правилъ генералъ маіоръ Кропотовъ, да другій генералъ маіоръ Шереметевъ, надъ малоросс. и слободскими и другими нерекгулярними полковникъ Еропкинъ, а вмѣсто брегадира полковникъ Лѣцкинъ, да въ рекгулярнихъ же въ кавалеріи зъ штапу полуполковника 2—Сомовъ и Соймоновъ; при рекгулярнихъ было пушекъ 8, а при слободскихъ 2.

27. Понеделокъ. Рано сегодня пріехалъ въ лагеръ генералъ Матюшкинъ и генералъ Кропотовъ и рушили 8-го часа по полночи, къ Таркамъ видомъ, и когда рушали полки, оба генерали Кропотовъ и Шереметевъ винявши шпадъ, отдали честь генералу поручику Матюшкину и вдарили везде по полкамъ въ барабани, когда генералъ Матюшкинъ всѣ комменди обездилъ, и опровадивши компанѣю верстъ за 5 отъ города, пожекгналея со всѣми и вернулся назадъ, а корпусъ увойшовши отъ города верстъ зъ 15, стали лагеромъ 3-го часа пополудни, на степу, недоходя верстъ за 7 лѣса, зовемого Дурвасъ, и тутъ ночлѣгъ имѣли.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ „Кіевской Старинѣ“ печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній, разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта, или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки, легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ по мѣрѣ надобности будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіи шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензіи.

„**Кіевская Старина**“ выходитъ въ 1892 году, по прежней программѣ и при участіи прежнихъ сотрудниковъ, 1-го числа каждаго мѣсяца, книжками въ 12 и болѣе листовъ. По мѣрѣ надобности прилагаются портреты и рисунки.

Открыта подписка на „КІЕВСКУЮ СТАРИНУ“ на 1892 г.

Цѣна за 12 книгъ, съ приложеніями и рисунками **10 р.** съ доставкою и пересылкою, на мѣстѣ **8 р. 50 к.** Разсрочка допускается по соглашенію съ редакціею.

Подписка принимается въ редакціи журнала „**Кіевская Старина**“, Кузнечная, № 14.

Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку журнала только передъ лицами подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія какой либо книжки журнала гг. подписчики благоволятъ немедленно по полученіи слѣдующей книжки присылать заявленіе о неполученіи въ редакцію съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстнаго почтоваго учрежденія.

Въ редакціи продаются полные экземпляры „Кіевской Старины“ за годы 1883, 1884, 1885, 1886, 1887, 1888, 1889, 1890 и 1891 по **8 р.** за 12 книжекъ, съ пересылкою **10 р.** При покупкѣ за всѣ годы 20% уступки. Отдѣльныя книги за 1882—91 г. по **1 р.**

Издатель **К. М. Гамалѣй.** За редактора **Е. Кивлицкій.**

Дозволено цензурою. Кіевъ, 30-го декабря 1891 года.

Дозволено цензур. Кіевъ, 1-го декабря 1892 г.